ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Г. С. ЗДАНОВИЧ

ИДЕМ В НАСТУПЛЕНИЕ

OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самоотверженно действовала в годы Великой Отечественной войны 203-я стрелковая Запорожско-Хинганская орденов Красного Знамени и Суворова II степени дивизия. Трудным, но славным был ее путь, протянувшийся от Сталинграда до западных границ нашей Родины. Именно этим событиям посвятил свои воспоминания Герой Советского Союза генерал-майор F. С. Зданович, более трех лет командовавший соединением. А между тем боевой путь 203-й не исчерпывается этим. Ей довелось участвовать в освободительном походе советских войск в Румынию, Венгрию, Чехословакию, а также вести бои в составе соединений, громивших Квантунскую армию. Отлично проявили себя в боях солдаты и офицеры 203-й. Семнадцать раз упоминалась дивизия в приказах Верховного Главнокомандующего. Более 16000 человек были удостоены правительственных наград, а 27 самых отважных стали Героями Советского Союза. Книга написана просто и доходчиво. Она рассчитана на широкий круг читателей

•

Список иллюстраций

Зданович, Гавриил Станиславович
Идем в наступление

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Зданович Г. С. **Идем в наступление**. — М.: Воениздат, 1980. — 181 с., с портр., ил. — (Военные мемуары). Тираж 65000. / Литературная запись *Л. П. Максимова*.

Аннотация издательства: Самоотверженно действовала в годы Великой Отечественной войны 203-я стрелковая Запорожско-Хинганская орденов Красного Знамени и Суворова II степени дивизия. Трудным, но славным был ее путь, протянувшийся от Сталинграда до западных границ нашей Родины. Именно этим событиям посвятил свои воспоминания Герой Советского Союза генерал-майор Г. С. Зданович, более трех лет командовавший соединением. А между тем боевой путь 203-й не исчерпывается этим. Ей довелось участвовать в освободительном походе советских войск в Румынию, Венгрию, Чехословакию, а также вести бои в составе соединений, громивших Квантунскую армию. Отлично проявили себя в боях солдаты и офицеры 203-й. Семнадцать раз упоминалась дивизия в приказах Верховного Главнокомандующего. Более 16000 человек были удостоены правительственных наград, а 27 самых отважных стали Героями Советского Союза. Книга написана просто и доходчиво. Она рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Новое назначение [3]
От обороны к наступлению [23]
На внешнем фронте сталинградского окружения [41]

Из боя — в бой [56]
Голая Долина [78]
В битве за Днепр [93]
Тревожные будни [129]
Здравствуй, Черное море! [143]
Дни испытаний и мужества [161]
Примечания
Список иллюстраций

Новое назначение

Шел четырнадцатый месяц Великой Отечественной войны. Над Доном, в жарком мареве, дрожало раскаленное небо, горько пахло полынью, в горле першило от серой пыли, поднятой с меловых круч то ли дальним взрывом, то ли без конца дувшими ветрами-суховеями.

— «Мессер», товарищ полковник, — спокойно сказал шофер, показав чуть в сторону от дороги. — Летит, проклятый... — Он искоса взглянул на меня, как бы спрашивая, надо ли останавливаться. Но мысли были заняты другим, и я не ответил.

От места моей прежней службы (я командовал курсами младших лейтенантов) до штаба 63-й армии, куда меня срочно вызвали, было километров сто. Всю дорогу я напряженно думал, какое срочное дело ждет меня в штабе.

Командарма генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова мне приходилось встречать в самые первые дни войны, когда гитлеровцы, воспользовавшись внезапностью нападения, глубоко вклинились в нашу оборону.

Тяжелым оказалось для Красной Армии лето 1941 года. И это породило кое у кого неверную оценку наших возможностей, поколебало уверенность в умении управлять войсками...

Пример генерала Кузнецова показывал обратное.

В ту пору я был начальником оперативного отдела штаба 66-го стрелкового корпуса, державшего оборону от Бобруйска до Мозыря. В одну из ночей со стороны неприятеля вышел к нам отряд красноармейцев — тысяча с лишним человек. Оборванные и голодные, но сохранившие оружие, спаянные отличной дисциплиной, они были вполне боеспособны. Людей вывел из окружения Василий Иванович Кузнецов. Меня тогда поразили выдержка [4] и удивительная внутренняя собранность генерала. Спокойно рассказывая о трехсоткилометровом пути отряда по фашистским тылам, Кузнецов был полон такого зажигающего оптимизма, что даже слушателям передался от него заряд бодрости...

Прошло более года, и мне снова предстояла встреча с генералом Кузнецовым.

— Пронесло! — весело крикнул шофер.

Я не сразу понял, о чем речь.

— Про «мессершмитт» говорю. Улетел. Да и кому нужна эта развалюха! — Он похлопал по замасленному черному колесу баранки.

Наша полуторка, подпрыгивая на ухабах, казалось, скрипела всеми своими составными частями. С приближением к Дону все больше ощущалась близость фронта. В селах виднелись следы пожарищ, по обочинам дороги застыли исковерканные машины. Одни казались белыми от осевшей на них многослойной пыли, другие еще сохраняли первоначальный цвет, хотя и были изъедены огнем. Иногда нам встречались санитарные машины и повозки с ранеными. С солдатских лиц еще не сошло беспокойное напряжение. Видимо, люди мысленно были еще там, на передовой.

Невдалеке от кабины вдруг взметнулась султанами земля, послышались взрывы: на дорогу пикировало звено немецких самолетов.

— Придется выйти и переждать, — сердито буркнул шофер.

Мы залегли рядом с полем, на котором красовались подсолнухи. Угнетенные жарой, они низко склонили свои желтые головы, чем-то похожие на маленькие солнца, словно хотели хорошо разглядеть землю...

Подсолнухи, подсолнухи... Было в них что-то от мирной жизни, будившее милые сердцу воспоминания... Рядом рвались бомбы, осыпался песок, пахло гарью, а подсолнухи в такт разрывам сердито качали своими золотыми шапками, будто не одобряя происходящее...

Второй год бушевала война... Этим летом главный удар гитлеровцев был нацелен на юг. Месяца полтора назад фашистским войскам удалось прорвать нашу оборону между Доном и Северским Донцом и выйти в большую излучину Дона. Сложная обстановка создалась для [5] войск Южного фронта, оборонявших Донбасс. По приказу Ставки они стали отходить на рубеж Дона...

Враг нацеливал удар дальше, к Сталинграду. Бои шли уже на подступах к городу. Одновременно немецкие танковые армии продвигались к Северному Кавказу. Страна переживала трудный период, и это ощущал каждый...

Во второй половине дня я наконец прибыл на командный пункт армии. Он располагался в бревенчатых избах с плотно занавешенными окнами: так спасались от жары и пыли.

Василий Иванович Кузнецов не заставил ждать, принял сразу. Он мало изменился за год: небольшой рост, аккуратная

подтянутость, быстрота движений делали его как бы моложе своих лет.

— Решением Военного совета армии вы назначаетесь командиром 203-й дивизии, — чеканя слова, неожиданно сказал он. — Ваш предшественник не оправдал надежд и снят с должности.

Кузнецов отошел к столу, на котором была расстелена карта и лежали гонко отточенные разноцветные карандаши.

— Прошу к карте. В общих чертах введу в курс дела.

Я подошел.

— Враг превосходящими силами атакует Сталинград. Чтобы оказать хоть небольшую помощь защитникам города, фланговые части нашей и соседней 21-й армии форсировали Дон на участке станица Еланская, город Серафимович. Они сбили оборону 8-й итальянской армии и заняли плацдарм...

Генерал показал плацдарм сначала на оперативной карте. Затем, видимо желая, чтобы я объемно представил себе то, о чем он говорит, провел карандашом по другой, мелкомасштабной карте, где была прочерчена вся линия фронта. Плацдарм, который показывал Кузнецов, даже здесь казался овалом, который нависал с севера над вклинившимся противником.

— 203-я стрелковая дивизия удачно провела первый бой. 26 августа два ее полка после успешной атаки захватили хутора Бахмуткин и Рубашкин. — Командарм бросил взгляд на карту. — Но потом... Полки были неожиданно контратакованы с флангов и, не оказав сопротивления, в беспорядке отступили... Повинны в этом бывший командир дивизии и командиры полков... Впрочем, подробней [6] вам расскажет об обстановке член Военного совета армии дивизионный комиссар Алексей Сергеевич Желтов. Он и заместитель начальника штаба армии полковник Кулешов более двух суток находятся на КП дивизии. Ваша дорожка тоже лежит туда. — Генерал вышел из-за стола, улыбнулся, дружелюбно протянул руку: — Желаю удачи!

Новое назначение вызвало у меня двойственное чувство. С одной стороны, обрадовало, поскольку перспектива воевать под непосредственным руководством генерал-лейтенанта Кузнецова казалась мне очень радужной. С другой — насторожило: встревожила формулировка, по которой был снят мой предшественник. Вот почему я ехал в дивизию с чувством озабоченности и какой-то внутренней скованности.

Дивизионного комиссара Желтова, встретившего меня на КП, я знал давно. Еще в довоенные годы мы вместе работали в Куйбышеве. Он после окончания Военной академии имени Фрунзе был назначен начальником политотдела дивизии, а

вскоре выдвинут на должность члена Военного совета Приволжского военного округа. Я же являлся начальником учебной части заочного отделения академии имени Фрунзе и непосредственно ему подчинялся.

Алексей Сергеевич Желтов всегда производил на меня хорошее впечатление: мне нравились его простота и душевность.

Месяц назад мы уже виделись здесь, на Дону, у станицы Вешенская. Алексей Сергеевич прибыл с Дальнего Востока в качестве члена Военного совета нашей 63-й армии. На фронте дивизионный комиссар проявлял завидное хладнокровие и смелость в минуты опасности. Однако и в новой обстановке он был по-прежнему доступен для подчиненных.

Я видел Желтова, когда он обходил передний край нашей обороны на участке 197-й стрелковой дивизии: в то время я был заместителем командира этой дивизии. Наши окопы не были сплошными, и член Военного совета спускался в каждый, беседовал с бойцами, выяснял нужды солдат, подбадривал их веселой шуткой, а потом подолгу наблюдал за передним краем противника.

Немцы, видимо, заметили какое-то оживление у наших окопов и в то время, когда Желтов переходил к следующей [7] группе бойцов, произвели сильный артиллерийско-минометный налет. Дивизионный комиссар не побежал, даже не пригнулся, а спокойно дошел под огнем до следующего окопа. И это была не удаль, нет! Здесь было большее. Бойцы, с восхищением наблюдавшие за поведением высшего командира, долго и уважительно вспоминали потом об этом. Мнение у них было единое: с таким комиссаром воевать можно... А солдаты умеют ценить храбрость...

Перейдя Дон по подводному мосту (доски были укреплены ниже уровня воды, чтобы противник не обнаружил переправу) и отшагав около двух километров, я попал на командный пункт дивизии, где и повстречался с ожидавшим меня Желтовым.

— Товарищ дивизионный комиссар... — начал было я представление по уставу, но Желтов прервал мой рапорт, по-дружески стиснул руку, предложил пройти в блиндаж.

Дивизионный комиссар полностью ввел меня в курс дела. Он уже хорошо изучил обстановку в полосе дивизии и рассказал о том, что случилось 26 августа у хуторов Бахмуткин и Рубашкин.

Два полка дивизии — 610-й и 619-й — перешли в наступление, сбили оборону противника и успешно преследовали его 10–12 километров. Стояла немилосердная жара. Разгоряченные стычкой, бойцы, ворвавшись в хутора, решили чуть передохнуть, укрыться в тени, утолить жажду... Увидев их, из

подвалов и уцелевших домов стали выходить местные жители. Общая радость и успех наступления на какое-то мгновение притупили бдительность. Люди смеялись, обнимали друг друга, им было хорошо в ту минуту, а о следующей просто забыли...

Солдат, командир взвода или роты знают свою ближайшую задачу. В данном случае они ее выполнили, захватив хутора. Вот тут-то и надо было вмешаться командованию дивизии, поставить следующую задачу, помочь в расстановке и движении войск. Командир дивизии обязан был видеть ход сражения. Для этого его наблюдательный пункт всегда переносится вслед за атакующими частями. Но этого не было в тот раз... НП командира дивизии и командиров полков отстали, сами же командиры не видели и не слышали того, что делалось на передовой.

А в это время на маленьком плацдарме была радость победы и освобождения, была та самая минута, когда [8] солдаты непростительно потеряли бдительность и не заняли оборону за хуторами.

Через три часа противник перестроился, подвел резервы и ударил по частям, находившимся в хуторах. Огневой налет оказался настолько неожиданным, что полки дрогнули, не сумели ни закрепиться, ни принять боевые порядки. В разрывах мин и снарядов, под жестоким пулеметным огнем гибли те, кто находился в только что освобожденных хуторах...

— Учтите, полковник, — говорил дивизионный комиссар Желтов, — и солдаты и командиры подавлены происшедшим. А потому главное сейчас — работа с людьми...

Проводив дивизионного комиссара, я вызвал к себе начальника штаба дивизии подполковника Антона Теофиловича Сивицкого.

В землянку вошел среднего роста, плотный, но подвижный человек. Приложив руку к козырьку фуражки, представился.

— Мы с вами встречались...

— В Ростове, в феврале сорок второго, — продолжил он начатую мной фразу. — Там у вас и у меня была пересадка, оба ехали в Армавир, в штаб Северо-Кавказского военного округа, за назначениями... Я — сюда, в 203-ю, а вы — на формирование 197-й...

Антон Теофилович тоже окончил еще до войны Академию имени Фрунзе. Службу же на фронте начал в оперативном отделе штаба 56-й армии.

Через несколько минут Сивицкий принес и положил передо мной отпечатанную на машинке бумагу:

— Прошу подписать первый приказ, товарищ комдив, — сказал он, чуть растягивая слова. Это был приказ о моем

вступлении в должность, датированный 31 августа 1942 года.

Начальник штаба доложил, что дивизия держит оборону на двенадцатикилометровом участке фронта. В тяжелых боях сильно потрепаны наши 610-й и 619-й полки. 610-й, командиром которого только что назначен подполковник Клементий Михайлович Коржуев, насчитывает менее трети личного состава, девять ручных и пять станковых пулеметов. В 619-м потери меньше, но и в его составе лишь два неполных батальона стрелков и только половина противотанковых ружей и 82-миллиметровых минометов. [9]

— И последнее, — продолжил свой доклад подполковник Сивицкий. — В наше подчинение передан из 197-й дивизии 592-й полк. Два его батальона держат оборону на правом фланге.

— Какова ситуация в данный момент?

— В течение истекших суток противник не проявлял активности перед фронтом дивизии. Однако самолеты бомбили и обстреливали наши боевые порядки. Досталось и соседям... Сегодня днем к переднему краю приближались небольшие группы немецкой пехоты. Был слышен шум танков. Не исключена возможность наступления в ближайшие часы. Командиры полков предупреждены.

Мне показалось, что начальник штаба чего-то не договорил, и я вопросительно посмотрел на него.

— И вот еще что, Гавриил Станиславович, — услышал я, — многие наши бойцы во время атаки гитлеровцев 26 августа побросали саперные лопаты. Поэтому сейчас смогли отрыть только неглубокие ячейки для стрельбы лежа...

Вместе с Сивицким мы обошли командный пункт. Здесь, как и положено, находились пять отделений (оперативное, разведывательное, связи, строевое, тыла), а также штаб командующего артиллерией дивизии и охрана.

Работники штаба произвели на меня хорошее впечатление.

Место для командного пункта в смысле безопасности было выбрано удачно: на скате глубокого узкого оврага. Но удобства для работы отсутствовали. Примитивные блиндажи были сделаны только для командира и комиссара дивизии, для начальника штаба и для работников первого отделения. Все остальные ютились в нишах, выдолбленных в склонах оврага.

Самое же главное неудобство состояло в том, что командный пункт был удален от переднего края на 10–12 километров, а это вдвое превышало уставную норму... Кроме того, отсутствовали наблюдательный и запасной командный пункты командира дивизии на случай переноса руководства боем. Поэтому мы с начальником штаба прежде всего выбрали места для пунктов

управления и тут же решили, как надо их оборудовать.

Комиссара дивизии полкового комиссара Хаскеля Менделевича Карельштейна я увидел только вечером, когда он возвратился из 592-го полка. Он с удовлетворением [10] констатировал, что части приводят себя в порядок и настроение у людей улучшается. Однако в ротах и батальонах чувствуется недостаток боевых командиров и политработников.

— Народ у нас вообще-то крепкий, — уверенно сказал Карелыптейн. — В предыдущих боях многие проявили мужество, я бы даже сказал, героизм. Уничтожено немало фашистских захватчиков, взяты большие трофеи. Лучшие воины уже награждены, но предстоит оформить еще десятки наградных листов...

— Это надо сделать немедленно... А что вы можете сказать о работе тыла? — без обиняков спросил я.

Карельштейн ответил не сразу:

— Участок сложный, и претензии имеются. Особенно к работникам продовольственного отделения. Горячую пищу дают два раза в сутки. Но в наиболее опасные места ее порою не подносят. Кстати, пища однообразная, часто невкусная... Зато с боепитанием все благополучно. Боеприпасами полки обеспечивались, как правило, без перебоев.

— А соответствуют ли своему назначению командиры частей, работники штаба и тыла дивизии?

— Безусловно. За исключением немногих... Политработники в основном дело знают отлично.

Я с удовольствием разглядывал комиссара. С первой встречи мне понравился даже его облик: высок, собран, подтянут, хотя на лице печать усталости. Поинтересовался его самочувствием.

Карельштейн открыто посмотрел мне в глаза и ответил, чеканя каждое слово:

— Чувствую себя полностью работоспособным...

Я не случайно задал этот вопрос комиссару.

В самое напряженное время войны, 28 июля 1942 года, народный комиссар обороны издал приказ № 227. В нем было сформулировано требование к войскам: «Ни шагу назад!» В приказе говорилось о необходимости защищать каждую пядь советской земли, намечались меры по укреплению боевого духа и дисциплины. Поэтому я сказал Карельштейну:

— Рад слышать, что вы полностью работоспособны. Возвращайтесь в полки, пусть бойцы всегда видят вас рядом... [11]

Карельштейн тут же отправился на передовую.

Я остался один. На столе горела лампа, бросавшая неяркий

свет на карту боевых действий. В полумраке, царившем в блиндаже, быстро прошло нервное напряжение наполненного событиями дня. А события произошли весьма существенные. В полдень я еще командовал тыловыми курсами, а к вечеру стал командиром дивизии, причем в трудный момент. Неудачное наступление очень сказалось на моральном состоянии воинов двух полков. Изучив карту, разобравшись в штабных документах, я понял, что оборона в частях построена неудовлетворительно: нет глубоких окопов, нет хорошей системы огня, противотанковые орудия стоят далеко от переднего края. На двенадцатикилометровом участке фронта, на местности, проходимой для танков, обороняются всего три батальона, причем на наиболее опасном направлении находится ослабленный батальон 610-го стрелкового полка... Сильно тревожило и то, что разрыв с соседом слева составлял почти два километра...

Активность вражеской авиации и замеченный наблюдателями подход к переднему краю групп немецкой пехоты свидетельствовали о том, что готовится наступление. Было понятно также, что захват советскими войсками большого плацдарма на фланге крупной фашистской группировки, рвущейся к Сталинграду, обязательно заставит неприятеля стянуть силы, чтобы любой ценой отбросить за Дон прежде всего нашу 203-ю дивизию, которая не только основательно пострадала в прошлых боях, но и плохо закрепилась после них.

Обнадеживало, правда, то, что соседи справа и слева (197-я и 14-я гвардейская стрелковые дивизии) были вполне устойчивы. К тому же были целы и занимали глубокую оборону артиллерийский полк и орудия отдельного противотанкового дивизиона, хотя значительная часть артиллерии находилась далеко от передовой и не могла помочь в случае атаки немецких танков на передний край.

Взвесив все эти обстоятельства, я пришел к выводу, что в результате наступления противника пехота переднего края, не имеющая глубоких окопов, хорошей системы огня и должной помощи артиллерии, снова попадет в трудное положение. А потому необходимо принять на этот случай срочные меры. [12]

Пока я выслушивал доклады и анализировал обстановку, стало светать. Мне так и не пришлось вздремнуть в ту ночь.

* * *

...Над Доном затеплился рассвет. Низко поплыли клочья тумана, дышалось легко и свободно. Наступало тихое, прекрасное утро.

Так как НП не был оборудован заранее, мы с командующим

артиллерией дивизии Георгием Тимофеевичем Захаровым вместе с оперативной группой решили временно обосноваться в воронках от снарядов и в естественных складках склона высоты. Обзор тоже был не идеальным, но выбирать другое место было уже поздно.

— Как дела? — спросил я по телефону командира 610-го полка подполковника Коржуева.

— Люди накормлены. Боеприпасами пополнились. Формирование батальона в основном закончено. Так что у меня все в порядке. Посмотрим, что предпримет противник.

Примерно то же доложили командиры 592-го и 619-го полков майор Хожулин и полковник Ситников.

«Если будет спокойно, побываю у каждого, познакомлюсь с обороной и уточню задачу», — решил я.

С верха воронки сорвались мелкие комочки земли. Было ровно семь утра. В ту же минуту громыхнули разрывы снарядов и мин. Но вспышек не было видно.

— Куда налет? — спросил начальник оперативного отделения Погодаев.

— По переднему краю 610-го полка и по его соседу слева.

Все подняли бинокли, я прильнул к стереотрубе.

В 7 часов 15 минут подполковник Коржуев доложил:

— С высот 228,0 и 226,7 атакован в стыке с 14-й гвардейской. Хорошо, что ночью успели укрепить этот чертов стык... — Подполковник закашлялся. Потом громко произнес: — Наступает около двух батальонов пехоты с девятью танками!

— Какое приняли решение?

— Приказал отрезать огнем пехоту противника от танков и удерживать занимаемые позиции.

— Помощь нужна?

— Думаю, справлюсь... [13]

— Ну тогда держитесь...

Обстановка, сложившаяся на участке обороны 610-го полка, волновала не только меня.

— Как там? — запросил Захаров артиллериста, находившегося на НП Коржуева.

— Пока ружейно-пулеметная пальба, — ответил артиллерист. — И танки не стреляют, и по танкам — тоже. Идет борьба с пехотой... Похоже, что это итальянцы.

И вдруг на самом гребне высоты мы увидели четыре стальные махины. Развернувшись, они медленно поползли к командному пункту 610-го полка.

— Подполковнику Коржуеву усилить оборону КП полка. Захарову открыть огонь по танкам, — приказал я.

Долго иногда тянутся секунды. Так мне показалось, пока ждал, когда артиллеристы откроют огонь. Наконец склон высоты стали пятнать черные разрывы... Теперь мы видели, что происходит в тылу полков, хотя высотки скрывали левый фланг и находившиеся там передовые подразделения.

— Докладывает командир 592-го полка майор Хожулин, — услышал я в трубке. — Около двух рот автоматчиков начали наступление по лощине. Наверное, хотят ударить во фланг 610-му. Сейчас дадим прикурить...

А танки уже спускались по пологому склону и теперь уже, без сомнения, атаковали командный пункт Коржуева. Я позвонил туда. Ответил помощник начальника штаба полка:

— Мы здесь вдвоем с лейтенантом Тамаевым, артиллеристом. Готовимся встретить.

В стереотрубу было видно, как в ту же секунду на склоне вспыхнуло яркое пламя, а через мгновение один из танков превратился в горящий факел. Зато другой, шедший следом, увеличил скорость и, резко вывернув из-за подбитой машины, устремился на командный пункт. Но не дошел: закрутился на месте.

— Подбили! — крикнул кто-то из опергруппы.

— Нет, — резко бросил Захаров. — КП утюжит, сволочь!

Около четырех часов шел жаркий огневой бой нашей и итальянской пехоты.

В 14 часов позвонил Коржуев.

— Танки отходят. Без пехоты им делать нечего, боятся, что подобьем... А пехоту противника положили мои [14] ребята, голову не дают никому поднять. Те, что было сунулись со стороны Хожулина, попали под перекрестный огонь моей роты и его батальона и тоже залегли.

— Ваш КП уничтожен.

— Знаю... Смертью героя погиб помощник начальника моего штаба, ранен артиллерист лейтенант Тамаев...

Солнце пекло во всю силу.

— Итальянцам сейчас лучше, — пыхтел Захаров, расстегивая ворот гимнастерки. — У них климат южный... Им привычно...

— Сегодня жарко даже итальянцам. Я уверен. Видишь, как дерется 610-й! — с уважением произнес Погодаев.

К 14 часам фашисты, атаковавшие 610-й полк с фронта, откатились, оставив на поле боя до батальона пехоты и три подбитых танка. Только в ложбине, на стыке полков, где две роты противника пытались предпринять обходный маневр, все еще шла перестрелка.

Я приказал майору Хожулину организовать контратаку и

отбросить врага на исходные рубежи. Пообещал помочь артиллерией.

К 18 часам и эта задача была выполнена. Ни на шаг не отступили бойцы дивизии, проявив мужество, воинское умение, взаимовыручку.

Правда, еще несколько раз огрызались автоматчики врага, пытаясь продолжить наступление. Но атаковали они без танков, а потому легко были отбиты нашими стрелками.

Вечером я поделился с Сивицким своими впечатлениями о бое, похвалил батальоны, указал на недостатки и попросил обобщить все это в приказе. Через час я с большим удовольствием подписал его. В приказе отмечалось, что батальон 610-го полка действовал в бою спокойно, уверенно. Даже будучи обойденным с обоих флангов, он не дрогнул и нанес противнику большой урон. Далее в приказе перечислялись мероприятия, которые предстояло осуществить в полках, пользуясь выигранной передышкой.

То были самые первые шаги, направленные на укрепление боеспособности дивизии, вместе с которой мне предстояло воевать не один год... [15]

Невозможно командовать соединением, не зная его истории, традиций, боевого пути. Поэтому, используя затишье, я постарался восполнить этот пробел.

203-я дивизия формировалась на Кубани, в районе станиц Лабинская, Курганская и Михайловка, с февраля по 20 мая 1942 года. Ее костяк составили фронтовики, и это обстоятельство явилось определяющим для всей дальнейшей судьбы соединения. Именно фронтовики стали первыми и активными помощниками политруков и командиров не только в воспитании необстрелянных новобранцев, но и в боевой подготовке. А ведь их в дивизии было большинство. Сержантского состава оказалось недостаточно, а потому младших командиров готовили прямо в полках. Офицеры подбирались из частей, военных училищ, из запаса и из резерва Северо-Кавказского военного округа. Уровень их боевой подготовки был весьма неоднородным. Но к середине марта дивизия в основном была укомплектована. Только с оружием на первых порах обстояло неблагополучно. Для учебы имелись лишь четыре пушки и четыре гаубицы, шесть 120– и 82–миллиметровых минометов, а в полках — по сто боевых винтовок и автоматов. Транспортный парк насчитывал по пять автомашин и по десять повозок на каждый полк.

Все это, естественно, тормозило боевую подготовку. За три месяца было проведено только два командно-штабных учения на местности. Не состоялось ни одного полкового выхода. Поэтому трудно было оценить степень подготовки командиров частей и их

боевые качества. Но так или иначе, дивизия уже существовала, и в начале мая специальная комиссия, проведя смотр, признала, что соединение готово выполнять боевые задачи. Командира и комиссара дивизии предупредили, что недостающее оружие и транспорт предстоит получить на станции назначения.

Во второй половине мая дивизия по приказу покидала Кубань. В станице Лабинская состоялся большой митинг, на который собрались тысячи жителей. Очевидцы рассказывали, что перед посадкой в эшелон каждый боец, сержант, офицер получил на счастье букетик весенних кубанских цветов...

В конце мая на станции Фролово Сталинградской области дивизия получила недостающее вооружение и транспорт. Здесь же в ускоренном темпе были завершены [16] занятия личного состава по практическому освоению оружия и боевой подготовке. Шло сколачивание частей и подразделений.

Получив затем боеприпасы, горючее, подвижной состав, а также запасы продовольствия и фуража, бойцы 203-й двинулись на фронт и до августа сооружали оборонительные позиции на Дону, северо-западнее станицы Вешенская.

18 августа поступил первый боевой приказ: форсировать Дон в районе станицы Еланская. Три дня ушло на подготовку. Операция началась в ночь на 22 августа. Переправиться удалось так внезапно, что итальянские вояки не успели оказать серьезного сопротивления.

Первая удача окрылила людей.

Батальон старшего лейтенанта Николая Федоровича Бузюргина обрушился на врага и выбил его из хутора Плешаковский. Развивая успех, бойцы заняли хутора Нижний Кривский и Верхний Кривский. При этом они истребили 155 и взяли в плен 68 солдат противника, захватили склады с боеприпасами, обмундированием, продовольствием и много оружия.

В батальоне старшего лейтенанта Зурана Абодеевича Алиева первыми в атаку бросились коммунисты во главе с политруком Виктором Владимировичем Сендеком и сержантами Благодаром и Пискуном. Они уничтожили огневые точки противника, захватили пулемет и личным примером увлекли за собой товарищей. Батальон успешно выполнил задачу: занял господствующую высоту, захватил трофеи, пленных и уничтожил около ста вражеских солдат.

В стремительно развивавшемся наступлении дивизия овладела плацдармом глубиной до 13 и шириной до 12 километров и совместно с соседними подразделениями полностью разгромила два полка 2-й итальянской альпийской

дивизии. Враг потерял только убитыми до 2000 человек. В плен попали 143 солдата и офицера. Было захвачено большое количество винтовок, легких и станковых пулеметов, 7 пушек, 15 автомашин, 13 минометов и огнеметов, а также несколько складов с боеприпасами и продовольствием, инженерно-техническим имуществом и средствами связи.

В результате противник был вынужден перебросить на Дон часть войск и авиации из-под Сталинграда. А это [17] и требовалось, чтобы хоть немного облегчить положение защитников волжской твердыни...

За первые успешные бои 150 воинов дивизии получили ордена и медали. Среди них старшие лейтенанты Н. Ф. Бузюргин, З. А. Алиев и политрук В. В. Сендек.

Так славно начался боевой путь 203-й. И вдруг 26 августа досадное, нелепое поражение под хуторами Бахмуткин и Рубашкин. Но об этом речь еще впереди...

* * *

Воспользовавшись затишьем на фронте, мы продолжали оборудовать полосу обороны и одновременно взялись за учебу. Начали с того, что собрали всех старших командиров и политработников и обсудили с ними ту боевую задачу, которая стояла перед дивизией... 26 августа. Да, я не ошибся. Я снова и снова возвращался к тому дню, стараясь извлечь из жестокого урока пользу на будущее. Прежде всего надо было доказать, именно доказать, что тот бой дивизия могла и должна была выиграть, что задача стояла вполне реальная.

И доказать это, по-моему, удалось. Присутствовавшие на занятиях поняли, что нельзя было останавливаться в хуторах Бахмуткин и Рубашкин (они находятся в лощине), пока не удалось захватить и закрепить господствующие высоты. А этого можно было добиться, если бы старшие офицеры перенесли свои наблюдательные пункты вслед за наступающей пехотой, держали с ней постоянную связь, руководили ею и в тяжелый момент помогли артиллерией.

Большая доля вины лежала также на ротных и комбатах. И это я тоже не обошел молчанием...

На следующий день командиры полков провели разборы того злополучного боя с командирами батальонов и рот, а последние — с командирами взводов, отделений. И что отрадно, занятия положительно сказались на настроении людей.

Итак, дивизия успешно занималась укреплением обороны. Одновременно шла усиленная командирская учеба, а в подразделениях вторых эшелонов — боевая подготовка рядовых и сержантов.

На первом занятии все группы изучили организацию обороны своего подразделения, а на втором — динамику оборонительного боя. В дальнейшем отрабатывался наступательный [18] бой, осваивалось оружие, проводились стрельбы. А с середины сентября стали заниматься прямо на передовой, в окопах, что принесло огромную пользу.

Очень помогла нам выправить положение бригада политотдела армии, несколько дней проработавшая в дивизии. С ее участием были проведены совещания политсостава и секретарей парторганизаций, а также партийно-комсомольские собрания всех первичных организаций, где обсуждались итоги боев и задачи на будущее.

В конце сентября прошло собрание партактива дивизии, на котором выступил член Военного совета 63-й армии дивизионный комиссар А. С. Желтов. Напомнив о наших недостатках и промахах, он потребовал лучшей организации обороны и призвал готовиться к наступлению.

Эти слова дивизионного комиссара произвели на всех большое впечатление. Мы знали, что соседи ведут яростные, кровопролитные бои с противником, рвущимся к Сталинграду, и горели желанием помочь им...

Занимаясь учебой и совершенствованием боевой выучки личного состава, я не упускал из виду штаб. Ведь штаб по уставу являлся основным органом управления дивизией, а его начальник — первым и постоянным заместителем комдива.

Начштаба 203-й подполковник А. Т. Сивицкий был, несомненно, человеком надежным. К тому же он находился в дивизии с самого начала ее формирования. Его знания и умение работать не вызывали сомнений. Но Антону Теофиловичу не хватало боевого командирского опыта, и я обязан был помочь ему научиться действовать сообразно обстановке.

Именно поэтому, отдавая любое распоряжение, команду тому или иному подразделению, я обязательно сообщал об этом Сивицкому, советовался с ним, спрашивал его мнение. Это невольно приучало начальника штаба мыслить по-командирски, давало ему возможность проанализировать и понять, почему последовала та или иная команда...

Вскоре мы стали понимать друг друга с полуслова и руководили войсками согласованно.

* * *

— Принимай нового начальника политотдела, — позвонил мне однажды Желтов. [19]

Вскоре на командном пункте появился среднего роста темноволосый майор.

— Игнатий Федорович Беспалько, — представился он.

Говорил Беспалько тихо, спокойно, с певучим украинским акцентом. Все в этом человеке сразу вызывало симпатию: и внутренняя мягкость, от которой мы отвыкли на фронте, и открытый доверчивый взгляд, и спокойная уверенность, исходившая от его фигуры, от манеры держаться, слушать собеседника. Игнатий Федорович до войны долгое время был первым секретарем районного комитета партии на Украине. Он умел работать с людьми, умел, как никто другой, спокойно, деликатно, но твердо отстоять свою точку зрения, доказать необходимость того или иного решения.

— Вообще-то, я человек еще во многом штатский, — словно извиняясь, сказал Беспалько при первой встрече. — А потому позвольте вначале присмотреться к тыловикам... Ладно?

Я правильно понял Игнатия Федоровича и согласился. Между прочим, и впоследствии, когда Беспалько, являясь начальником политотдела, стал одновременно и моим заместителем по политчасти, мы всегда хорошо понимали друг друга. Я ценил в нем многие добрые качества, а особенно то, что он всегда старался быть там, где трудней.

Кстати о тыловых службах. В многочисленных повседневных заботах я как-то упустил из поля зрения этот участок, что сразу дало о себе знать. Дивизия оборонялась в степи. Негде было укрыться от зноя. В колодцах не хватало воды. По этой, казалось бы, объективной причине не всегда регулярно стали работать бани. От случая к случаю доставлялось и обмундирование для бойцов... В общем поле деятельности у наших тыловиков было огромным.

Беспалько и занялся службами тыла. Может быть, ему подсказали это в политотделе армии. Так или иначе, но он безошибочно определил узкое место.

Чем ближе узнавал я Игнатия Федоровича, тем больше убеждался в его огромной работоспособности, умении увлечь людей, зажечь их сердца. А потому нисколько не удивился, узнав вскоре, что бани и дезкамеры устроены в каждом полку. Что организован ремонт одежды и обуви. Что при медсанбате создан однодневный дом отдыха, [20] куда направляют отличившихся солдат, сержантов, командиров...

— А питание-то в дивизии плохонькое... — невзначай сказал мне однажды Беспалько.

Его слова не явились для меня откровением. Я и сам знал это. И опять-таки обнаружились объективные причины: ограниченный ассортимент продуктов, трудности с их подвозом. Действительно, в те тяжелые дни все было брошено на защиту Сталинграда. К

нам по одноколейке, ежедневно разрушаемой немецкой авиацией, иногда нельзя было подвезти даже сахар, соль, чай, табак.

— Выступите перед бойцами, — предложил мне Беспалько. — И расскажите обо всем. Они поймут. И легче будут переносить трудности. А мы подключим к разъяснительной работе командиров полков. Ну и, конечно, сделаем все возможное...

Я прислушался к совету начальника политотдела, и положение общими силами было выправлено.

...Шли недели. На фронте стояло затишье. Только все чаще над нашим расположением стали появляться «рамы». Тогда в дело вступили бронебойщики и пулеметчики. На второй или третий день они сбили фашистский самолет. «Рама» ткнулась носом в один из донских откосов, а над нашим передним краем повис белый парашют. Немецкий летчик-наблюдатель отчаянно болтал ногами, пытаясь подтянуть стропы, чтобы изменить угол приземления и опуститься у своих.

Гитлеровцы, видевшие эту картину, кое-где даже вылезли из окопов. Они отчаянно что-то кричали и усиленно жестикулировали, пытаясь помочь своему летчику.

Заметив это, один из командиров — ротный Осман Джафер крикнул пулеметчикам:

— Успокойте фрицев! Пусть не волнуются. Все равно летчик будет наш...

Пулеметчики открыли огонь и загнали немцев в окопы. А летчик действительно приземлился в нашем расположении. Он оказался майором авиации и сообщил ценные сведения о подходе их резервов...

* * *

6 октября дивизия была переведена в 21-ю армию, которой командовал мой однокурсник по Академии имени Фрунзе генерал-майор Алексей Ильич Данилов. [21]

Познакомившись с обстановкой, командарм оставил дивизии прежнюю задачу активной обороны, а потом сказал:

— Давайте-ка проверим вас в наступлении... Выдели, полковник, две роты, хорошо подготовься и захвати вот эту высоту. — Он показал на карте высоту 226,7. — Дам тебе в помощь батарею РС, обеспечу штурмовые самолеты. Так что взаимодействуй... Задача: разведка обороны противника и обучение бойцов наступательному бою. Наступательному... — с особым ударением произнес он. Потом, помолчав, добавил: — Слышал, что учишь дивизию и теории, и практике... у себя в тылу, на полигоне. Это хорошо. А теперь попробуй то же самое, но в настоящем бою. И позаботься, чтобы этот бой двух рот видели все командиры полков, батальонов, рот. Пусть набираются опыта... —

Прощаясь, генерал Данилов предупредил: — Боеприпасами тебя ограничу. Иначе в случае успеха излишний шум поднимешь... А это пока рановато. Пока... — снова многозначительно сказал он.

...Утром 18 октября, после удара по высоте 226,7 штурмовых самолетов, батареи РС и десятиминутного артиллерийского налета, началась атака. Две стрелковые роты, усиленные пулеметами и минометами батальонов, быстро захватили первую линию траншей, взяли пленных. В течение трех часов бойцы стойко удерживали захваченные позиции. Затем последовал сигнал к отходу: задача была выполнена.

За боем с волнением наблюдали все наши комбаты и ротные.

— Можем наступать, можем! — восторженно говорили они. — Придет время — погоним врага!..

Вскоре в дивизию прибыл заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант В. З. Романовский. Вместе со своим адъютантом и нашим проводником он тщательно осмотрел передний край дивизии, изучая расположение противника. Потом собрал командиров и политработников и похвалил за организацию эшелонированной обороны.

Лучше других дело обстояло в 610-м полку. Здесь бойцы отрыли 84 окопа, построили 12 дзотов, причем все они соединялись ходами сообщения. Кроме того, было еще вырыто 30 утепленных землянок, И было обидно, что именно в те дни командира полка подполковника К. М. Коржуева отозвали в отдел кадров армии. [22]

Прощаясь, мы крепко обнялись с Клементием Михайловичем и выразили надежду на встречу в будущем. Сменил Коржуева майор Николай Васильевич Федякин.

Генерал Романовский высоко оценил боевую готовность дивизии. Это обрадовало нас. Мы чувствовали, что предстоят важные события, и были готовы к ним. И интуиция не подвела нас. В тылах дивизии стали сосредоточиваться войска. Значит, проверка, по сути дела, была разведкой плацдарма для предстоящего наступления. Мы отлично понимали, что речь может идти только об одном: о помощи защитникам Сталинграда, рядом с которыми был душой и сердцем каждый из нас. [23]

От обороны к наступлению

Приближалась 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Настроение у бойцов и командиров было приподнятое. Фашистские полчища завязли в Сталинграде. Теперь вопрос стоял об их разгроме...

В канун праздника в дивизию пришло множество писем от трудящихся Урюпинска. А с ними — две автомашины подарков,

которые тут же раздали бойцам.

В ту пору мы вновь перешли в состав 63-й армии{1}. В первых числах ноября генерал-лейтенант В. И. Кузнецов вызвал к себе командиров дивизий и их заместителей по политической части.

Командарм с каждым поздоровался за руку, расспросил о самочувствии, поинтересовался, пишут ли из дому, потом, когда собрались все, подошел к своему рабочему столу, где была расстелена карта, оглядел нас и спокойно, даже как-то буднично сказал:

— Товарищи, советские войска переходят в наступление...

Не дивизия, не армия, даже не фронт — советские войска!

Мы знали, что сейчас генерал будет ставить перед каждым задачу. Момент был очень серьезный, и все же минуту-две в кабинете стоял радостный гомон.

Нашей 203-й и 278-й стрелковым дивизиям, а также части сил 197-й предстояло наступать и выйти на линию реки Кривая. Затем, развивая наступление, мы должны были продвинуться дальше, к реке Чир, и удерживать захваченные позиции, обеспечивая тем самым правый [24] фланг ударной группировки Юго-Западного фронта от возможных ударов противника с запада в направлении Сталинграда.

* * *

Предстоящее большое наступление поставило перед командованием дивизии совершенно новые и военные, и психологические задачи. Летом сорок второго мы серьезно думали о том, как остановить врага, как помешать его продвижению в наши тылы на стыках частей и подразделений, как отбивать танковые атаки в голой степи, как преодолеть танкобоязнь, как воспитать у бойцов стойкость и мужество...

Этому были отданы все наши знания, умение, опыт. И добились мы многого. Поэтому был уверен, что и новые задачи окажутся нам по плечу.

Приехав в дивизию, я собрал командиров частей, штабных работников, начальников родов войск. Им отдал предварительные распоряжения по подготовке людей к наступательным боям. Конкретное распоряжение получили только начальник штаба и начальник инженерной службы.

— Дивизии предстоит преодолеть сильно укрепленные рубежи противника, и солдат необходимо подготовить к этому, — сказал я им. — Недалеко от передовой надо создать небольшую штурмовую полосу. Такую, как у неприятеля. Воспользуйтесь данными разведки...

Отпустив командиров, я занялся главной для комдива работой — всесторонней оценкой обстановки и выработкой

решения ответственной боевой задачи.

Это было для меня первое крупное наступление. Подготовиться и провести его хотелось как можно лучше.

Слово командира, его приказ — закон для подчиненных. И чтобы сказать слово, надо было не только скрупулезно взвесить все «за» и «против», надо было тщательно проанализировать обстановку, чтобы затем принять решение.

Вместе с тремя дивизионами гвардейского минометного полка, тремя батареями 870-го истребительно-противотанкового полка, дивизионом 111-го пушечно-артиллерийского полка и 62-м батальоном противотанковых ружей нашей дивизии надлежало прорвать оборону румынских войск на трехкилометровом участке и затем [25] наступать на самом правом фланге ударной группировки, Юго-Западного фронта в направлении хутора Горбатовский.

По данным разведки, перед нами на протяжении двух месяцев укрепляли оборону подразделения 40-го полка 9-й пехотной дивизии румын при поддержке двух дивизионов артиллерии. Их оборона состояла из двух позиций. Первая имела три линии сплошных траншей с дзотами и блиндажами, проволочными заграждениями и минными полями. Вторая, еще недостроенная, позиция врага находилась на расстоянии двух-трех километров. Линия ее окопов была не сплошной, но и здесь были подготовлены минные поля и широко использовалась колючая проволока.

Чтобы успешно разрушить такую оборону, желательно было бы иметь танки или тяжелую артиллерию. Но ни тем, ни другим дивизия не располагала...

И все же, еще и еще раз взвесив данные разведки, я пришел к твердому убеждению, что наступление должно быть успешным: по количеству пехоты мы превосходили противника более чем в три раза, по количеству стволов артиллерии и минометов — почти в четыре, на один километр фронта приходилось 98 орудий и минометов. Правда, они имели малый калибр, а потому требовали много снарядов и мин. Отпускалось же всего полтора боекомплекта... Беспокоило и то, что наш передний край был сильно удален от противника. Пехоте предстояло преодолеть 700–900 метров, отделявших ее от первой линии обороны румын. И этот рывок следовало осуществить во время артподготовки.

Конечно, можно было бы перебросить пехоту и в канун наступления, но наш маневр мог быть замечен противником, а это раскрыло бы наши планы по подготовке операции...

Следовало подумать и о взаимодействии, ведь 203-й предстояло наступать совместно с другими дивизиями. Справа от

нас должна была действовать 278-я стрелковая. Фронт атаки у нее был очень большим, и я мало надеялся на успех этого соседа. Зато слева 14-я гвардейская стрелковая дивизия наносила удар совместно с танками. Ей была придана также тяжелая артиллерия. Это было отрадно. [26]

«Левому соседу наверняка удастся быстрее прорвать оборону врага... Быстрее, чем нам», — думал я.

Какое же решение в данном случае надо принять?

Взаимодействовать с гвардейцами! Главный удар 203-я нанесет своим левым флангом. Для этого полку, смежному с 14-й гвардейской, надо отвести более узкую полосу наступления, сосредоточив здесь таким образом всю его мощь.

Предпочтительным был именно такой вариант.

В случае прорыва обороны неприятеля совместным ударом с гвардейцами мы, наступая смежным флангом, разовьем этот успех на более широком участке. Если же по каким-то причинам гвардейцы замешкаются, если удар приданных им танков окажется не столь эффективным, то мы своими действиями поможем общему делу...

Оценив таким образом обстановку, взвесив свои силы и силы противника, я пришел к выводу, что 203-я выполнит поставленную задачу, а главный удар лучше всего нанести именно левым ее флангом. Таково было мое решение.

На следующий день, проведя рекогносцировку, я поставил задачу каждому командиру полка. Полкам предстояло наступать в одну линию. Справа 610-й, в центре 592-й, а слева 619-й. Каждому из них была указана граница наступления.

Противотанковые батареи и батальон противотанковых ружей я придал полкам, а всю остальную артиллерию определил в группу дальней поддержки дивизии, которой руководил командующий артиллерией нашего соединения. Этой группе было приказано разрушить дзоты и подавить огневую систему врага, а потом поддерживать нашу наступающую пехоту, последовательно сосредоточивая огонь на глубину до двух километров.

Командирам полков надлежало поставить противотанковые пушки на прямую наводку, с тем чтобы подавить уцелевшие огневые точки врага на переднем крае. Саперам — сделать и хорошо обозначить проходы в проволочных и минных заграждениях.

Майор П. В. Погодаев записал мои устные указания, после чего штадив и штаб командующего артиллерией составили боевой приказ на наступление, одновременно подготовив плановую таблицу боя и взаимодействия с артиллерией и

авиацией. [27]

Теперь предстояло заняться практической подготовкой частей.

Штурмовую полосу у нас в тылу саперы соорудили быстро. Вместе с командирами полков я наблюдал за учебой всех стрелковых и пулеметных рот, а также за индивидуальными действиями бойцов.

— Опять академия, — добродушно заметил командир 619-го полка полковник Федор Дмитриевич Ситников.

Бойцы действовали умело. Быстро продвигались по команде за артиллерийским огнем, достигали первой линии укреплений, где им ставились новые задачи. Обучались бойцы и действиям во вражеских окопах. Конечно, трудно было с непривычки сориентироваться в узкой полуметровой траншее, развернуть оружие, бросить гранату. Но тренировки постепенно делали свое: люди почувствовали себя увереннее, приобрели хорошую реакцию.

Особое уважение вызывали у меня бойцы, которые умело действовали гранатой или бутылкой с зажигательной смесью. Это оружие особого рода. Прежде чем его применить, надо было подпустить вооруженного, зачастую атакующего противника на 25–30 метров. Требовались огромная выдержка, боевой опыт, чтобы не дрогнуть в этой схватке, находясь, что называется, лицом к лицу с врагом.

Учились и штабисты. Сивицкий провел под моим наблюдением занятие с начальниками штабов полков и их помощниками на тему «Работа штаба полка во время наступления на укрепившегося противника».

Учеба шла повсеместно...

Ни на минуту не прекращалась и партийно-политическая работа среди воинов. В дивизии насчитывалось 16 первичных и 46 ротных парторганизаций, а кроме того, существовало 26 партийных групп. Большинство работников политотдела дивизии постоянно находились в частях. Вместе с политработниками и секретарями партбюро рот, батальонов, полков они разъясняли бойцам задачи наступления, поднимали их боевой дух. На партийных и комсомольских собраниях всегда велся конкретный разговор об авангардной роли коммунистов и комсомольцев, первых помощников и надежной опоры командиров.

Очень напряженно трудились тылы частей и дивизии.

Таким образом, к предстоящим боям в соединении [28] готовились все, причем подготовка усиленно контролировалась командованием.

...18 ноября нам наконец объявили время атаки. Ночью во

всех подразделениях были проведены митинги, собрания, беседы, во время которых личный состав знакомился с обращением Военного совета фронта.

С радостью встретили бойцы и командиры приказ на наступление. Командир батальона из 619-го полка капитан Семен Васильевич Ладыченко тогда сказал:

— Кто воюет с первых дней войны, тот помнит, что говорили нам, когда мы отходили, женщины, старики, дети. «Возвращайтесь, родные», — говорили они. А мы обещали, что обязательно вернемся. Это была клятва. И вот наступает час ее исполнения. Так сдержим свое слово, друзья! Будем беспощадно бить фашистскую нечисть и гнать ее со своей земли...

Моральный подъем был так велик, что в наступление рвались даже легкораненые и больные. Врач учебного батальона А. И. Виленский, некадровый военный, недавно прибывший на фронт, которого, как выяснилось, мучил тяжелый недуг, просто умолял командира послать его на самый трудный участок, чтобы оказывать помощь раненым на поле боя.

Вряд ли кто спал в ночь перед наступлением. Бойцы писали письма, тихо беседовали между собой, проверяли оружие, подгоняли амуницию...

К пяти часам утра я и все командиры полков заняли свои НП, находившиеся рядом со стрелками.

* * *

Ночью, выйдя из блиндажа, я почувствовал на лице капли влаги. Нажал кнопку карманного фонарика. Тонкий луч света, не достигнув земли, растворился в белой дымке. Туман! Над землей стлался густой, липкий туман.

— Может, к утру рассеется, — с надеждой произнес Сивицкий. — Туман обычно появляется перед рассветом. А потом исчезает... Иногда он стелется полосами: у нас есть, а у соседей, может, и нету... Я позвоню...

Через минуту начштаба доложил: туман повсюду.

Кто мог предвидеть такое?..

Мы, хотя и волновались, отлично понимали: ничто не может задержать наступления. Слишком много людей, [29] планов, стратегических расчетов было связано с его началом.

В 7 часов 30 минут с шипением распороли воздух ракеты... Но их свет растаял в тумане. Тогда по многочисленным каналам связи была дана команда: «Огонь!» Теперь мы знаем — то был исторический сигнал, возвестивший начало контрнаступления, которое закончилось разгромом отборных гитлеровских соединений. Знаем, что результаты битвы под Сталинградом явились огромным вкладом в достижение коренного перелома в

ходе Великой Отечественной войны. А тогда... Тогда земля содрогнулась от залпов тысяч орудий, минометов, «катюш». От сполохов огня туман моментально сделался где ярко-желтым, где багровым. Воздух дрожал и накалялся с каждой минутой. Но мы не могли разглядеть, что происходит на позиции противника, по которой велся невиданной силы огонь.

«Выхожу на рубеж атаки», — один за другим докладывали мне по телефону командиры полков. Это означало, что, используя артиллерийскую подготовку, бойцы вышли из окопов и, продвинувшись вперед, залегли в 150–200 метрах от переднего края противника, над которым в ту минуту бушевал огненный смерч.

В 8 часов 50 минут наша артиллерия перенесла огонь в глубину вражеских позиций, и пехота, следуя за ним, перешла в решающую атаку на первую линию обороны.

С большим волнением ждали мы донесений, так как по-прежнему сами ничего не могли увидеть из-за тумана.

И снова минуты показались вечностью.

Вскоре вместе с гулом артиллерийской канонады до нас стали докатываться звуки ружейно-пулеметной стрельбы.

Изредка звонили телефоны и из полков сообщали:

— Туман у вражеских позиций стал гуще от разрывов снарядов... Солдаты идут на ощупь... Застряли в проволоке...

— Орудия прямой наводки не могут быстро подавить действующие огневые точки: в тумане ничего не видно...

— Не можем найти проходов в проволоке и минных полях! Саперы не учли возможность появления тумана, и солдаты не в силах обнаружить никаких отметин...

— Полк встречен сильным огнем противника... [30]

И дальше снова неутешительное:

— Солдаты залегли и окапываются...

«Как же такой шквал огня не подавил оборону противника? — думал я. — Казалось, там все должно было полететь в тартарары...»

Только позднее выяснилось, что артиллеристы, боясь поразить в тумане свою пехоту, сделали первый перенос огня слишком далеко в тыл врага. Пока же наши бойцы пробежали 150–200 метров, что отделяли их от позиций румынских солдат, те сумели вернуться из укрытий в окопы и встретили наступавших огнем... Кстати, пулеметы были заранее пристреляны по всем подходам и по переднему краю и закреплены в таком положении. Благодаря этому румыны стреляли не целясь, однако причиняли нам большой урон.

— Поднимаю бойцов в повторную атаку! — кричал в телефон

полковник Ситников. — Эх, если бы сюда танки...

Ставя полкам задачу, я назначил главный удар подразделениям левого фланга, очень рассчитывая на танки, приданные левому соседу.

— Где же ваш сосед? — спросил я у Ситникова.

— 38-й полк 14-й гвардейской удалился от меня влево к югу. Связи с ним не имею...

Да, туман становился не союзником, а врагом.

Отработанная, откорректированная заранее операция развивалась не так, как планировалось...

Целый день дивизия вгрызалась в передний край противника.

Вечером нас с Беспалько вызвали на командный пункт армии. Там оказался командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Он вместе с командармом Кузнецовым выслушал мой доклад, дал указание, как действовать дальше.

— Обидно, товарищ командующий, — обратился я к Ватутину. — Казалось, все учли, все проверили, отрепетировали даже, и вот — заминка, потери.

— Какие?

— К исходу дня в медсанбат поступило около шестисот раненых... Убитых, к счастью, немного.

Командующий фронтом прошелся по блиндажу, помолчал. Потом медленно повернулся ко мне:

— Пора знать, полковник, что не каждое наступление [31] заканчивается успехом. Но каждое — связано с потерями... Поэтому сейчас уныние не поможет ни вам, ни тем, кто ранен, ни успеху общего дела. Расчет, энергия, уверенность и еще раз расчет решают дело, которое нам доверили выполнить. Так-то. А кровь бойцами вашей дивизии пролита сегодня не зря. Оттянув на себя огонь, они помогли 14-й гвардейской стрелковой дивизии и другим соединениям глубоко вклиниться в оборону врага.

Слова командующего фронтом одновременно и успокаивали и придавали сил...

Мы с Игнатием Федоровичем отбыли на свой командный пункт приободренные.

В 22 часа в трубке послышался голос полковника Ситникова:

— Обошел высоту 228,0 и вышел к вершине балки южнее высоты 226,7...

— Значит, противник отходит?

— Нет. Сопротивляется на высоте 226,7.

— Я дам пятиминутный артналет, а вы атакуйте...

Только к семи утра 22 ноября полки дивизии овладели второй позицией врага и, преследуя его, к полудню продвинулись на 10–12 километров к юго-западу.

Командиры полков докладывали:

Майор Федякин: овладел северной половиной хутора Рубашкин и наступаю на высоту 204,2.

Майор Сушинский (он заменил в канун наступления бывшего комполка Хожулина): овладел южной половиной хутора Рубашкин и наступаю на высоту 220,3.

Полковник Ситников: овладел хутором Дубровский и наступаю на высоту 220,1.

На этом рубеже враг встретил нашу пехоту сильным пулеметным огнем, и она залегла. Днем во время смены наблюдательного пункта я пробрался в боевые порядки 610-го полка — на западную окраину хутора Рубашкин, того самого, где дивизия уже воевала в августе.

В небольшой лощине группа бойцов копошилась у пушки. Заметив меня, сержант Волков доложил:

— Товарищ полковник, захватили исправное 75-миллиметровое орудие и много снарядов.

— Что думаете с ним делать?

— Изучили замок и прицел. Теперь используем орудие по назначению. Ребята считают, что в обратном направлении оно. будет точнехонько бить по фашистам. [32]

Несмотря на ожесточенные бои, настроение у бойцов было приподнятое, и это порадовало меня.

Неожиданно поблизости стали рваться снаряды, засвистели пули.

— Товарищ полковник, — оглядевшись по сторонам, сказал сержант, — наш участок часто простреливает враг, а укрытия нет. Опасно...

— За заботу спасибо. Но уходить не собираюсь. Кому нужен комдив без бойцов? А вот вам надо беречь и себя, и командира...

Солдаты поняли с полуслова и тут же взялись углублять воронки от снарядов. А огонь усиливался...

— На левом фланге контратаки врага!.. — крикнул наблюдатель.

Сержант Волков скомандовал «К бою!». Члены его расчета бросились к трофейной пушке. Через несколько секунд гулко хлопнул первый выстрел.

К утру 23 ноября 592-й и 610-й полки возобновили наступление и продвинулись еще на два-три километра. Но плотный огонь неприятеля заставил бойцов залечь.

А на рассвете следующего дня, подтянув две неполные пехотные дивизии, немцы по открытой местности стали атаковать боевые порядки 203-й. Ветер со снежной крупой слепил наших бойцов. Это и старались использовать гитлеровцы. Температура

понизилась до минус 12 градусов. Но никто не думал о холоде, на поле боя разгорались жаркие схватки.

Как прав был командарм генерал В. И. Кузнецов, который еще до начала контрнаступления поставил нашей дивизии задачу быстро закрепиться на захваченных в ходе наступления рубежах. Он предполагал, что именно на нашем участке противник попытается подсечь основание ударной группировки Юго-Западного фронта. И предположение командарма оправдалось.

В тот день немецко-румынские войска произвели 15 контратак.

Напряжение нарастало с каждой минутой.

— Алло, десятый! Товарищ десятый! — вызывал меня по телефону майор Беспалько. — Докладываю от полковника Ситникова. Полк отбил пятую контратаку. Был в батальоне у Ладыченко... Укрытий у воинов почти нет, промерзлую землю не отколупнешь, сам пробовал. Но люди дерутся здорово. [33]

— А выдержат?

— Твердо уверен в этом... — спокойно сказал начальник политотдела. Он, как всегда, безошибочно определил самый трудный в ту минуту участок...

— Поберегите себя...

— Да я что? С такими орлами... — Беспалько не договорил: началась шестая контратака гитлеровцев.

Именно в этом бою замечательный подвиг совершил наш красноармеец Б. И. Терентьев, ставший первым Героем Советского Союза в 203-й дивизии.

Восточнее высоты 220,1 враг пошел в атаку при поддержке огня артиллерии и минометов.

Комсомолец Борис Терентьев, пулеметчик 619-го полка, лежал в боевом расчете у своего «максима». Нет-нет да и попадали в щиток пулемета комья промерзлой земли, выхваченные близкими разрывами.

— Стреляй по гадам, — поторапливал второй номер.

— Обожди, не горячись, — успокаивал напарника Борис.

Фашисты тем временем неумолимо приближались к позиции расчета.

— Да стреляй же! — не унимался напарник.

— Спокойно, — отвечал Борис, держа пальцы на гашетке пулемета. — Спокойно...

Гитлеровцы тем временем приблизились уже метров на двести. Убедившись, что бойцы ведут несильный огонь из винтовок, а пулемет молчит, они попытались сделать резкий рывок вперед.

Тут-то и заработал «максим». А уже через минуту фашисты

попятились, оставив на снегу не один десяток убитых. Контратака была отбита.

Но передышка для нашего пулеметчика оказалась недолгой. Немцы вторично ринулись в контратаку.

И снова Терентьев подпустил их поближе, прежде чем дал длинную очередь. Убедившись, что огонь косит вражеские цепи, Борис сказал напарнику, что пора менять позицию.

— Иначе засекут — и каюк! — громко крикнул он.

Пулеметчики едва сделали несколько шагов по снежному полю, как рухнул на землю смертельно раненный второй номер.

— Подносчик, ленту! — решительно скомандовал Терентьев. [34]

Теперь ему предстояло действовать одному. Он нажал на гашетку. Ствол «максима» быстро накалился.

— Еще ленту! — крикнул Борис и, не глядя, привычно протянул руку в ту сторону, где находился подносчик. Потом раздраженно обернулся — его товарищ лежал в двух метрах окровавленный и недвижимый, с двумя коробками патронов...

В один прыжок Терентьев оказался рядом, мигом подхватил коробки и снова приник к пулемету.

Перед четвертой контратакой он притащил и положил рядом с собой с десяток пулеметных коробок.

Пятую контратаку комсомолец Терентьев отбивал длинными очередями: пальцы рук свело от страшного напряжения. То ли осколком, то ли пулей с него сорвало шапку.

Шестую контратаку немцы начали, когда едва стали сгущаться сумерки: явно решили до наступления темноты прорваться через наши порядки и миновать проклятый пулемет, к которому никак не могли подобраться...

Гитлеровцы были уже в нескольких десятках метров, когда где-то сбоку, совсем рядом, неожиданно грохнул взрыв. «Максим» покачнулся. Терентьев почувствовал, как что-то со страшной силой ударило по правой ноге, и впал в забытье...

Рядом гремел бой: противник пытался прорваться через боевые порядки 619-го полка. На левом фланге бронебойщики отбивали танковую атаку. Дивизия, выполняя свою задачу, не давала гитлеровцам разорвать на ее участке стальное кольцо гигантского окружения. Выполнял свою задачу и пулеметчик Борис Терентьев. Очнувшись, он снова стал поливать противника огненными струями. Но вскоре опять потерял сознание.

...Борис открыл глаза, когда темень плотно окутала землю. Попробовал пошевелить правой ногой — не смог. Тогда он сел и начал осторожно ощупывать ногу. Под руками был лед. Откуда? Юноша не сразу сообразил, что это его собственная кровь,

застывшая на морозе. А вокруг не было ни души. Терентьев решил, что остался один. Он не знал, что совсем рядом в темных окопах сидели бойцы, его товарищи, не пропустившие врага. И потому после недолгих раздумий пополз назад. Нога нестерпимо болела, не гнулась и почему-то все время цеплялась за окаменевшую от холода землю. [35]

«Хорошо, что не пропустил их, — подумал Терентьев. — Хорошо! А пулемет... Разве можно бросить оружие?» И, развернувшись, медленно пополз к своей огневой позиции.

Тяжелым оказался обратный путь, но раненый боец преодолел его, добрался до своего «максима». После долгих усилий ему удалось прикрепить пулемет к здоровой ноге, пустив в дело пулеметную ленту...

Санитары подобрали отважного пулеметчика в бессознательном состоянии. Врачам пришлось ампутировать юноше ногу. В строй он больше не вернулся.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года пулеметчику Борису Ивановичу Терентьеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В дивизии сложили песню о герое и его подвиге. До конца войны бойцы пели эту песню. Борис не слышал ее, а были в ней и такие слова:

Заревом пожарищ
Полыхали дали,
О тебе, товарищ,
Мы ли не слыхали...
В Кирове, в Ташкенте,
В городах Урала
О тебе, Терентьев,
Не померкнет слава...

Бои не ослабевали и в последующие дни. 25 ноября враг предпринял пять контратак силою от батальона до полка при поддержке танков...

— Скорее бы сменили нас на этих рубежах. Или хотя бы подбросили нам резервы, — ворчал кое-кто из штабистов...

Резервы, как известно, бывают разные. Это и свежие, не потрепанные в непрерывных боях части. И свои, внутренние резервы. Их находят даже тогда, когда, кажется, все пущено в дело. Не случайно на просьбы к высшему начальству о помощи мы иногда слышали в критические, как казалось порой, минуты: обходитесь собственными силами... будет возможность — поможем.

И ведь обходились, хотя порой было очень трудно.

Требовалось найти резервы и сейчас. Свои собственные... [36]

Враг атаковал почти беспрерывно. И я приказал командирам полков, а также своему начальнику штаба сменить КП и НП. Перенести их... почти к самой передовой. Это был тоже своеобразный психологический резерв. Когда бойцы видели своих командиров рядом, они становились спокойней, легче отражали натиск неприятеля...

Не достигнув успеха, гитлеровцы продолжали искать слабые места в нашей обороне и не прекращали атак. 26 ноября они, как нам стало известно, получили свежие резервы. Теперь в контратаки шли целые полки при поддержке мощного танкового заслона. Несколько раз я отдавал распоряжение командующему артиллерией полковнику Г. Ф. Захарову сосредоточить огонь всей дивизионной артиллерии на том или ином участке, чтобы остановить врага. И это удавалось. Наша пехота, чувствуя надежную огневую поддержку, стойко удерживала позиции.

Во второй половине дня на мой НП позвонил полковник Ситников.

— В ротах большие потери. А сейчас новая контратака. Идут два батальона при поддержке десяти танков... Прошу помочь огнем...

В стереотрубу я отчетливо увидел, как со ската неслась на наши боевые порядки вражеская лавина. И еще раз приказал полковнику Захарову дать налет по атакующей пехоте, хотя бы по пять снарядов на орудие.

Захаров, до этого удачно маневрировавший огнем, был теперь возбужденным и злым: он израсходовал почти весь боекомплект и резко ответил, что остались только снаряды из НЗ.

Пришлось повторить распоряжение.

После первого залпа вражеская пехота залегла, словно ожидая, что будет дальше.

— Отставить огонь, — сказал я Захарову, увидев в стереотрубу, что атака захлебнулась.

Как только атакующая цепь залегла, противник произвел артналет по нашей пехоте. И цепь снова поднялась в атаку...

— Еще по одному снаряду на орудие. Огонь! — скомандовал я.

— Больше нельзя... — подавленно произнес Захаров.

Он был прав, и я отменил команду. Быстро соединившись по телефону с Ситниковым, приказал усилить огонь [37] полковых пулеметов и минометов. Ничем иным я не мог помочь его полку.

И полк Ситникова отбил еще две атаки...

На участке левого соседа немцам удалось просочиться на южную окраину хутора Дубовский, в тыл нашему 619-му полку...

Положение становилось критическим. Надо было бросать в

бой резервный батальон дивизии. К счастью, в это время там оказался начальник политотдела дивизии И. Ф. Беспалько.

— Капитан Черненко, — крикнул он комбату, — с кем у вас связь?!

— Связь отсутствует, — ответил тот, сжимая в руках телефонную трубку.

Беспалько отлично понял состояние комбата.

— Атакуйте одной ротой группу автоматчиков, прорвавшихся в Дубовский, в тыл вашего полка, — спокойно сказал он.

В. С. Черненко сразу подал команду, и рота пошла в контратаку. А с нею и сам Беспалько.

Схватка была короткой. Резервная рота быстро выбила из хутора неприятельских солдат, уничтожив при этом более десятка автоматчиков...

И все же положение на фронте дивизии было нерадостным. Хотя 610-й полк, несмотря ни на что, и удержал свои позиции, 592-й и 619-й полки вынуждены были отойти на 500–800 метров и закрепиться на новых рубежах.

* * *

С наступлением темноты бой затих. На командном пункте собрались старшие офицеры дивизии.

— Ну и денек, — невесело улыбнулся Беспалько. — Мороза и то не почувствовал... — Он снял шапку, и я заметил, что волосы у него блестят от пота. Облокотившись на бревенчатый накат блиндажа, Игнатий Федорович прикрыл глаза: — Вот так бы сидеть и сидеть...

— Досталось сегодня всем, — заметил я. — И в первую очередь полковнику Ситникову и майору Беспалько.

— А мне-то с чего? — спросил он, поглядев на меня.

Пришлось пояснить присутствующим, что Игнатий Федорович водил в контратаку резервную роту, которая выбила неприятеля из хутора Дубовский. [38]

Беспалько снова прикрыл глаза, но какая-то странная улыбка все еще блуждала по его лицу.

— Та не, — сказал он приятным украинским говорком, — я только шел в цепи...

В душе я понимал, что Беспалько доволен собой. Все мы тоже были довольны его смелыми действиями. Но все же пришлось сделать начальнику политотдела замечание.

— Не ваше дело ходить в цепи... Старшие офицеры должны быть там только в крайнем случае. А в данный момент такого случая не было...

Беспалько медленно отодвинулся от стены, провел ладонью по лбу, покачал головой:

— Будь у нас хоть половина боекомплекта, до этого бы не дошло...

— А ведь генерал Кузнецов выругал меня за то, что я попросил снаряды, — примирительно сказал Сивицкий.

— Меня обругал за то же самое командующий артиллерией армии... — тут же добавил Захаров.

— Ну, обиженные, отруганные, но устоявшие на своих позициях, давайте заглянем в день завтрашний, — предложил я.

И началась обычная планерка, на которой советовались, как лучше расставить силы на завтра, что изменить в обороне, где удобнее расположить наблюдательные пункты.

К Антону Теофиловичу Сивицкому стекалась вся информация о положении дел в дивизии. Ему докладывали об обстановке начальники штабов частей, начальники родов войск и служб. Он всегда точно знал потери, наличие боеприпасов, положение дел у соседей по обороне или наступлению. Суммируя эти данные, анализируя их, начштаба четко и быстро докладывал мне оперативную обстановку, нередко подсказывал те или иные решения.

Так было и сейчас.

— Товарищ полковник, по-моему, необходимо создать вторую линию обороны на западных скатах, восточнее хутора Дубовский. Так будет надежнее, — предложил он.

— Правильно. Используйте минометный батальон и подчиненные вам свободные подразделения... И переведите КП дивизии к востоку, в лощину, в оставленные врагом блиндажи. [39]

Как всегда в конце планерки, Сивицкий положил передо мною наградные листы. С большим удовольствием я подписал эти небольшие листки, в которых описывались подвиги бойцов и командиров...

Особую доблесть и стойкость проявляли в боях коммунисты и комсомольцы.

Командир отделения 1-й стрелковой роты 592-го полка коммунист младший сержант Николай Иванович Губин, ставший впоследствии Героем Советского Союза, первый увидел, что в атаке погибли ротный и его заместитель. Увидел он и то, как сразу захлебнулась атака: бойцы залегли и стали окапываться.

Не теряя ни минуты, Губин принял командование на себя и первым пошел вперед, увлекая за собой остальных. Атака была успешной.

Похвальную инициативу проявили в критическую минуту боя коммунисты лейтенанты Свиридов и Николаев, комсомольцы Ефременко и Чубенко. Они зашли в тыл прорвавшейся в наше

расположение группы вражеских солдат и внезапным огнем дезорганизовали их. В дальнейшем эти четверо отважных вместе с подоспевшими бойцами взяли в плен 28 немецких солдат и офицеров, захватив к тому же 4 станковых и 5 ручных пулеметов.

И подобных примеров было множество...

* * *

Как-то вечером после очередных боев на командном пункте во время совещания старших офицеров командир 610-го полка майор Николай Васильевич Федякин хмуро доложил, что во 2-й роте среди новобранцев имели место случаи трусости.

Надо сказать, что с последним пополнением в дивизию пришло около четырехсот узбеков, таджиков, казахов. Некоторые из них очень плохо говорили по-русски.

— Понимаете, командуют новичкам вперед, а они только головой крутят!.. — кипятился Федякин.

— Это не доказательство трусости! — резко возразил Беспалько. Он выпрямился и одернул гимнастерку, словно подчеркивая официальность разговора.

— Как не доказательство? — удивился Федякин.

Игнатий Федорович нервно прошелся по блиндажу, закурил, потом приблизился к Федякину и спросил:

— Пуркуа? [40]

— Что-что? — переспросил тот.

— Пуркуа? — повторил Беспалько.

— Это же по-иностранному, — догадался Федякин.

— Что я сказал, майор?

— Я английский только в школе учил...

— А я спросил у вас по-французски «почему?». И как видите, ничего не утверждаю... Вы просто не поняли меня в данный момент.

— Но слово «вперед» знает каждый, — не унимался Федякин.

— Значит, не каждый, если взвод не пошел в атаку...

Игнатий Федорович тут же предложил подобрать из пополнения тех, кто хорошо знает русский язык, и не только для перевода команд — команды можно выучить. Эти люди будут нужны в качестве агитаторов, чтобы бойцы разных национальностей были все время в курсе боевой обстановки, уверенно шли в бой.

Предложение начальника политотдела дивизии приняли единогласно. Агитаторы были назначены и отлично проявили себя.

Каждый вечер мы подводили итоги боевых действий. А все эти дни противник ожесточенно контратаковал боевые порядки дивизии. До 1 декабря, например, южная окраина хутора

Дубовский десять раз переходила из рук в руки. И все-таки осталась за нами.

Всех нас радовало, что враг не смог сломить стойкости и мужества воинов в десятидневных боях. Отвага, героизм, ненависть к врагу и сыновняя преданность Советской Родине — вот та сила, которая позволила одолеть неприятеля.

Интересны и цифры, связанные с боями в этот период. С 19 ноября по 3 декабря 1942 года было убито и ранено 5900 немецких и румынских солдат и офицеров, взято в плен 219. Кроме того, уничтожено 14 и захвачено 12 исправных орудий, 17 минометов и огнеметов, 3500 мин и снарядов, большое количество гранат и около миллиона патронов{2}. [41]

На внешнем фронте сталинградского окружения

Сдав свой участок, дивизия к 13 декабря вышла восточнее станицы Краснокутская к реке Чир и сменила оборонявшуюся здесь 159-ю стрелковую. Именно с этого начиналось наше участие в операции Юго-Западного фронта под кодовым названием «Сатурн».

Первоначально Ставка планировала провести операцию силами двух фронтов — Юго-Западного и Воронежского с целью уничтожения 8-й итальянской и 3-й румынской армий, а также немецких войск, вошедших затем в группу «Холлидт». Успешное осуществление операции «Сатурн» отсекло бы кавказскую группировку гитлеровцев, так как советские войска должны были выйти к Ростову-на-Дону.

Однако боевая обстановка не позволила полностью выполнить эту задачу: гитлеровцы стали предпринимать отчаянные шаги, чтобы деблокировать окруженную в Сталинграде группировку Паулюса.

С этой целью у них были созданы две крупные группировки: одна в районе Котельниково, другая в районе Тормосино, юго-западнее Сталинграда. 12 декабря из района Котельниково противник начал контрнаступление против советских войск...

Учитывая создавшуюся обстановку, Ставка директивой от 14 декабря изменила направление главного удара. Теперь он планировался на юго-восток, в сторону хутора Нижний Астахов, станицы Тацинская, города Морозовск. Перед войсками стояла задача взять в клещи и уничтожить группировку противника в районе Боково, Морозовск, выйти в тыл неприятельской группы армий «Дон» и сорвать наступление котельниковской группировки немцев.

В связи с изменением направления главного удара операция получила название «Малый Сатурн». Вспомогательный [42] удар в этой операции наносила наша 3-я гвардейская армия под

командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко; ей предстояло окружить 8-ю итальянскую армию в районе Среднего Дона. Перед гвардейцами по западному берегу Чира оборонялась оперативная группа «Холлидт».

Наша 203-я стрелковая дивизия с приданным 1243-м истребительно-противотанковым полком и двумя дивизионами РС получила задачу уничтожить противника в станице Краснокутская, овладеть хуторами Новая Культура и Голенский, а к исходу первого дня наступления выйти ко второму отделению совхоза «Красная Заря» и к балке Талова. Справа наступала 159-я, слева — 50-я гвардейская стрелковые дивизии.

Река Чир, которую надо было преодолеть, имела ширину всего 20–30 метров, но ее покрывал тонкий лед. Обледенели и крутые, обрывистые берега. На западном берегу находились постройки, превращенные врагом в огневые точки.

Подойти к реке и спуститься на лед представлялось несложным — высокий кустарник тянулся до самого берега. А вот форсировать Чир и подняться на западный берег было делом нелегким. Здесь даже ночью каждый метр простреливался перекрестным ружейно-пулеметным огнем.

Выслушав донесение разведки и проведя рекогносцировку на местности, я поставил задачи частям. Главный удар наносили 619-й и 592-й полки. Именно им предстояло уничтожить противника в станице Краснокутская, а затем во взаимодействии с левым соседом развить успех в направлении села Малахово. Готовность огня артиллерии была определена на 16 часов 15 декабря.

Времени на подготовку наступления было в обрез, поэтому все работы велись в ускоренном темпе. Главная трудность была связана с подвозом боеприпасов: почти все автомашины из-за отсутствия горючего остались на Дону. Поэтому к началу боя удалось подвезти только половину боекомплекта 82– и 120-миллиметровых мин и один боекомплект остальных боеприпасов.

14 декабря части дивизии заняли исходное положение для наступления. Саперы прорыли спуски к воде, заготовили лестницы, мосты и фашины. Бойцы запаслись веревками и топорами. [43]

Утром 16 декабря после 75-минутной артподготовки части дивизии двинулись в атаку...

Отлично действовал 2-й батальон 592-го полка. Солдаты имели при себе не только личное оружие, но и топоры, и штурмовые лестницы. При поддержке огня пулеметов они быстро преодолели реку и бросились на штурм Краснокутской. Ворвавшись в станицу, воины с помощью гранат успешно

очищали дом за домом. Атака батальона была столь стремительной, что нашим солдатам удалось захватить немецкие минометы с большим количеством мин. Командир батальона старший лейтенант Н. Ф. Бузюргин тут же приказал развернуть их и открыть огонь по противнику. Гитлеровцы не ожидали такого удара и растерялись. Этим воспользовались остальные наши подразделения, чтобы развить атаку на станицу.

За этот по-суворовски проведенный бой старший лейтенант Николай Федорович Бузюргин первый в дивизии был награжден орденом Суворова III степени.

В результате дружной атаки на левом фланге дивизии 610-й полк занял курган в полутора километрах от хутора Ильявинов и захватил десять противотанковых пушек с большим количеством снарядов.

Немцы в ответ предприняли контратаку батальоном пехоты. Она была отбита сильным огнем, и полк снова продвинулся вперед, овладев еще двумя курганами.

В 13 часов противник опять контратаковал полк майора Федякина, теперь уже сразу с трех направлений: около роты пехоты — из леса, около двух рот с девятью танками — из балки Терновая, до двух рот с пятью танками — из балки Осиновая. Эту контратаку удалось отбить ружейно-пулеметным огнем полка с помощью артиллерии дивизии.

Через два часа противник в третий раз бросился в контратаку. Одновременно в воздухе появились десятки самолетов, начавших бомбить и обстреливать боевые порядки 610-го полка и его левого соседа. И снова завязался ожесточенный бой.

Первым на НП дивизии эту контратаку увидел капитан Н. В. Погодаев.

— Товарищ полковник! На 610-й полк идут примерно пятнадцать танков! — крикнул он.

— Многовато, — посмотрев в стереотрубу, сказал я. — Вызывайте командира полка. [44]

— Федякин на проводе.

— Сколько танков вас контратакует?

— Сам вижу девять, но мне доложили, что движется не менее тридцати. Батальоны растянуты в одну линию. У них все мои орудия. А 7-я батарея 1037-го артполка — у моего НП. Надеюсь, контратаку отразим.

— Действуйте, а мы поставим заградительный огонь перед правой группой танков — их я вижу со своего НП.

Командующий артиллерией дивизии приказал по телефону тут же дать ПЗО{3}.

Долгими показались нам мгновения, которые предшествовали открытию огня. Все, кто находился на моем наблюдательном пункте, с тревогой следили за этой контратакой. Некоторым казалось, что противник вот-вот сомнет полк, впервые встретившийся с такой массой танков. И действительно, вскоре отдельные бойцы выскочили из отрытых ячеек и побежали назад. Танки тем временем ускорили движение и стали с ходу расстреливать бегущих...

На заснеженном поле рвались наши снаряды. Но плотность огня была недостаточной, чтоб задержать танки.

Звоню командиру соседней 50-й гвардейской стрелковой дивизии, прошу срочно дать ПЗО для отражения массовой атаки танков на 610-й полк. А в ответ слышу, что соседу не дает дышать немецкая авиация. На этом и закончился наш разговор — не стало связи ни с соседом, ни с полком...

Однако полк устоял.

Выручили 7-я батарея 1037-го артполка старшего лейтенанта Илларионова и батареи 45-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Буянова. Артиллеристы подпустили врага поближе и открыли меткий огонь. Танки было замедлили ход... Но в самый напряженный момент боя огонь сорокапяток вдруг смолк.

— Ну, конец нашему полку... — сказал кто-то из стоявших рядом со мной.

У меня тревожно сжалось сердце... Но все закончилось благополучно.

Как выяснилось позднее, в ту самую минуту Буянову доложили: осталось всего семь снарядов. Старший лейтенант не растерялся. Взяв два расчета, он с артиллеристами [45] поставил на огневую позицию две захваченные во время атаки трофейные пушки. Неподалеку валялось много снарядов. Наводчики Потапов и Большой навели трофейные орудия через ствол — прицелов не было — и вновь открыли огонь по наступающим. С очень близкого расстояния они подбили один, затем второй и третий танки. И враг остановился.

Командир 7-й батареи 1037-го артполка старший лейтенант Илларионов метким огнем с предельной дистанции уничтожил еще пять танков из этой группы...

А на участке, где было дрогнула наша пехота, появился уже раненый командир батальона старший лейтенант Д. С. Кантария.

— Стой! Ни шагу назад! — скомандовал комбат и, спрыгнув в окоп, сам повел сильный пулеметный огонь по наступавшему врагу. Воодушевленные примером неустрашимого командира, бойцы тоже открыли дружную стрельбу. В этот момент к окопу, где находился Кантария, подполз фашистский танк. Превозмогая

боль, старший лейтенант бросил гранату, и бронированная машина загорелась... Метким огнем стрелки заставили залечь немецкую пехоту.

Так смелость и находчивость, хорошее знание оружия врага, быстрота и слаженность действий старшего лейтенанта Буянова, а особенно умелая помощь старших лейтенантов Илларионова и Кантарии спасли положение: гитлеровцы были отброшены...

Теперь предстояло подготовиться к новым атакам неприятеля. Я обзвонил командиров полков, предупредил о возможной активизации немцев и услышал в ответ, что предпринимаются все необходимые меры.

И вдруг в 21 час командир 592-го полка майор Сушинский доложил, что враг быстрой контратакой отрезал взвод пехоты 1-го батальона в Краснокутской, а остальные стрелки отошли на восточный берег реки Чир...

Как оказалось, гитлеровцы вновь подтянули подкрепление. На этот раз батальон из 14-й румынской пехотной дивизии и танковый полк из 22-й дивизии немцев.

Бои стали еще более напряженными. До 20 декабря несколько раз в день наши полки атаковали противника, хотя испытывали острую нужду в боеприпасах. Однако сбить врага с занимаемых позиций и вновь овладеть станицей Краснокутская не удалось. Пришлось перевести [46] 619-й полк с правого фланга на левый, чтобы активизировать там боевые действия.

В тот день к моему НП на двух танках Т-34 прибыли начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах и начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И. П. Крупенников. Они знали о положении дел на участке дивизии и дали ряд ценных советов. К сожалению, это была наша первая и последняя встреча. Вскоре я услышал, что оба генерала пробились по тылам врага к колоннам наших механизированных корпусов, получили там необходимую информацию и уточнили стоявшую перед танкистами задачу. Однако на обратном пути им не удалось проскочить через населенный пункт, занятый гитлеровцами: Стельмах был убит, а Крупенников попал в плен...

Бои становились все ожесточеннее. Наконец к полудню 23 декабря 592-й полк овладел станицей Краснокутская, а уже на следующий день части дивизии начали преследование врага...

* * *

В боях на внешнем кольце окружения сталинградской группировки немцев особо отличились танкисты 24-го танкового корпуса генерала В. М. Баданова. Пять дней корпус двигался по немецким тылам. За это время было пройдено 240 километров. 24 декабря, заняв станицу Тацинская, танкисты перерезали

железнодорожную коммуникацию Лихая — Сталинград... Враг спешно подбросил к Тацинской резервы и окружил отважных танкистов. А 25 декабря наша дивизия получила от командарма Д. Д. Лелюшенко задачу выйти в район станицы Тацинская и помочь танкистам. Для этого предстояло совершить 120-километровый марш на юг. К исходу 27 декабря нам предписывалось сосредоточиться у станицы Скосырская.

Тяжелый это был марш... Достаточно сказать, что нормальный суточный переход дивизии в хорошую погоду обычно составлял 30 километров. Сейчас надо было шагать по 45–50 километров!

...Стоял сильный мороз. Дул пронзительный ветер. В многочисленных лощинах и балках дороги превратились в сплошные сугробы, и бойцам подчас приходилось [47] буквально на плечах тащить орудия и снаряжение. К тому же параллельно с нашими колоннами на юг и юго-запад отходили разгромленные вражеские части и подразделения. Они нередко пересекали пути движения дивизии, устраивая засады в населенных пунктах, обстреливали наши колонны. Это, естественно, задерживало движение. Активно действовала и немецкая авиация.

...При подходе к станице Скосырская выяснилось, что ее обороняют крупные силы: на 150 автомашинах сюда была спешно переброшена пехота, подошли 40 танков.

Дав дивизии короткий отдых и уточнив расположение противника, я приказал, не ожидая подвоза боеприпасов, начать наступление без артиллерийской подготовки. Я понимал, что действую вопреки существующим правилам, но этого требовала обстановка.

Два полка — 592-й и 619-й — вышли на рубеж атаки к южной окраине хутора Гринев. Как только их заметили гитлеровцы, из Скосырской навстречу на большой скорости устремилось 15 танков с пехотой на броне.

Наши полки залегли в снег и открыли огонь.

Приблизившись метров на пятьсот, противник высадил пехоту и повел обстрел из танков. Но расчеты наших противотанковых орудий и ружей сработали отлично: буквально через несколько минут на поле уже горело четыре танка. Остальные не выдержали и стали уползать в укрытия.

Отбив контратаку, полки снова перешли в наступление. И опять из станицы навстречу нашей пехоте выступило до 20 танков с десантом.

Бой затянулся дотемна. В сумерках хорошо было видно, как догорали еще несколько подбитых вражеских машин...

Не зря предупреждал меня командарм, чтобы я готовился к беспрерывным атакам. Было ясно, что станицу фашисты легко не уступят. Не уступят потому, что отсюда открывался самый короткий путь до Ростова.

Ночью активные действия обеих сторон были прекращены, а утром 29 декабря полки снова перешли в наступление. И опять без артиллерийской подготовки: еще не успели подвезти боеприпасы. Они остались на Дону, а горючего не было.

Вместо того чтобы занять оборону, фашисты бросились [48] во встречный бой. На большой скорости вновь появились танки: пять, десять, пятнадцать, двадцать...

Всего одиннадцать снарядов было на батарее лейтенанта Макаренко из 592-го полка.

— Не торопитесь, ребята! — кричал он. — У нас есть по снаряду на каждого бронированного гада... Это уже здорово.

Первый выстрел — промах...

— Первому расчету оставить орудие и ружейным огнем отражать атаку пехоты, — спокойно скомандовал лейтенант: он отдал все снаряды лучшему расчету... — Огонь!

Головной танк противника вздрогнул и остановился. Постепенно над ним стал подниматься черный ядовитый дым.

— Огонь!

И подожжен второй танк!..

— Все как по расписанию! — прокричал разгоряченный боем лейтенант.

А тем временем артиллеристы третьего расчета вели меткий огонь из винтовок.

Недалеко от батареи Макаренко хладнокровно действовал бронебойщик сержант Тиращенко. Пожилому украинцу будто неведом был страх. Подпустив вражескую машину метров на двести, он сделал точный выстрел из своего противотанкового ружья, и танк запылал. Немецкие танкисты, открыв люки, выскочили из горящей машины и попытались атаковать бронебойщика. Тогда Тиращенко, отодвинув ружье, взялся за автомат. Ни один танкист не избежал пули храброго сержанта. А бронебойщик, покончив с экипажем, снова прильнул к прицелу ружья. Подбил второй танк. Потом бронемашину...

Еще три танка вывели из строя красноармейцы-бронебойщики Норзулаев и Кинжанов.

Самой высокой похвалы заслуживали артиллеристы орудийного расчета младшего сержанта Федора Чижикова. На их сорокапятку двигалось пять танков. Меткими выстрелами воины подбили две машины. Оставшиеся же, маневрируя, ринулись на сближение, непрерывно стреляя по расчету. Первое попадание —

и в живых остался только смертельно раненный командир орудия. Ему удалось зарядить пушку и выстрелить еще раз. И третий танк закрутился на опаленном снегу. [49]

Младший сержант терял сознание, его покидали силы. И все же снова послал в ствол очередной снаряд. Последний выстрел он произвел, когда фашистская машина находилась всего в пятнадцати — двадцати метрах. Снаряд, посланный младшим сержантом, сорвал башню с четвертого вражеского танка, вывел из строя его экипаж... Отважные бойцы из расчета Федора Чижикова были посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

Так, уничтожая фашистскую технику и солдат, воины дивизии успешно отбили все атаки под станицей Скосырская. Но в наших полках почти полностью были израсходованы снаряды и патроны...

В полдень 29 декабря стало известно, что 1006-й полк 266-й стрелковой дивизии на подходе к станице Скосырская был внезапно атакован немецкими танками и отошел, не имея связи с дивизией. Я подчинил этот полк себе и приказал оборонять западную окраину Гринева. К вечеру командир полка нашел штаб 266-й дивизии, и полк вышел из моего подчинения. Так мы узнали о наличии соседа справа.

Наступал вечер. Думалось, что гитлеровцы, проученные днем, не станут атаковать в темноте, а мы тем временем пополним боекомплект. Но так только казалось.

— Атакован танками и пехотой, — услышал я в телефонной трубке голос полковника Ситникова.

А через несколько минут противник начал наступать и на участках других полков.

— Дивизию атакуют около пятидесяти танков и более полка пехоты, — доложил Сивицкий.

Полки не имели боеприпасов и начали отходить. Остатки 592-го спешно покинули хутор Гринев и перешли на правый берег Быстрой. Передовые подразделения 619-го и 610-го полков сменили позиции. А тут еще прекратилась связь с полками, на которые двигалась танковая лавина.

— Вот теперь нам нужно находиться в цепи... — сказал я начальнику политотдела.

— Есть, — ответил Беспалько. — Разрешите идти?

— Пойдемте вместе. Офицерам опергруппы следовать за мной.

У наблюдательного пункта мы столкнулись с солдатами из 610-го полка. [50]

Беспалько громко спросил, почему отходят.

— Как же обороняться? — послышалось в ответ. — Нет ни одного снаряда, ни одной гранаты, нет укрытий от танков...

Где-то рядом с грохотом перемещались фашистские танки.

— Занять позицию вон у того гребня, — указал я. — Там можно укрыться от танков. — И тут же распорядился срочно вызвать батарею 419-го отдельного противотанкового дивизиона — мой последний резерв.

Бойцы стали сосредоточиваться на гребне.

Положение было критическим, но держались люди спокойно. Мы стали другими, чем в первый год войны, ощутили свою силу, научились воевать. Бывали, конечно, временные трудности, неудачи. Но офицеры и солдаты трезво оценивали обстановку, умели найти выход из любого сложного положения.

Ветер гнал поземку, бил в лицо снежной крупой. Лязгали гусеницы танков, гремели разрывы снарядов... Теперь они стали слышны с тыла: по врагу открыла огонь батарея нашего противотанкового дивизиона.

— Что нового? — спросил я Сивицкого, вернувшись на КП после того, как убедился, что отход остановлен.

— Прибыл командир 25-го танкового корпуса генерал-майор Павлов. Он и расскажет новости.

С Петром Петровичем Павловым мы оба еще до войны преподавали тактику в Горьковском бронетанковом училище.

— Ну что? Струсили, что ли? — спокойно спросил он. — Подумаешь, испугались десятка танков... А я, как видно, здесь уже не нужен... Зря меня к вам на выручку послал командарм. Наверное, канючили, просили помощи?

— Танков было не десять, а более пятидесяти. У меня же меньше полка пехоты, к тому же без боеприпасов, — ответил я. — Помогите хотя бы батальоном танков.

— Не могу, — твердо ответил Павлов. — Их мало осталось.

Только теперь я разглядел лицо генерала — обветренное, усталое. Бои под Морозовском были тяжелые и, конечно, потребовали немало сил...

— Между прочим, — добавил Петр Петрович, — танковый корпус генерала Баданова в ночь на 29 декабря прорвал [51] кольцо окружения и вышел к своим... За отличные действия в Тацинской Василий Михайлович чуть ли не первым в Красной Армии представлен к ордену Суворова второй степени...

Баданов действительно стал первым кавалером этого ордена, а его 24-й танковый корпус вскоре был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский... О кровопролитных боях, в которых принимали участие соединения В. М. Баданова и П. П. Павлова, говорит и такая цифра: к концу декабря в обоих корпусах

оставалось всего 50 танков...

Как только Петр Петрович отправился к своим танкистам, мы занялись текущими делами: предстояло готовиться к новым боям.

* * *

В те дни дивизия находилась всего в ста километрах от Ростова, на самом острие войск, нацеленных в соответствии с операцией «Малый Сатурн» на расчленение фашистских боевых порядков. Противник стремился любой ценой удержать Ростов, чтобы обеспечить себе свободный отход с Кавказа и Дона...

Мне сообщили, что в тылах нашего соединения помимо 25-го танкового корпуса П. П. Павлова сосредоточился еще и 1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова.

Бой 29 декабря показал, что гитлеровцы не пожалеют сил, чтобы задержать наше наступление... Пожалуй, за все время своего существования дивизия не вела более трудных боев, чем в тот день...

Над заснеженной степью повисла морозная ночь. Связисты установили контакт с 610-м и 619-м полками. Федякин и Ситников доложили, что у них после дневных тревог все вроде бы стихло. В полках кормят людей, перестраивают роты.

— Что с 592-м полком? — спрашиваю Сивицкого.

— Мы его никак не найдем...

— Непрерывно вызывать по рации.

Минут через пятнадцать радисты доложили, что полк обнаружен в хуторе Мало-Качалин.

— Где противник, соседи? — спросил я командира полка И. К. Сушинского.

— Противник рядом, а соседа не ощущаю, — послышалось в ответ. [52]

— Встречайте, скоро буду у вас...

Вместе с адъютантом Сергеем Бойко влезаем в низкий кузов трофейного «фиата». Едем медленно, без света. Кругом тихо, а на небе столько звезд, что оно кажется серебряным, переливчатым.

Проехали всего с полкилометра, когда лейтенант Бойко заставил шофера остановиться.

— Слева кто-то маячит... Кажется, бежит к нам...

На всякий случай вынули пистолеты.

Подбежал боец из нашей дивизии:

— Товарищ комдив! Докладывает заряжающий 45-миллиметровой пушки красноармеец Ильюшников. Немцы совсем рядом, недавно пускали ракеты.

— Где майор Сушинский?

— Его тут не было... Мы — в самом переднем охранении.

Дальше — фашисты...

— А вас много?

— Не очень. Одна пушка с расчетом...

Слушая солдата, я подумал, что всего-навсего одна пушка прикрывает двухкилометровую полосу дивизии от хутора Качалин до хутора Мало-Качалин, прикрывает как раз в том месте, где должен находиться полк Сушинского...

— Скорее назад, на командный пункт, — приказал шоферу.

— Что будем делать? — спросил я офицеров, когда мы возвратились в блиндаж. — Командный пункт дивизии охраняет от противника единственный орудийный расчет. Если гитлеровцы нащупают эту брешь, нам несдобровать!.. Обстановка исключительно сложная. Части дивизии после двухнедельных боев измотаны и расстроены, не имеют ни снарядов, ни мин, ни даже патронов...

Снова зазвонил телефон:

— Товарищ полковник! Ответил штаб 592-го полка. Дают поправку — полк находится в селе Тюрин...

Сивицкий прикинул по карте: между 592-м и 619-м полком разрыв два километра. Штаб дивизии как раз и оказался на этом участке.

— Антон Теофилович, дайте сигнал тревоги.

Все присутствующие построились.

— Капитан Погодаев! Берите роту из офицеров, ординарцев, хозяйственников, снимите всю охрану штаба дивизии и займите оборону на оголенном участке... [53]

Через десять минут сборная рота направилась выполнять задание. На КП со мной остались начальник штаба, оперативный дежурный и два связиста...

— Антон Теофилович, — сказал я начштаба. — Примите необходимые меры и обеспечьте доставку боеприпасов еще до рассвета... Если боеприпасы не подвезут ночью, а точнее — сейчас же, как будем отражать атаки врага? В том что они начнутся с рассветом, я не сомневаюсь. А пока съезжу в 592-й. Посмотрю, что там.

Вместе со мной отправился майор Беспалько. Морозный воздух приятно охлаждал разгоряченную голову, ночь была озарена звездным светом...

В хуторе мы сразу повстречали солдат 592-го полка. Узнав меня, они повеселели.

Я разъяснил, что противник оказывает такое яростное сопротивление потому, что мы нацелены на Ростов. А немцам необходимо удержать его.

Солдаты понимали обстановку и были настроены по-боевому.

Чтобы разгромить вражеские резервы, подтянутые к Скосырской, Тацинской и Морозовску, командующий Юго-Западным фронтом приказал нашей 3-й гвардейской армии уничтожить противника в этом районе и к исходу 31 декабря 1943 года выйти на рубеж река Калитва, Ильинка, Усть-Белокалитвенская, устье реки Быстрая. Там же предстояло перерезать пути отхода гитлеровцам на Северский Донец {4}.

Для боев требовались боеприпасы, и я вновь отправился на командный пункт дивизии. Там меня встретил подполковник Сивицкий.

— Гавриил Станиславович, — сказал он устало, улыбаясь одними глазами. — Получен приказ генерал-лейтенанта Лелюшенко. Снимаемся с позиций и отходим на отдых и пополнение...

— Кто остается на этих рубежах?

— Нас сменяют две бригады из первого мехкорпуса генерала Руссиянова...

В хуторе Петровском, куда отошла дивизия, мы подсчитали потери: в стрелковых ротах осталось по 10–15 бойцов. В полках — не более трети от установленного [54] количества станковых и ручных пулеметов и 45-миллиметровых орудий, причем почти без патронов и снарядов. За счет подчистки тылов, сокращения спецподразделений, за счет минометных и орудийных расчетов частей, за счет команд выздоравливающих были пополнены стрелковые роты, приведены в порядок все подразделения, а полки пополнились боеприпасами.

* * *

За два часа до нового, 1943 года мы получили боевой приказ: занять прежние позиции севернее реки Быстрая.

...С рассветом первого дня нового года после залпа РС дивизия перешла в наступление, сбила боевое охранение противника и к 5 часам вышла на северный берег реки Быстрая.

Снова впереди был район Скосырской. И когда на занятый нами берег подошел сосед слева — гвардейцы 14-й стрелковой дивизии, мы получили задачу наступать именно в направлении этого большого села.

В 7 часов после короткой артподготовки и залпа «катюш» дивизия перешла в наступление и через полтора часа овладела хуторами Гринев и Нижний Николаев. Враг понес значительные потери и откатился к Скосырской. Там у него были хорошо подготовленные позиции.

КП дивизии находился в хуторе Качалин. Сюда и приехал член Военного совета Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Алексей Сергеевич Желтов.

Выслушав мой доклад, он одобрил действия дивизии, быстро и с минимальными потерями продвинувшейся вперед.

— Да, воевать научились, — довольно улыбаясь, сказал Желтов.

— Вроде бы... Трудная это наука... Может, союзники помогут в новом году? — спросил я.

Желтов задумался. Приблизившись к столу, на котором лежала моя карта, он посмотрел на нее, потом на меня. В глазах его блеснула веселая искорка.

— В старину была хорошая пословица: на бога надейся, а сам не плошай. Бога, как теперь известно, нет. Второго фронта союзников опять-таки нет. Будем считать — пока... А вот на себя, на свои силы надеяться надо.

И член Военного совета стал обстоятельно рассказывать, как изо дня в день растет экономический и военный [55] потенциал нашей страны. Самоотверженность тружеников тыла и быстрый ввод новых мощностей позволяют давать армии все возрастающее количество танков, орудий, самолетов. А задача фронтовиков — как можно быстрее, несмотря ни на какие трудности, преследовать гитлеровцев...

— В общем надейтесь на себя и не давайте врагу передышки, — резюмировал Желтов.

...До 8 января включительно дивизия вела ожесточенные бои за освобождение и удержание станицы Скосырская, которая являлась не только важным узлом грунтовых дорог, но и мощным опорным пунктом неприятеля.

В районе Скосырской наше соединение взаимодействовало с прославленными танкистами 24-го корпуса гвардии генерал-лейтенанта Баданова и в оперативном отношении подчинялось корпусу. В трудных условиях мы отбили у врага населенные пункты Захаро-Обливский и Крюков. Враг отходил, цепляясь за каждую высоту. Но быстрое продвижение полков дивизии упреждало его развертывание на промежуточных рубежах.

16 января были освобождены хутора Михайловский и Зарубин. До этого мы продвигались вдоль реки Быстрая. Все мосты на ней были взорваны гитлеровцами, лед расколот взрывами, многочисленные подходы заминированы. И все же реку удалось преодолеть решительным броском. На этот раз нас поддерживали танкисты 25-го танкового корпуса. 17 января мы заняли хутор Крутенский, а на следующий день — Погорелов.

Здесь был получен новый приказ — сдать хутор Погорелов 25-му танковому корпусу, а затем через Орешкин и Самборов перейти в район Калитвенская, Варгуны и далее — на Северский Донец.

Так закончились для нас бои на внешнем фронте сталинградского окружения. За ними последовали другие: более двух месяцев продолжались почти беспрерывные стычки с врагом. За это время дивизия вывела из строя свыше 10 000 гитлеровцев, взяла в плен около 260 солдат и офицеров. Среди трофеев насчитывалось свыше 40 орудий и минометов, до 100 пулеметов, много различного имущества. Было подбито и уничтожено 70 вражеских танков и бронемашин. Пройдя с боями 250 километров, наше соединение освободило 12 крупных населенных пунктов и около 100 хуторов... [56]

Из боя — в бой

Удачно начался для войск Воронежского фронта новый, 1943 год. В итоге Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций были разбиты основные силы немецкой группы армий «Б», разгромлены итальянские войска, фактически уничтожена 2-я венгерская армия, полностью выведены из строя 24-й немецкий танковый корпус и корпусная группа «Крамер».

Итак, войска Воронежского фронта вышли на реку Оскол, а взаимодействовавшего с ним Юго-Западного фронта — на железную дорогу в районе от Сватово до Лисичанска и далее по Северскому Донцу до его впадения в Дон...

— Хорошая примета, — довольно потирал руки Беспалько. — Какое начало, таким будет и весь год!

— И давно в приметы верите? — не удержался Сивицкий, добродушно оглядывая начальника политотдела.

— Да не очень давно, Антон Теофилович. Одна цыганка карту счастливую достала. Вот с тех пор...

— А эта цыганочка, часом, не похожа на начальника первого отделения штаба дивизии майора Погодаева?

— Проницательный вы человек, товарищ подполковник... — от души расхохотался Беспалько...

На днях нашему командному составу были вручены через первое отделение штаба новые крупномасштабные карты. Дивизия шла вперед, постепенно отвоевывая у врага захваченные им территории. Именно на этих новых картах мы увидели первые освобожденные восточные районы Украины...

За годы войны карта, казалось бы, перестала вызывать у военного человека какие-либо эмоции. Сознание фиксировало рельеф, пути сообщения, леса, водные преграды. Да, именно преграды. Само понятие «река» постепенно [57] выветрилось из обихода... Река — это прогулка на лодке, рыбалка, песчаный пляж и бронзовый загар... Какая же для солдата может быть река в этом смысле? Для него она водный рубеж или водная преграда, в зависимости от того, идет речь о наступлении или обороне...

А тут, у этих карт, вспыхнули, заговорили, забередили сердце воспоминания. Украина — милый край хлеборобов и песен, веселых девчат с венками на голове и озорных парубков...

В минуту воспоминаний фронтовикам грезились те далекие, мирные дни. Вся довоенная жизнь казалась праздничной. И становилось легче, теплее на душе.

Для Беспалько Украина была родиной. Он знал ее великолепно. Знал и любил, как верный сын. Оттого и ходил в те дни, словно светясь внутренним светом.

После поражения гитлеровских войск на ростовском и донбасском направлениях обстановка для нас складывалась благоприятно. К концу января войска Юго-Западного фронта как бы нависли с севера над Донбассом. Появилась реальная возможность разгромить группу фашистских армий «Дон» и освободить Донбасс.

К середине января наша 3-я гвардейская армия ушла далеко вперед от исходных рубежей на внешнем кольце окружения сталинградской группировки врага. А к февралю, когда мы завязали успешные бои на Украине за освобождение Луганской области, то удалились уже на 400 километров от Сталинграда.

Понеся большие потери, гитлеровцы делали все, чтобы не допустить прорыва советских войск на Северском Донце, вывести свои потрепанные соединения с Дона и Кавказа. Вот почему мы встретили упорнейшее сопротивление частей 6-й пехотной дивизии и приданных ей танков у хутора Богданов в северной излучине реки.

Бои здесь длились почти три дня и завершились нашей полной победой. Люди дрались отважно. Многие были достойны самых высоких похвал.

Запомнился мне смелый, находчивый ефрейтор 7-й роты 610-го полка комсомолец Михаил Глухих.

Ефрейтор Глухих был связным у ротного. Юноша любил своего командира сыновней любовью, а к делу относился с мальчишеским задором. Сколько было их, таких, как он, восемнадцатилетних, которые играли с опасностью, [58] забывая порой, что здесь, на фронте, опасность может оказаться смертельной.

На советы командира быть осторожней Михаил только улыбался:

— Я верткий, любую пулю обгоню. — И тут же добавлял: — А вот вы бы, товарищ ротный, побереглись...

В одной из атак командир получил ранение. Связной на секунду оцепенел, но потом вмиг подхватил его на руки. Глухих был невысок, но крепко сбит. Он доставил офицера на медпункт,

а там все допытывался, опасна ли рана. Затем, убедившись, что ротным занялись врачи, Глухих быстро вернулся на поле боя.

В окопчике он обнаружил убитого бронебойщика. Рядом лежало противотанковое ружье. Ефрейтор взял его и потащил за собой к вражеским позициям.

— Сейчас увидите, во что вам обойдется кровь моего командира, — шептал он.

— Из-за бугра стала разворачиваться немецкая бронемашина. Михаил прильнул к ружью и выстрелил. Первой же бронебойной пулей он поджег ее. Мальчишеская удаль толкнула парня приблизиться к горящему броневику: может, хотел убедиться, что он выведен из строя. Но тут из-за броневика выскочил фашистский автоматчик. Глухих выстрелил в него из пистолета и вырвал из рук автомат. Оглядевшись, ефрейтор решил, что надо поискать какое-нибудь укрытие. Заметив воронку, прыгнул туда. И... влетел во вражеский окоп. Гитлеровцы никак не ожидали появления русского воина и на миг растерялись. Этого было достаточно: Глухих раньше оценил обстановку и первым открыл огонь. А когда начали стрелять гитлеровцы, он удачно укрывался в изломах окопа, время от времени продолжая вести огонь, благо патроны валялись прямо под ногами.

В этой короткой стычке смелый ефрейтор уничтожил шестнадцать немецких солдат.

Выйдя из боя, Михаил Глухих первым делом заглянул в медсанбат — справиться о здоровье командира.

— Я отомстил за пролитую им кровь... — ни к кому не обращаясь, смущенно сказал ефрейтор.

Случилось так, что в это время в дивизии сменились все командиры полков. Командир 619-го полковник Федор Дмитриевич Ситников, самый старший из них по званию и по годам, стал заместителем командира дивизии [59] по строевой части. Вместо него в командование вступил майор Мефодий Платонович Яремчук, высоченный, широкий в плечах, темноволосый богатырь.

На повышение пошел и майор Николай Васильевич Погодаев, серьезный исполнительный офицер, бывший до этого начальником отделения у нас в штабе. Он стал командиром 610-го полка вместо майора Николая Васильевича Федякина.

592-м стрелковым полком вместо майора Ивана Константиновича Сушинского стал командовать подполковник Иван Данилович Аржанцев, присланный к нам из штаба армии.

Смена командиров могла на первых порах отразиться на боевых действиях полков, но этого, к счастью, не случилось: с помощью штаба и командования дивизии они быстро вошли в

курс дела...

Великую радость принесла нам весть о разгроме фашистских войск под Сталинградом. 2 февраля капитулировала последняя, северная группировка окруженной армии фельдмаршала Паулюса. Верховный Главнокомандующий в своем приказе отметил и войска Юго-Западного фронта, в составе которого воевала наша 203-я дивизия, поздравил личный состав с победой и объявил благодарность.

Замечательная победа под Сталинградом вызвала невиданный боевой и политический подъем в войсках. Повсюду, где было возможно, проходили митинги и собрания. Каждый из нас понимал, что Сталинградская битва — это не только разгром отборной неприятельской группировки, но и начало коренного перелома в ходе войны. Поэтому советские воины горели желанием развить достигнутый успех, усилить нажим на врага, идти вперед и вперед.

— Даешь Северский Донец! — неслось по ротам и батальонам дивизии. — Вперед, за освобождение Украины!

И не случайно в те дни красноармейская газета «За Родину!» писала: «Вперед, бойцы Красной Армии! Освобождайте от захватчиков новые города и села! С вами весь советский народ!»

...В целях сокращения фронта командование 3-й гвардейской армии перегруппировало свои силы. Наша дивизия была переброшена в район города Каменск, западнее [60] железной дороги Миллерово — Каменск, развернулась в трех километрах от Северского Донца и начала готовиться к атаке.

— Хватит ходить окольными путями, — говорил Погодаев, поглаживая новую командирскую портупею. — Раньше дрались за хутора и села, теперь впервые выйдем на широкую дорогу — будем отбивать у врага город...

— И чего это тебя тщеславие разбирает? — поинтересовался Беспалько. — Города городами, но кому-то и села брать нужно...

На следующий день после короткого огневого налета полки дивизии атаковали противника и вошли в предместье Каменска.

При этом отличился красноармеец 610-го полка Н. И. Кривовязюк. В пылу атаки он неожиданно выскочил на вражескую артиллерийскую позицию. Увидев русского солдата, гитлеровцы из орудийного расчета схватились за карабины, но чуть опоздали при этом: Кривовязюк меткими автоматными очередями скосил немецких артиллеристов. А потом стал сам хозяйничать у пушки. Развернул ее в сторону оборонявшихся, навел через ствол на дзот, который вел яростный огонь по нашей пехоте, зарядил орудие и выстрелил. Потом еще и еще раз.

Дзот замолчал, а наши солдаты, сделав рывок, вышли на

берег Северского Донца...

Со своего наблюдательного пункта я вдруг заметил, что на участке 610-го полка, закрепившегося в кварталах предместья, стали загораться дома. Связался с майором Погодаевым, спросил, в чем дело. Оказалось, что фашисты оставили в домах зажигательные мины. Они и вызвали многочисленные пожары.

Прежде чем приступить к решающему штурму, мы досконально изучили карту района предстоящих боевых действий. Составили планы форсирования реки, закрепили за полками и батальонами улицы города, а за подразделениями целые кварталы.

День и ночь на передовой, у самой кромки реки, дежурили снайперы, получившие задание выявлять и обезвреживать огневые точки противника.

— Товарищ полковник, — услышал я снова в телефонной трубке голос Погодаева. — Мои снайперы докладывали, что на противоположной стороне местные жители [61] берут из реки воду. Я не возражал против этого. А сейчас там что-то изменилось. Во-первых, женщины почему-то стали спускаться к воде как-то крадучись, а во-вторых, снайперы разглядели в оптический прицел их лица. Никакие это не женщины, а настоящие мужики, причем небритые и бородатые... Полагаю, их надо уничтожить.

— Совершенно верно. Действуйте, майор...

В 3-ю гвардейскую армию помимо дивизий в этот период входило много отдельных воинских частей. Управлять ими было весьма сложно. Поэтому на левом фланге армии три дивизии были сведены в оперативную группу, которую возглавил генерал-майор Дмитрий Петрович Монахов.

7 февраля мы по его приказу сдали свой участок обороны 233-й стрелковой и 54-й гвардейской стрелковой дивизиям и получили новую задачу. Нам предстояло по самому берегу Северского Донца, примерно в километре от переднего края противника, скрытно продвинуться дальше на запад, к станице Гундоровка.

— Ну вот... А ты готовился штурмовать город... — словно продолжая недавний разговор, сказал Беспалько Погодаеву.

Весь день мы готовились к ночному маршу. Чтобы соблюсти скрытность передвижения, колеса повозок обернули соломой и тряпками, солдаты плотно закрепили котелки, было строжайше запрещено курить и разговаривать, команды разрешалось подавать только шепотом...

Командир роты 592-го полка старший лейтенант Василий Шумовский, в характере которого удивительно сочетались

мальчишеское ухарство и хладнокровие бывалого воина, проходя мимо обоза, вдруг сказал:

— А ну-ка, братцы-обозники, быстро организовать еще тряпок, да с длинными концами. Сейчас с вашими конями в жмурки играть будем...

Кое-кто засмеялся.

— Это — приказ, — сердито повторил Шумовский. — Выполняйте.

Когда тряпки были принесены, старший лейтенант снова скомандовал:

— Делай, как я, — и стал завязывать глаза лошадям.

— Зачем это, товарищ командир? [62]

— А затем, друзья... Разве вы не знаете, как светятся, в ночи глаза животных?

— Конечно, знаем, — раздалось в ответ.

— А немцы всего в километре... Посмотрят в бинокль — что за чудо? — и дадут огонька...

Через несколько минут всем лошадям были аккуратно завязаны глаза...

Ночной марш удался. К утру 9 февраля дивизия, не замеченная противником, перешла в район станицы Гундоровка, где против пехотной дивизии немцев, занявшей заранее подготовленный рубеж, уже действовали на сильно пересеченной местности два советских стрелковых соединения.

В тот же день наш 592-й полк начал энергичное наступление с юго-восточной окраины Подгорной на юг, в направлении хутора Беленький, и овладел высотой в двух километрах севернее хутора. Левее 610-й полк медленно продвигался правым флангом к восточной окраине хутора Беленький, а левым — держал связь с 619-м полком, оборонявшимся на широком фронте от села Поповка до хутора Нижне-Вишневский.

Несмотря на массированный огонь противника, полки к 16 часам овладели южными скатами высоты 115,5 и западной окраиной Поповки и, таким образом, выполнили поставленную мной задачу.

Утром 10 февраля наше наступление возобновилось. К середине дня 592-й полк подошел к гребню ската, за которым лежал хутор Беленький, и стал накапливаться для атаки. Но гитлеровцы упредили наших. После неожиданного и сильного артиллерийского налета около двух батальонов немецких пехотинцев в белых маскировочных куртках вынырнули из лощины, тянувшейся почти параллельно нашему фронту, быстро развернулись на гребне и с громкими криками ринулись в контратаку.

Наши бойцы, находившиеся за выпуклостью ската, заметили врага только тогда, когда он оказался в каких-нибудь ста метрах, и, отстреливаясь, стали поспешно отходить.

Мы наблюдали контратаку противника с НП, расположенного на расстоянии около полутора километров. Чтобы выручить пехоту, надо было немедленно открыть артиллерийский огонь. И я приказал сделать это, но... артиллеристы [63] запоздали, запоздали всего на две-три минуты!

Я приказал открыть пулеметный огонь с флангов, и вражеская цепь залегла. Но через несколько минут немецкие солдаты вновь поднялись и пошли вперед.

— Товарищ командир, фашисты обходят нас, — докладывали командиру роты Василию Шумовскому.

— Не они обходят, а мы оказываемся у них в тылу, — отвечал старший лейтенант. — А у кого в такой ситуации более выгодная позиция? У нас...

Спокойствие ротного мгновенно передалось солдатам. Выждав, когда фашистская цепь, преследуя наши отходящие роты, обнажит свой фланг, Шумовский приказал открыть огонь.

Немцы залегли.

— Ну вот и хорошо. Пусть немного отдохнут, — сказал ротный.

В цепи бойцов засмеялись: солдаты любили своего командира, охотно отвечали на его шутки.

Однако через несколько минут бойцам Шумовского стало не до шуток: на них бросились фашисты. Отражая контратаку, тотчас заработал пулемет и тут же замолк: убило пулеметчика. Старший лейтенант в два прыжка оказался у пулемета. «Давайте продолжим разговор!» — кричал он, короткими очередями расстреливая наступающих.

Контратака врага захлебнулась.

Но вскоре немцы открыли яростный минометный огонь по расположению роты Шумовского: она мешала им продвинуться, чтобы атаковать фронт еще не успевшей закрепиться дивизии.

Рота В. А. Шумовского укрылась в окопах и блиндажах захваченного немецкого опорного пункта...

Прямым попаданием мины были пробиты деревянные накаты, земля и балки обрушились. Ротного сильно оглушило, ранило нескольких бойцов.

— Будто не для себя строили, — выбираясь из-под обломков, ворчал Шумовский. — Не могли получше сделать блиндаж.

...А немцы поднялись в новую контратаку. И снова были отбиты. В третий раз штурмовали они поредевшие боевые порядки роты и все откатывались назад. Вокруг опорного пункта

не осталось даже снега — его разнесло [64] в стороны разрывами снарядов и мин. Казалось, что горстка бойцов не сможет устоять против такого огня... Командир 592-го полка Иван Данилович Аржанцев покрутил ручку полевого телефона, соединявшего его НП с ротой Шумовского. Покрутил машинально, ни на что не рассчитывая: связь с ротой была потеряна еще во время первой контратаки врага. И вдруг услышал голос Шумовского.

— Как дела? — спросил обрадованный Аржанцев.

— Неплохо! Как видите, даем врагам жару.

— А я звонил несколько раз — связи не было...

— Была, — возразил комроты. — Только руки у меня в тот момент были заняты пулеметом.

— Что делаете сейчас?

— Готовимся отбить очередной натиск и слушаем песню.

— Песню? — переспросил Аржанцев.

— Да, товарищ подполковник. Санинструктор Аня Олейник вынесла с поля боя тринадцать солдат и всех уже перевязала. А теперь по их просьбе поет задушевные украинские песни...

За этот бой Василий Шумовский первым в дивизии был награжден орденом Александра Невского. Получили награды и его подчиненные, в том числе и санинструктор Анна Олейник.

Ночью, когда рота соединилась с боевыми порядками своего полка, Аня подошла к замполиту и подала ему заявление:

— Хочу в следующий бой идти коммунисткой.

На коротком собрании отважная девушка тут же единогласно была принята кандидатом в члены ВКП(б).

...В течение всего дня 12 февраля дивизия укрепляла свои позиции, а гитлеровцы методично совершали огневые налеты.

Противник пытался любой ценой задержать наступление советских войск в Донбассе. Наша армия, выйдя центром и левым флангом к Ворошиловграду, встретила упорное сопротивление спешно стянутых сюда нескольких соединений, в том числе двух танковых полков дивизии СС «Райх».

Еще 5 февраля, после авиационного удара и 45-минутной артподготовки, 3-й гвардейской армии удалось прорвать две вражеские оборонительные линии на подступах [65] к городу, но перед третьей неприятель задержал наше продвижение. И вот уже семь дней шла настойчивая подготовка к штурму города.

Ставка требовала в кратчайший срок освободить Ворошиловград и прорваться в Донбасс. А фашисты понимали, что Донбасс необходим им для развития военной экономики. Гитлер прямо заявлял: Донбасс невозможно отдать противнику даже временно...

203-я дивизия находилась у ворот Донбасса. Перед нами уже

виднелись терриконы угольных шахт Краснодона... Рядом на этот украинский город были нацелены 266-я и 333-я стрелковые дивизии, а также танкисты 23-го танкового корпуса генерала Е. Г. Пушкина.

Мы тоже готовились к штурму.

13 февраля со стороны немецких окопов вдруг раздалось «ура!», в нашу сторону бежали несколько сот солдат.

Сначала наши подумали, что из вражеского тыла прорывается к своим какая-то советская часть, и поэтому не открывали огня. Но их предположение быстро рассеялось: в атаку шли предатели — власовцы.

С лютой ненавистью дрались наши бойцы с изменниками Родины! В батальоне, где замполитом командира был политрук П. В. Хорунжий, насчитывалось тогда всего сто человек. Наши солдаты встретили власовцев плотным ружейно-пулеметным огнем, а затем поднялись в штыки и погнали их по всему полю. Пятьдесят бандитов навсегда остались лежать в той самой земле, которую предали...

В ночь на 14 февраля вдруг резко потеплело. Раскисли дороги, потянуло весной.

Перед рассветом гитлеровцы обрушили сильный огневой налет на рубежи 592-го и 610-го полков. Но Аржанцев и Погодаев разгадали эту уловку — огнем они решили прикрыть свой отход. Тут же была выслана разведка, сбившая небольшое прикрытие врага, и полки двинулись в наступление.

К утру полк Аржанцева во взаимодействии с 39-й танковой бригадой занял Малый Суходол, а во второй половине дня первым из нашей дивизии ворвался вместе с танкистами в Краснодон.

Затем после короткого боя полк майора Погодаева занял село Поповка и вместе с 619-м полком Яремчука [66] овладел хутором Беленький. Преследуя врага, майор Погодаев к исходу дня доложил, что вышел на рубеж западная окраина Краснодона, Гавриловка, а майор Яремчук со своим полком занял хутор Нижне-Дуванный и село Изварино.

...Когда штаб дивизии прибыл в Краснодон, центральная площадь была полна народу.

Освобождая населенные пункты, мы привыкли к тому, что жители с радостью встречают воинов. Но сейчас лица людей были суровы и мрачны. Я сразу понял: что-то случилось. И не ошибся.

— У нас в городе страшная трагедия, — сказала мне пожилая женщина. — В последние дни гитлеровцы раскрыли подпольную организацию молодежи. За связь с нею арестовали десятки жителей. Многих поубивали... А многих живыми столкнули в

ствол шахты и завалили выход.

...На улице возле шахты № 5 и во дворе самой шахты толпились сотни людей. В основном старики и женщины. Женщины плакали.

Здесь же я встретил майора Беспалько. Он подошел и сказал, что ствол шахты завален трупами. А собравшиеся люди — родственники тех, кто погиб или пропал без вести в фашистских застенках.

— Краснодонцы считают, что в шахте после казни могут еще быть живые... — тяжело дыша, сообщил Игнатий Федорович. — Жители сами пытались разобрать завал, но он оказался заминированным.

— Возьмите саперов, окажите необходимую помощь и лично проследите за всем, — попросил я начальника политотдела.

Всякое доводилось видеть на войне солдату: сожженные деревни, где на пепелищах, словно окаменевшие от горя, сидели погорельцы; дороги, по которым брели голодные, бездомные детишки, потерявшие родителей; видели, как горят поспевшие хлеба, а ветер доносит со стороны пожарища вместе с запахом гари едва уловимый запах печеного хлеба; теряли боевых товарищей — только что говорили, спорили, шутили — и нет человека; видели, как рушатся мосты, как вода в реке становится красной от крови.

Но то, чему мы стали свидетелями в Краснодоне, потрясло даже бывалых воинов. [67]

После разминирования из ствола шахты № 5 стали извлекать трупы. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят... Их аккуратно рядами складывали на перемешанный с землей, по-весеннему талый снег. А краснодонцы, несколько часов простоявшие у шахты, осторожно обходили эти застывшие ряды, жадно всматривались в обезображенные, посиневшие лица и шли потихоньку дальше, если не находили близких.

Но вдруг кто-то замирал среди этих безжизненных рядов, глухо вскрикивал, опускался на колени и, обхватив распластанное на мокром снегу тело, тряс его, словно стараясь разбудить погибшего.

— Товарищи бойцы, — говорил на митинге майор Беспалько. — Сегодня мы склоняем головы перед павшими героями Краснодона. Мы скорбим об утрате, но знаем, как знали те, кого больше нет с нами: на место павших встанут другие... Ширится и растет партизанское движение в фашистском тылу. Земля горит под ногами оккупантов: их бьют на фронте, бьют далеко за линией фронта. Идет всенародная война с гитлеровской нечистью. И наш солдатский долг — драться еще

лучше, еще больше истреблять фашистских захватчиков... Мы отомстим за вас, герои Краснодона, и навсегда сохраним память о вас... Мы дойдем до логова фашистского зверя, и не будет ему пощады...

* * *

После освобождения Краснодона дивизия активно преследовала разрозненные части и подразделения 302-й и 304-й пехотных дивизий противника в направлении города Ровеньки.

Туда вели две дороги — одна прямая, но плохая, другая — хорошая, но в обход через небольшой донбасский городок Свердловск. Воспользовавшись этой дорогой, можно было быстро развивать успех.

Изучив карту, я убедился, что Свердловск находится примерно в 15 километрах от полосы наступления, как раз в районе нашего соседа слева 333-й стрелковой дивизии, которая отстала от нас примерно на 12–15 километров. Майору Погодаеву я приказал следовать через Свердловск. И предупредил, что разрыв между колонной полка и остальной дивизией будет вдвое больше уставного. [68]

Конечно, рискованно было полку удаляться на такое расстояние, да еще во время распутицы. Но майор Погодаев тоже предпочел выбрать хорошую дорогу и повернул полк на Свердловск, Луганской области.

Навстречу колонне то и дело попадались группы местных жителей. Рискуя жизнью, они вышли встречать своих освободителей. Многие из них оказались хорошими добровольными разведчиками: точно и обстоятельно докладывали Погодаеву и его начальнику разведки старшему лейтенанту О. Т. Джаферу обо всем, что видели на пути, а также о численности немецких гарнизонов в селах и деревнях.

— В Свердловске осталось до роты фашистов и всего два танка. По всему видно — готовятся драпать, — сообщил командиру полка один из таких добровольных помощников.

Майор Погодаев ускорил движение. И действительно, противник, заметив приближение полковой колонны, без боя отошел к Ровенькам.

С наступлением темноты радиосвязь с 610-м полком прекратилась, и нам с начальником штаба дивизии пришлось основательно поволноваться. Однако мы были уверены, что полк в Свердловске, и донесли в штаб армии, что 203-я первой заняла этот город.

...А разведка шла дальше. Вместе с бойцами находилась санинструктор Вера Орлова.

Вере в ту пору едва исполнилось 20 лет. Это была

смышленая, общительная и веселая девушка.

— Я счастливая, — говорила она. — Попросилась на фронт — взяли. А знаете, скольким девушкам был отказ? Потом попала в хороший полк. Какие у нас замечательные храбрецы! Горжусь, что довелось воевать рядом с ними.

Бойцы любили своего санинструктора. Кто другой мог так доверительно поговорить с солдатом, успокоить, когда из дома долго не было писем, вселить веру в любимых, оставшихся за тысячи километров... Девушка чувствовала, что ей верят, и была счастлива этим.

...В опустевшем поселке шахты № 9 Орлова сказала Джаферу:

— Товарищ старший лейтенант, вы с разведкой по этой улице идите, а я — по следующей, параллельной. Хорошо? [69]

Осман Дшафер хотел было возразить, но Вера опередила его:

— Это необходимо для пользы дела. Разведка будет двигаться широким фронтом. Вдруг там засада? Я ее, конечно, замечу и доложу.

— Ну что ж, иди, — сказал Джафер. — А в случае чего — сигналь.

Вера вышла одна на пустынную улицу, и ей сначала стало страшно. Потом, отдышавшись, девушка решила идти открыто, не крадучись. Не прошло и минуты, как за одним из заборов она увидела лошадь, запряженную в двуколку. На ней, прикрывая сено, лежал овчинный тулуп. Рядом стояла другая такая же повозка, две лошади мирно жевали овес из помятого ведра.

Вера сняла варежку, вытащила из кобуры пистолет и направилась к дому. Страха как не бывало. Она понимала, что в доме могут быть чужие, что опасность подстерегает на каждом шагу, но она была не из тех, кого может остановить чувство страха.

Поднявшись по скрипучим ступенькам на крыльцо, девушка прислушалась... В доме были люди. Орлова слышала голоса, смех, какое-то позвякивание.

«Едят», — подумала она и вспомнила, что утром из-за множества перевязок не успела поесть сама.

Собравшись с духом, Вера дернула на себя ручку двери. В глубине комнаты за накрытым столом беззаботно сидели восемь румынских солдат в расстегнутых мундирах.

— Руки вверх, — спокойно сказала Орлова, направив в сторону солдат маленький трофейный пистолет.

После секундного оцепенения румыны стали поднимать руки, медленно выбираясь из-за стола; оружия при них не было, оно стояло в углу, где с пистолетом в руках находилась Вера.

— Выходи на улицу и стройся! — скомандовала она. —

Быстро...

...Старший лейтенант Джафер, сидя на лошади, чертыхался на всю улицу, пытаясь найти Орлову.

Осман Джафер, смуглый, рослый татарин, был, по меткому определению его солдат, не дюже сильным, но жилистым. Он любил дисциплину и строго следил, чтобы ее соблюдали, А поэтому крепко ругал себя, что позволил девушке пойти одной. [70]

Остановившись на перекрестке, Джафер подозвал к себе пятерых солдат, назначил старшего, приказал бегом прочесать улицу и привести санинструктора Орлову.

Искать Веру пришлось недолго. Она первая увидела с крыльца подбегавших бойцов и позвала их.

— Вот пленные... — с гордостью сказала девушка. — Отведите их к командиру. — И присела на крыльцо, грохнув о ступеньку трофейным автоматом...

Не каждый солдат-фронтовик может сказать, что ему удалось одному захватить в плен восемь вражеских солдат. А санинструктор Вера Орлова сумела сделать это.

Самые добрые слова хочется сказать мне в адрес женщин, служивших в дивизии. Их было у нас 150 человек, и все пришли в Красную Армию по зову сердца, чтобы защищать Родину от ненавистных фашистов. На фронте они были преимущественно медиками, связистками, работницами хозяйственных подразделений. И в большинстве своем находились на передовой или в боевых порядках частей. Им, конечно, пришлось гораздо трудней, чем мужчинам. Но свои обязанности женщины выполняли не хуже мужчин и на всех участках отлично проявили себя...

К вечеру 16 февраля дивизия была обстреляна при подходе к Ровенькам.

Убедившись, что противник ждал нас с востока, я приказал 592-му полку сделать обходной маневр и ударить с северо-запада, а 619-му — с северо-востока. Три часа не мог продвинуться вперед 610-й полк. И только тогда, когда в самом городе завязали бои полки, обошедшие его с севера, и мощное «ура!» стало доноситься со стороны вокзала, враг оставил свои укрепленные позиции. К полуночи город был полностью освобожден от оккупантов. Мы захватили богатые трофеи — до ста автомашин, много оружия и снаряжения, склады с боеприпасами, зерном, горючим. На аэродроме оказалось 15 самолетов с незначительными повреждениями. И они попали в руки наступавших частей...

В этот период дивизия вошла в состав 5-й танковой армии.

Утром 18 февраля 619-й и 610-й полки очистили от немцев село Дьяково, а 592-й полк — Орехово и хутор Орехово-Вишневецкий. Благодаря помощи танкистов из корпуса генерал-майора Е. Г. Пушкина был взят хутор Нижний Нагольчик. К утру 19 февраля 610-й полк после [71] жаркого боя занял хутор Дубовский, а вечером — село Дмитриевка на реке Миус. Затем дивизия ударила по поселку Боково-Антрацит, и 619-й полк освободил его. Особенно отличился батальон майора Владимира Сергеевича Черненко, сумевший сломить ожесточенное сопротивление врага в центре города и занять его. Впоследствии Черненко стал почетным гражданином города Антрацит.

Так, стремительно наступая день за днем, прошла дивизия от Северского Донца до реки Миус.

* * *

«Миус-фронт»!

Всему миру стал известен этот рубеж. Почти два года фашисты рыли здесь траншей и ходы сообщения, сооружали доты, дзоты и блиндажи, устанавливали многочисленные минные поля, возводили противотанковые и противопехотные препятствия. Немецкое командование считало, что именно «Миус-фронт» поможет их войскам удержать Донбасс...

На правом берегу Миуса, примерно в 75–90 километрах от Азовского моря, мы вошли в соприкосновение с 36-й пехотной дивизией гитлеровцев, занявшей очень сильную оборону.

Здесь и встретили 25-ю годовщину Красной Армии. Праздник был особенно радостным: многим нашим солдатам и офицерам вручали в этот день правительственные награды за освобождение городов и сел Донбасса. По представлению командира группы генерал-майора Пушкина я тоже был награжден орденом Красного Знамени.

Упорные бои на Миусе мы вели до 1 марта. В тот день нас сменила 266-я стрелковая дивизия. А 203-й была поставлена задача — по рокадной дороге, всего в пяти — восьми километрах от переднего края противника, совершить переход на север.

Этот переход можно смело приравнять к тяжелому бою... Термометр показывал около 20 градусов ниже нуля. Сильный ветер гнал колючие тучи снега. Порою поднималась такая метель, что в двух-трех метрах невозможно было различить идущих впереди. Глубоким снегом были занесены все балки, овраги, лощины, которых так много в Донбассе. Техника буксовала, лошади оказались бессильны. Каждую повозку, орудие приходилось вытаскивать чуть ли не вручную. Только солдаты, прошедшие через [72] огонь войны, могли в тех условиях не только шагать по сугробам, но и тащить за собой военное

снаряжение и оружие...

На расчистку дорог вместе с воинами добровольно выходили жители освобожденных сел и деревень. А снег валил и валил, лютовала метель. Все это сводило на нет усилия сотен людей.

Из-за остановки транспорта стала ощущаться нехватка продовольствия и боеприпасов. И все-таки 5 марта мы вышли на новый рубеж обороны. Он проходил по скатам высоты 323,0, тянулся мимо отдельно стоявших в степи строений и упирался в западную окраину поселка Центрально-Боковский. 619-й полк расположился во втором эшелоне на высотах 233,1 и 252,5.

Дивизия заняла широкую полосу обороны, которая не была сплошной. Это вынуждало нас быть особенно бдительными на переднем крае. Солдаты расчищали там от снега старые окопы и ходы сообщения. Именно из этих мест гитлеровцы в прошлом году предприняли наступление на Волгу.

Воспользовавшись затишьем, дивизия усиленно занималась боевой подготовкой. К этому времени поменялись многие командиры батальонов и рот, им предстояло войти в курс дела. Около 1200 новых солдат пришло в дивизию из освобожденных районов Украины. Им тоже необходимо было освоиться в новой обстановке.

С 9 по 11 марта в полках прошли однодневные сборы минометчиков, пулеметчиков, снайперов. Я провел занятие с командирами частей по новому уставу пехоты.

Командующий 5-й танковой армией генерал-лейтенант И. Т. Шлемин, в подчинение которого вошла наша дивизия, часто интересовался ходом боевой подготовки.

— Скорее организуйте систему артиллерийско-минометного огня, — спокойно говорил он. — Это очень важно...

Услышав рекомендацию командарма, я доложил, что система огня у нас создана. И вдруг в тот же день он сам прибыл в дивизию...

Надо сказать, что к генералу Шлемину я относился с особым уважением и симпатией. Этот человек обладал огромными военными знаниями и был опытным руководителем войск. Его отличала высокая интеллигентность. Генерал никогда не устраивал разносов подчиненным, не [73] рубил, как говорят, с плеча. Он был, вежлив и одновременно требователен.

Как же мне пришлось краснеть, когда во время проверки ни одна батарея, ни один дивизион не смогли открыть огонь по новой цели раньше чем через десять минут! Мало того: артиллеристам не удалось поразить цель без долгой пристрелки!

— Подполковник Кузьмин, — обратился Шлемин к командующему артиллерией дивизии, увидев с НП, как неудачно

стреляют артиллеристы, — что вы понимаете под организацией системы огня?

— Распределение целей и объектов по подразделениям артиллерии и минометов, их пристрелку и, главное, быстрое поражение целей, — вытянувшись по стойке «смирно», ответил тот.

Шлемин покивал головой, словно подтверждая сказанное, потом снова спросил:

— Через сколько минут?

— Через одну-две минуты — максимум три — цель должна быть поражена, — бодро отчеканил Кузьмин.

— А что получается у вас?

— Виноват, — опустив глаза, тихо сказал он.

— Вы проверяли готовность огня, прежде чем доложить о ней своему командиру? — спросил генерал.

— Я лично проверил три батареи... Результаты были хорошие...

— Почему же они сейчас так плохи? — Шлемин присел на скамейку у стола, ожидая ответа. Но подполковник Кузьмин молчал. — Может быть, давали поблажку артиллеристам?

— По-видимому, да...

Я крепко рассердился на Кузьмина. Своим преждевременным докладом о готовности артогня он поставил меня в очень неловкое положение.

— За ваши поблажки и упущения в итоге должна расплачиваться пехота. Расплачиваться самой дорогой ценой — своей кровью... — в сердцах сказал я Кузьмину.

— А вы тоже хороши... — перебил командарм, сурово поглядев на меня. — Поверили подчиненному на слово, не проконтролировали его, прежде чем доложить мне. Короче говоря, не проявили нужной требовательности. Это, видимо, и дало артиллеристам повод выполнять ваши приказы формально, безответственно... [74]

— Виноват, товарищ генерал-лейтенант. Этот урок запомню навсегда... Даю слово, что подобное никогда не повторится.

— Ладно, — сказал Шлемин, слегка пристукнув ладонью по столу и поднимаясь. — Через неделю проверю и сделаю вывод...

И хотя артиллеристы оплошали, командарм похвалил нас за организацию системы стрелкового огня, обороны батальонов и за ход боевой и политической подготовки.

— Вот что, полковник, — сказал он на прощание, — хорошо подготовьте и проведите диверсию на участке одного из полков...

Диверсия — скрытно подготовленная операция с просачиванием в тыл противника — была поручена 592-му полку.

К ней началась активная подготовка. Одновременно мы тщательно готовились и к проведению диверсии с целью выравнивания фронта дивизии.

Итак, проникнуть в тыл врага предстояло 3-му стрелковому батальону капитана Богазова из 592-го полка. На разведку предстоящего пути был послан адъютант старший батальона В. Б. Шефталович. Его сопровождал местный житель — молодой паренек по фамилии Масушко. Старший лейтенант и его добровольный помощник выяснили расположение немцев в обороне, определили пути подхода к ним и, незамеченные, вернулись назад. По их данным штаб дивизии разработал подробный план действий привлекаемых для диверсии сил.

15 марта в предрассветной мгле 3-й батальон, с которым пошел помощник начальника 1-го отделения штадива Шемет, продвинулся по оврагу на полтора километра в глубь немецкой обороны. 7-я рота заняла оборону и заминировала дорогу на Боково — Платово, чтобы не допустить подхода подкреплений врага. 8-я рота с группой автоматчиков полка и разведчиков дивизии в 6 часов неожиданно для фашистов стала наступать с тыла на высоту 222,0. Одновременно по этой же высоте ударили с фронта батальоны 619-го полка.

Застигнутый врасплох противник оказал отчаянное сопротивление. Бой длился целый день, а к вечеру наши солдаты заняли небольшой поселок и высоту 222,0. При этом было убито и ранено около 150 немцев, захвачено их оружие и документы пехотной роты. Диверсия в целом прошла успешно. [75]

...Четыре месяца дивизия вела активные действия: наступала, преследовала врага, отражала контратаки. И каждый бой требовал четкого управления, постоянного руководства войсками. Именно поэтому в тот период была очень напряженной работа штаба и тыла дивизии. Не могу хотя бы кратко не рассказать об этом.

Чтобы обеспечить, например, скрытое управление войсками, кодировались карты всех офицеров, применялись сокращенные кодовые таблицы слов и фраз, таблицы радио — и других сигналов, а также позывные должностных лиц. Благодаря этому и командир дивизии, и командиры частей могли в случае изменения обстановки передать краткий приказ цифрами по радио и получить донесение о его исполнении или о местонахождении полка, батальона.

Для надежного управления боем связь в дивизии строилась в виде двух сетей. Одна сеть — командная — связывала (по радио и телефону) мой НП с НП командиров частей, соседом слева и командармом. Вторая сеть — штабная — связывала штаб дивизии

(КП) с КП полков, высшим штабом и соседями. Таким образом, в случае нарушения одной из сетей связь не пропадала.

Во время боя, как правило, на НП командира дивизии кроме меня находилась оперативная группа в составе начальников оперативного и разведывательного отделений и отделения связи. Тут же постоянно был и мой адъютант, которого в любой момент можно было использовать для связи.

Метрах в 30–50 располагался НП командующего артиллерией. С ним были два-три офицера штаба, а также кто-либо из связистов или разведчиков (тоже для связи).

Как только наша наступающая пехота продвигалась на 500–1000 метров, НП дивизии тоже немедленно переносили вперед. Делалось это так. Ориентируясь по телефонному проводу, который связывал штаб с полком, действовавшим на главном направлении, вперед направлялись начальник 1-го отделения и начальник связи с саперами и связистами. Они разыскивали место, с которого были хорошо видны наступающие войска. Саперы тут же рыли щели, а связисты тянули провод. Как только связь с полками начинала действовать, на новое место переходила вся оперативная группа. Во время ее перехода войсками управлял начальник штаба дивизии, [76] который мог переходить на вновь оборудованный командный пункт только с разрешения начальника штаба армии.

В случае преследования врага оперативная группа двигалась в голове колонны главных сил дивизий, и основным средством связи являлось радио. Все распоряжения дублировались офицерами связи (в их распоряжении имелись лошади, велосипеды, мотоциклы, а иногда и автомашины). Телефонная связь устанавливалась только во время остановки войск на длительный срок.

Если дивизия находилась в движении, я часто выезжал в полки и передовые подразделения, беседовал с бойцами, двигался вместе с ними, а коли требовалось, ставил новую боевую задачу. Это был наиболее быстрый и надежный способ руководства войсками, особенно при резких изменениях обстановки.

Зато начальник штаба дивизии обычно двигался «скачками», на машине, и останавливался в строго определенном месте, чтобы его легко могли найти связные с донесениями.

Если бой возникал на новом рубеже, управление войсками сначала осуществлялось через мою рацию, а затем велось через радиосеть начальника штаба дивизии. В случае длительного отсутствия связи с одним из полков я посылал для выяснения офицера опергруппы, а в наиболее опасные места выезжал с адъютантом и рацией.

В то время моим адъютантом был лейтенант Сергей Бойко, среднего роста, смуглый и подвижный юноша, обладавший удивительной способностью видеть все, что касалось меня и его. В бою он всегда находился рядом со мной, заботился об охране НП, выполнял самые различные поручения.

Из подразделений штаба особенно хорошо работало 1-е отделение, которое возглавлял теперь старший лейтенант Антон Михайлович Колесников. Четко вел журнал боевых действий, вычерчивал схемы старший лейтенант И. Н. Тиссов. Безупречно действовало отделение связи во главе с майором Н. Я. Пантелеевым и его помощником капитаном И. Е. Хоменко, а также строевое, начальником которого был капитан В. А. Юрьев, и шифровальное в составе капитана С. И. Филимонова и лейтенанта Ф. А. Скакова.

Не могу умолчать, что не всегда удовлетворяла меня работа разведывательного отделения дивизии во главе с [77] капитаном В. Н. Шашиным. Разведчики делали свое дело вроде бы старательно, но результаты, как правило, были незначительными. О противнике мы нередко узнавали с опозданием, хотя в подчинении у Шашина находились разведрота дивизии, разведвзводы полков и нештатные разведотделения стрелковых батальонов.

Отлично руководил штабом и обеспечивал руководство войсками подполковник А. Т. Сивицкий.

Вполне удовлетворительно выполняли свои задачи все отделения управления тыла и начальники служб дивизии под руководством майора П. К. Степанова, ставшего с октября 1942 года моим заместителем по тылу.

В общем и целом я был доволен своими подчиненными. Ведь именно их скромный, порой незаметный, но такой необходимый труд делал дивизию боеспособной. [78]

Голая Долина

После боев на Луганщине для 203-й неожиданно наступило затишье. Нас передислоцировали в резерв фронта на пополнение, а затем направили на строительство старобельских укреплений.

Работа на строительстве сочеталась с постоянной учебой всех подразделений. Трудились по 12 часов в сутки. Трудились все — от солдата до офицера штаба.

Именно здесь мы провели большую работу по перестройке партийного аппарата, вызванную Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет».

Первичные партийные организации стали создаваться теперь

в батальонах и дивизионах. Вместо секретарей партийных организаций назначались парторги полков, батальонов, рот.

Постановление ЦК ВКП(б) полностью отвечало требованиям военной обстановки. Благодаря ему партийное руководство было приближено к ротному звену, к широким солдатским массам. Резко улучшалась партийно-политическая работа в боевых частях.

Находясь в резерве фронта с конца апреля по 31 июля, дивизия почти завершила оборудование старобельских укреплений. Здесь мы укомплектовались до полного штата личным составом, получили машины, а также усовершенствованное на основе опыта войны стрелковое и артиллерийское вооружение. Наша огневая мощь стала в полтора раза выше, чем в период первого боя на Дону...

После ожесточенных боев обстановка на фронте стабилизировалась. Изучая опыт минувших сражений, накапливая силы, Ставка разрабатывала новые операции, искала [79] пути быстрейшего освобождения советской земли от немецко-фашистских оккупантов. С каждым днем нарастала военная мощь нашей любимой Родины.

К лету 1943 года гитлеровцам удалось мобилизовать в армию более 10 миллионов человек, включая подростков и стариков. 5 июля они перешли в наступление. Началось грандиозное сражение на Курской дуге.

Исход этой битвы известен: советские войска одержали блистательную победу, которая во многом предопределила дальнейший ход второй мировой войны.

Чтобы окончательно очистить от врага Донбасс, решено было нанести совместные удары Юго-Западного и Южного фронтов по флангам его донбасской группировки.

Наша дивизия опять вошла в состав 12-й армии генерал-майора А. И. Данилова, действовавшей на Юго-Западном фронте.

В ночь на 10 августа 203-я сосредоточилась севернее села Богородичное, что на Харьковщине.

Снова перед нами были поля и перелески, изрезанные окопами, неизвестные хутора и деревни, безымянные высоты.

Безымянные... Неизвестные...

Не думали мы тогда, что со временем народ выделит эти слова, наполнит их новым, высоким смыслом и станут они известными всей стране в ряду самых близких и дорогих каждому слов. Ведь в словах этих память о тысячах воинов, которые не вернулись с войны...

Перед боевыми порядками дивизии на сей раз значилось село со странным названием Голая Долина.

Жара стояла немилосердная. Пыль оседала на листьях

деревьев и лицах солдат, на машинах, танках, повозках. Казалось, и облака были белыми от пыли...

И вспомнил я тот день, когда вступал в командование дивизией. Тогда тоже стояла жара и пыль ела глаза. По дорогам шли машины с ранеными, я жадно всматривался в лица людей, направлявшихся в тыл, стараясь угадать их настроение.

Я и теперь смотрел на солдат... Вроде те же они и не те. И не только погоны отличали бойцов сорок третьего от солдат сорок второго! Настроение было не то! Душевная уверенность, спокойная сила читались в глазах тех, с кем вскоре снова предстояло идти в бой. Восемь тысяч солдат и офицеров насчитывалось теперь в дивизии!.. [80]

И снова вспомнилось: нашей дивизии — год. Всего год! Уже год... Погиб ее первый комиссар Карельштейн, погибли сотни бойцов и командиров. Ушел от нас начальник штаба подполковник Сивицкий — он стал одним из первых офицеров Войска Польского.

Сивицкого заменил майор Погодаев.

За год сменились все командиры полков и командиры батальонов. Кто был отозван в резерв армии, кто ранен. На смену им пришли новые офицеры. Майор Беспалько стал подполковником. Сотни солдат и офицеров награждены орденами и медалями.

Да, дивизии исполнился год. Это был год боев, год тревог, год возмужания... Мы провели митинг, посвященный годовщине. Подвели итоги. Они порадовали каждого. Для этого были веские основания: на счету дивизии значилось свыше 17 000 уничтоженных и выведенных из строя солдат и офицеров неприятеля и более 1000 взятых в плен, около 90 подбитых танков и бронемашин, почти два десятка самолетов, сотни орудий и пулеметов {5}.

* * *

И снова — в бой.

В окулярах стереотрубы — лощина, вдалеке роща и большое село Голая Долина. Местность сильно изрезана оврагами и окопами. Справа и слева от узкой открытой полосы — леса.

На этом участке бои шли с весны, он несколько раз переходил из рук в руки. Здесь немцы по-хозяйски построили оборону: сплошные траншеи были даже на обратных скатах высот. Затем шли доты, дзоты с бронеколпаками, глубокие блиндажи.

Сзади, в двух-трех сотнях метров, находилась вторая сплошная траншея, а за ней — в полукилометре — третья. Все подступы к переднему краю и в глубине обороны были

минированы, усилены малозаметными препятствиями и спиралью Бруно.

Глубокие и узкие балки с выпуклыми скатами — Погорелая, Чернечья, Лисичья тянулись почти параллельно переднему краю, справа лежала широкая балка — Голая Долина, а за ней село того же названия. [81]

Через все эти природные и искусственные препятствия, через хитросплетение дотов и траншей, через огонь пулеметов и орудий врага дивизии предстояло наступать и прорвать немецкую оборону.

Главный удар 12-я армия как раз и наносила в направлении сел Голая Долина, Черкасская, имея четыре дивизии в первом эшелоне, три во втором и мехкорпус для развития успеха.

Вместе с 134-м и 87-м артполками и 52-м отдельным штурмовым саперным батальоном при поддержке легкого и гаубичного артполков 126-й артбригады, 535-го отдельного минометного полка и 11-й танковой бригады наша дивизия должна была действовать в первом эшелоне...

Утром 13 августа, закончив рекогносцировку обороны противника, я на местности поставил задачи всем командирам своих и приданных частей. Главный удар решил наносить правым флангом совместно с 333-й дивизией. 610-й и 592-й полки наступали на фронте в полтора километра, а 619-й на фронте до двух километров. Им во взаимодействии с танковой бригадой было приказано наступать на западную окраину Голой Долины, предварительно подавив огневые точки неприятеля.

Вся приданная артиллерия была распределена на группы поддержки полков, а поддерживающая — сведена в артгруппу дивизии.

Большую и кропотливую работу провели штаб дивизии и штаб командующего артиллерией по составлению боевого приказа и плановой таблицы огня. В них предусматривались действия войск по этапам: разрушение и подавление всех целей на переднем крае, а затем в глубине обороны, сопровождение атаки пехоты и танков двойным огневым валом на два километра в глубину занятой немцами территории.

Чтобы уточнить оборону врага, мы провели в ночь на 14 августа боевую разведку. Бой усиленной 2-й стрелковой роты 619-го полка наблюдали не только офицеры штаба дивизии, но и все командиры полков, батальонов.

Рота продвинулась к окопам врага на 200–300 метров, но была остановлена сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Солдаты были вынуждены окопаться на достигнутом рубеже, а потом отойти. В это время удалось засечь

много новых огневых точек. [82]

Утром 14 августа мы провели рекогносцировку, а затем поставили задачи командирам стрелковых полков и поддерживающих их артиллерийских частей. Артиллерия пристреляла цели.

Наступая на Голую Долину, дивизия впервые взаимодействовала с большим количеством танков. Поэтому я, сам танкист по образованию, позаботился о подготовке людей.

15 августа мы провели еще одну разведку боем, чтобы проверить, не отошел ли противник с передовых позиций. Немцы иногда прибегали к такой тактической уловке: переждав артналет на второй линии, они после переноса огня в глубь обороны снова появлялись на передовой и встречали атакующих сильным огнем. На моем НП разведку наблюдали командарм А. И. Данилов и командир 66-го стрелкового корпуса Д. А. Куприянов. После короткого артиллерийского и минометного налета 2-й батальон 619-го полка в 10 часов дружно пошел в атаку, но, продвинувшись на 150–200 метров, был остановлен ураганным огнем пулеметов, минометов, артиллерии и дальше продвинуться не смог. С наступлением темноты батальон отошел на исходные позиции. Разведка боем показала, что враг имеет хорошо организованную систему огня, быстро маневрирует им и не собирается отходить...

Нам было ясно: наступление будет нелегким. Каждый метр обороны противника придется брать с боем, придется вгрызаться в его боевые порядки...

Нашему наступлению придавалось большое значение, ведь после Голой Долины предстояло уничтожить немецкую группировку в Барвенково и Славянске. А потому я не удивился, когда вечером того же дня на ВПУ вызвали всех командиров дивизий первого эшелона. Маршал Советского Союза А. М. Василевский вместе с командармом А. И. Даниловым заслушали наши доклады о готовности к наступлению и потребовали быстрых и решительных действий.

— Дивизии в полной мере обеспечены артиллерией и танками, — говорил маршал. — Наступление должно быть успешным...

Тут же мы прочитали только что отпечатанные экземпляры газеты «В бой за Родину». В передовой статье говорилось: «...Впереди родная Украина. Вас ждут миллионы советских граждан, изнывающих под фашистским ярмом. [83]

Смелее же в бой, за освобождение, за честь и независимость нашей Родины, за счастье советского народа».

Этот призыв газеты был как бы завершающим аккордом огромной политической работы, которую проводили перед

наступлением все командиры и политработники.

Впервые после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» командиры подразделений дивизии выступали в боевой обстановке как единоначальники, в равной степени ответственные за боевую и политическую работу.

Мы сделали все, чтобы довести боевую задачу до каждого бойца. Воины с энтузиазмом воспринимали предстоящее наступление. В коротких выступлениях и беседах они клялись бить врага беспощадно, не жалея самой жизни...

К рассвету 16 августа полки перегруппировались и заняли исходные позиции для атаки. А ровно в девять земля содрогнулась от мощной канонады. За нашими боевыми порядками к небу взвились и тут же угасли яркие сполохи. Все заволокло дымом и пылью... В ту же минуту над позициями врага взметнулись черные султаны разрывов. Воздух стал густым и жарким...

Так начался тяжелый и кровопролитный бой у села Голая Долина, продолжавшийся для нашей дивизии целых 15 суток.

После мощной артподготовки, длившейся около часа, началась танковая атака. Под защитой стальных машин поднялась пехота.

...В боевых порядках 592-го полка шли в атаку пулеметчики отец и сын Висковские.

Не зря говорят в народе, что существует все-таки солдатское счастье. Не раз участвовали оба в боях, но до сих пор пули щадили их, не задевали осколки.

В этой атаке одна из фашистских мин угодила прямо под ноги отцу, он замертво рухнул на землю. А сын, находившийся в нескольких шагах, остался невредим.

— Батя! — закричал он. — Что же ты, батя!..

Сдернув пилотку, Виктор опустился на колени, припал лицом к отцовской груди. А потом резко поднялся, сорвал с плеча автомат, бросился вперед...

Виктор первым ворвался в траншею врага и уничтожил несколько гитлеровцев... [84]

Говорят, есть солдатское счастье. Счастье это трудное и горькое, не каждому оно выпадает. Но тот, кто выдюжит, выстоит, кого минует смерть или рана, тот воюет за двоих, за троих.

Виктор Висковский стал наводчиком пулемета и сполна отомстил за отца: десятки оккупантов навечно остались лежать в украинской земле...

В атаке на Голую Долину была прорвана первая линия

немецких укреплений. Под прикрытием танков продолжала развивать наступление нехота.

Активно поддерживал товарищей огнем пулеметчик Гинтеев. Но по щитку пулемета неожиданно чиркнули осколки снаряда. Солдату оторвало обе ноги.

Превозмогая страшную боль, Гинтеев достал из кармана гимнастерки сложенную вчетверо фронтовую газету, написал на ней своей кровью: «Отомстите за меня» — и, собрав последние силы, снова открыл огонь по врагу...

Танки и пехота миновали вторую линию вражеских укреплений. Но плотный огонь из уцелевшего дзота заставил залечь нашу стрелковую роту. Тогда ее комсорг Парфентьев подполз к самой амбразуре и точно метнул гранаты. Бойцы тут же ворвались в дзот, уничтожили засевших там фашистов и обеспечили продвижение роты.

...У третьей линии укреплений получилась заминка: наши танки прорвались через траншеи, но не подавили всех огневых точек. Стремясь скорее выполнить задачу, они набрали ход и пошли в село Голая Долина. А пехота, встреченная на этом рубеже сильным огнем, залегла. В результате получился разрыв между пехотой и танками, был потерян темп наступления.

Чтобы поднять бойцов в атаку, мне пришлось вернуть из села танки и дать огневой налет по третьей траншее противника. После этого наши снова устремились вперед, продвинулись на полтора километра и заняли северную окраину села...

Гитлеровцы пробовали кое-где контратаковать. В медсанбат с тяжелой контузией был отправлен командир 610-го полка майор Л. К. Лысенко. Его место занял достойный преемник майор Леонтий Дорофеевич Гайдамака.

...За день упорных боев дивизия заняла Голую Долину и закрепилась на юго-восточной окраине.

На следующий день после мощного артиллерийского налета полки возобновили атаки и продвинулись еще на [85] полтора километра. Теперь уже мы действовали без танков: командование перебросило их на другие направления.

Чтобы сдержать натиск наших частей, гитлеровцы вызвали авиацию.

Во второй половине дня 17 августа над полем боя волна за волной стали проходить немецкие самолеты. Летая группами по 15–30 машин, гитлеровцы методично бомбили и обстреливали боевые порядки дивизии. А к вечеру, подтянув из резерва батальон пехоты и танки 17-й танковой дивизии, фашисты предприняли несколько контратак. Мы же лишились и такой мощной поддержки, какой является артиллерия РВГК.

Командование придавало ее нам только в начале наступления...

На другой день противник ввел в бой на участке нашей дивизии некоторые части 387-й пехотной дивизии. Одновременно усилились налеты авиации.

100 бомбардировщиков с паучьей свастикой полчаса непрерывно утюжили передний край 610-го полка в стыке с 333-й стрелковой дивизией.

Со своего НП я видел, как кипела, бурлила земля в расположении полка майора Гайдамаки. Казалось, все там изорвано, все взлетело на воздух.

— Если кто уцелеет, будет чудо... — вздыхал начальник 1-го отделения Андрей Афанасьевич Цвелев.

Полчаса длился налет, и эти полчаса показались нам вечностью. Наконец наступила тишина, и тут же зазуммерил полевой телефон.

— Атакован врагом силою до батальона при поддержке танков, — спокойно доложил Гайдамака.

— Сможете обойтись своими силами? — взволнованно спросил я.

— Так точно, — раздалось в трубке.

— Каковы потери в результате налета авиации?

— Мы укрылись в отбитых у гитлеровцев окопах. Убито десять человек...

В тот день немцы еще трижды бросались в контратаки на 610-й полк. Но были отбиты и, преследуемые нашими солдатами, отошли на 500–700 метров. Продвинулись вперед и полки под командованием майоров П. Т. Лембы и М. П. Яремчука.

Изнурительным боям, казалось, не будет конца. Я уже писал, что приданные нам танки, артиллерия [86] РВГК и ракетные установки были перегруппированы на другие направления. Приказ же наступать остался в силе. Вот почему каждый вечер я обсуждал с заместителями, как действовать дальше нашим ослабленным частям.

Наступать было необходимо, чтобы все время держать противника в напряжении, не отдать ему инициативу. Это подчеркивал командарм, это отлично понимал каждый из нас.

В те дни я не раз вспоминал слова генерала Ватутина: «...не каждое наступление заканчивается успехом, но каждое связано с потерями». Отвоевывая у фашистов каждый метр родной земли, нанося им ощутимый урон, дивизия тоже теряла бойцов и командиров и была вынуждена постепенно сводить полки в батальоны, роты во взводы...

— Как будем действовать завтра? — спросил я, оглядев собравшихся. Дни боев сказались на каждом: воспаленные глаза,

не то обветренные, не то посеревшие от усталости лица...

— Наступать на всем фронте у нас нечем... — поднялся первым начальник штаба подполковник Погодаев. — А потому предлагаю атаковать неприятеля только на участке 610-го полка, но обеспечить эту атаку всеми огневыми средствами дивизии.

— Правильно, — подтвердил командующий артиллерией подполковник Кузьмин. — На все соединение у нас не хватит боеприпасов.

Со своего места встал И. Ф. Беспалько.

— Немцы все время получают подкрепления... Давайте прикинем худшее. У нас больше других пострадал 592-й полк... Если мы еще лишим его артиллерии, как он сможет отразить атаку? А вдруг именно туда ударят фашисты? Нет, товарищи, этого делать нельзя... Григорий Филиппович, — посмотрел Беспалько на Кузьмина, — придумайте что-нибудь. Людей без артиллерии оставить невозможно...

— А наступать надо, — сказал полковник Ситников. — Пойдет ли противник в атаку, это еще неизвестно... Ударит ли по 592-му, опять же проблематично...

Кузьмин надолго задумался: так бывало всегда, когда множество вариантов теснилось в его голове, а он, бракуя один за другим, искал и находил наиболее удачное, [87] наиболее правильное решение. Григорий Филиппович подошел к карте, что-то прикинул и твердо произнес:

— Не будем снимать артиллерию. Нет. Оставим на месте... Смотрите на карту: участок наступления 610-го полка находится вот здесь. А сюда нам хватит траектории стрелять с прежних позиций... Значит, противотанковые орудия и артиллерию оставим на старых рубежах!

Так в совместном поиске родилось решение наступать на участке только одного полка, поддерживая его огнем всей артиллерии.

Сразу были утверждены и пункт атаки, и ее время, и средства, которые будут поддерживать атакующих... Мой заместитель полковник Ф. Д. Ситников тут же выехал в 610-й полк к Леонтию Тимофеевичу Гайдамаке. А наутро артподготовка возвестила, что дивизия атакует, идет в наступление, дерется за каждый метр родной земли...

С 26 августа по приказу командарма мы перешли к обороне и закрепились на занятых рубежах, но каждую ночь уходили в поиск разведчики, активно действовали наши снайперы.

Снайперское движение зародилось в дивизии еще в период обороны на Дону. Лучшие стрелки успешно охотились за врагом, наносили ему ощутимый урон. Но планомерной работы по

воспитанию мастеров меткого огня не велось.

После приказа Военного совета 63-й армии от 23 октября 1942 года положение резко изменилось. Работой со снайперами стали заниматься командиры частей и их штабы.

Лучшим снайпером дивизии заслуженно считался старший сержант 610-го полка Сергей Орлов. К началу боев у села Голая Долина он уже успел уничтожить не один десяток вражеских солдат и офицеров. Орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» украшали грудь воина. Приказом командования ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Орлов не только был блестящим мастером своего дела, но и подготовил немало отличных снайперов.

И вдруг неприятная весть — Орлов тяжело ранен. Шальная пуля настигла его у деревни Голая Долина.

Перед эвакуацией в тыл Сергей Орлов сказал своим товарищам — ученикам: [88]

— Главное — выдержки, ребята. — Терпеливое выслеживание врага, спокойное прицеливание и быстрый, уверенный выстрел, запомните это...

Оказавшись в далеком тыловом госпитале, наш прославленный снайпер писал в дивизию, не терял связи со своими учениками, и те не подвели учителя. Снайпер Иван Меркулов, например, за четыре дня уничтожил у деревни Голая Долина 19 гитлеровцев. А вскоре стал Героем Советского Союза...

Прошло немало времени. Мы воевали уже под Николаевом, когда в часть неожиданно приехал... Сергей Тихонович Орлов! Списанный подчистую из армии, он, едва залечив раны, взял солдатскую котомку — и к нам...

Первым делом Орлов нашел своего ученика Меркулова, поздравил его от всей души и... попросился на снайперскую «охоту».

В нарушение всех предписаний начпрод 592-го полка старший лейтенант И. И. Осадченко выдал Сергею Тихоновичу маскхалат, а Иван Меркулов, нарушив устав, временно передал Орлову свою снайперскую винтовку.

Двух гитлеровцев отправил в тот день к праотцам С. Т. Орлов...

С передовой его увел Игнатий Федорович Беспалько. Увел и не сказал мне ни слова. Об этом случае я узнал лишь после войны из газеты «Днепровская правда».

Не раз после лечения в госпитале возвращался в родную дивизию лучший истребитель танков сержант Степанов. В тот день, когда был ранен Орлов, сержант Степанов в третий раз, залечив раны, вернулся к нам. А я с удовольствием вручил ему

орден Отечественной войны II степени.

* * *

...31 августа части дивизии сдали свои участки обороны соседним подразделениям и были отведены на отдых и пополнение. Личный состав, получил наконец возможность привести себя в порядок, оглянуться на сделанное, подбить итоги, разобраться в ошибках, сделать выводы на будущее.

Все, что было положительного и отрицательного в боевых делах соединения, я подробно проанализировал на совещании командиров частей, начальников служб, отделений штаба и тыла дивизии. [89]

15 дней боев у деревни Голая Долина... 15 дней тяжелых схваток и атак. Продвижение было небольшим. Потери — значительными. Мы знали, что противник с трудом сдерживал наши атаки и нес большие потери. Знали, что немцы не могли снять с участка, где наступала дивизия, ни одного подразделения. Что они неоднократно вводили в бой все новые и новые резервы живой силы, танков, авиации. Одно это уже говорило само за себя...

Хочу рассказать о работе санитарной службы в период этих боев.

Командиром медсанбатальона являлся у нас капитан медицинской службы Федор Назарович Вишницкий. Всегда подтянутый, офицер был не только хорошим врачом, но и обладал недюжинными организаторскими способностями, а потому успешно справлялся с порученным делом. Работа медицинской службы шла четко, без перебоев. И в боях под Голой Долиной медики показали себя с лучшей стороны.

Дивизионный передовой медпункт располагался тогда в двух-трех километрах от Северского Донца. Песчаный грунт и близость подпочвенных вод не позволяли вырыть глубокие щели для укрытий. А враг непрерывно бомбил и обстреливал расположение дивизии.

Раненых было так много, что медицинским работникам приходилось трудиться целыми сутками без перерыва. Даже ели они на ходу. Разрешение на отдых мог дать только командир батальона. Но просили об этом лишь те, кто уже не способен был держаться на ногах. Сутками не отходил от операционного стола старший хирург пятидесятилетний Александр Тимофеевич Тимофеев. Такая напряженная, изнурительная работа длилась целых две недели...

Самых теплых слов заслуживает командир госпитального взвода врач Варвара Григорьевна Марченко. Она не только лечила людей. Ее чуткое отношение и материнская забота вселяли в

раненых бодрость, оптимизм. Благодаря золотым рукам доктора Марченко выжили и стали боеспособными лейтенант Носов, солдаты Чернов, Сенченко и некоторые другие, имевшие по два-три ранения...

В период трудных боев в районе Голой Долины значительно обновился состав штаба дивизии. Без преувеличения могу сказать, что все офицеры были смелыми, грамотными, [90] энергичными людьми. Но никто из них не имел опыта штабной работы в бою.

Когда дивизия стояла в старобельском укрепленном районе, все они серьезно изучили функциональные обязанности, каждый приобрел какую-то практику в управлении войсками. Но то было в спокойной обстановке. А меня волновало, как сложится дело в бою.

Опасения оказались напрасными. Все наши штабисты показали себя с самой хорошей стороны. А новый начальник штаба Николай Васильевич Погодаев оперативно и точно давал задания и четко контролировал работу всех отделений штаба и служб дивизии.

Действиями полков я тоже был вполне удовлетворен. Но в первую очередь хочется выделить майора Леонтия Дорофеевича Гайдамаку, командира 610-го полка. Этот офицер обладал всеми данными, необходимыми командиру его ранга, отличался незаурядной личной храбростью. Гайдамака всегда находился в том батальоне, который отражал контратаку или действовал на наиболее опасном направлении.

За мужество в боях у деревни Голая Долина майор Гайдамака был награжден орденом Красного Знамени...

В результате кровопролитных боев на главном направлении 12-й армии и Юго-Западного фронта в целом наша дивизия, наступавшая в тяжелых условиях, получила огромный боевой опыт. Она вошла в число лучших соединений своей армии.

* * *

Недолгим был наш отдых...

Совершив небольшой переход, части дивизии к утру 7 сентября заняли исходное положение для наступления на село Краснополье Первое.

Перед фронтом дивизии оборонялся 156-й мотополк 16-й моторизованной дивизии гитлеровцев. У противника были отрыты окопы полного профиля, колючая проволока опутывала деревья, на дорогах и просеках виднелись завалы.

Наши неоднократные атаки не дали в тот день результатов. Враг начал отходить только в ночь на 8 сентября. Преследование велось в юго-западном направлении. Успех развивался так

быстро, что я приказал перестроиться из боевых цепей в батальонные походные колонны... [91]

К вечеру немцы собрали силы, чтобы контратакой задержать наше продвижение. Но их попытка не увенчалась успехом.

10 сентября противник оказал сильное сопротивление нашим частям на рубеже Богодарово, Надеждовка, Пятиречка. Чтобы сбить его с этого рубежа, были развернуты три стрелковые дивизии — наша, 79-я и 333-я. Жаркий бой продолжался более десяти часов. В результате 79-я стрелковая дивизия заняла Богодарово, 203-я — Надеждовку и 333-я — Пятиречку.

Мы не давали гитлеровцам развернуться и закрепиться на промежуточном рубеже, действовали, так сказать, на упреждение, то есть с ходу занимали более выгодные позиции и продолжали наступать. В результате в течение пяти дней немцы не могли остановить нашего продвижения. И только 15 сентября им удалось ненадолго закрепиться на рубеже село Коростовка, высоты севернее и южнее его.

В развернувшихся затем боях невдалеке от села Уплатное погиб командир роты 592-го полка старший лейтенант Василий Алексеевич Шумовский. Вся дивизия знала этого веселого, отважного и храброго офицера. Местные жители, пришедшие проводить Шумовского в последний путь, тут же на траурном митинге постановили — просить присвоить имя Шумовского колхозу села Уплатное.

А наступление продолжалось. В бинокли был уже виден Павлоград. Еще в зимних боях, в феврале 1943 года, этот город был отбит у противника. Но затем обстановка сложилась так, что нашим войскам пришлось оставить его.

На этот раз немцев удалось выбить довольно быстро. Мне эти дни запомнились в связи с одним необычным случаем. А произошло вот что.

Совершая очередной маневр на подступах к городу, наш 592-й полк вышел к глубокой балке, и тут солдаты, всякое повидавшие на войне, остановились как вкопанные. Из балки навстречу им вышло более тридцати маленьких, закутанных в рваное тряпье детишек. С ними находилась женщина.

— Наконец-то, родные! — с плачем бросилась она навстречу бойцам. [92]

Оказалось, она целый месяц прятала здесь детишек, обреченных фашистами на уничтожение.

Видевший эту сцену помощник начальника штаба полка старший лейтенант В. Б. Шефталович с волнением рассказал мне, как солдаты извлекали из вещмешков все свои припасы и раздавали их малышам.

Короткой была эта остановка, бойцы торопились в бой. Дрались они в тот день с особым воодушевлением. Сбивая вражеские заслоны, опрокидывая части прикрытия, они упорно преследовали гитлеровцев. Чтобы дать передышку бойцам, полки поочередно сменяли друг друга в первых линиях.

Отступавшие гитлеровцы пытались задержаться у Павлограда на реках Самара и Волчья. Но мы не дали им такой возможности. 244-я стрелковая дивизия, взаимодействуя с танками, стремилась охватить их с юга. Наша 203-я наступала с востока, а с севера немцев обходила 6-я армия. Поэтому закрепиться у города врагу не удалось, несмотря даже на массированные удары авиации.

Откатываясь к Днепру, фашистские войска разрушали и сжигали все на своем пути. Это заставляло усилить темпы преследования.

С 8 по 24 сентября дивизия освободила десятки крупных населенных пунктов Харьковской и Днепропетровской областей. И повсюду мы оказывались свидетелями великого людского горя, видели страшные следы хозяйничанья гитлеровцев на временно оккупированной территории.

...25 сентября дивизия вышла на левый берег Днепра, в 20–25 километрах севернее Запорожья.

Открывалась новая страница ее истории, новая героическая страница Великой Отечественной войны. [93]

В битве за Днепр

Грандиозная битва за Днепр началась в конце августа 1943 года и продолжалась до нового, 1944 года. В ней принимали участие войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов {6}. Происходила она на фронте до тысячи километров. Особенно тяжелые бой развернулись за столицу Украины — Киев и за Днепровско-Криворожский рудный бассейн.

Еще задолго до подхода советских войск к Днепру Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от военных советов фронтов и армий готовиться к форсированию реки с ходу и быстрому захвату плацдармов на правом берегу. Наиболее отличившихся при форсировании Днепра было рекомендовано представлять к званию Героя Советского Союза...

В ночь на 26 сентября на нашем участке в 40–45 километрах севернее Запорожья Днепр уже был форсирован воинами 333-й стрелковой дивизии. И командарм генерал-майор Данилов приказал нам помочь 333-й расширить плацдарм.

* * *

333-я дивизия форсировала Днепр в излучине, где река словно сама спешила навстречу советским солдатам. 203-я

подходила к Днепру слева от 333-й, а затем вместе с ней вышла к реке в неудобном для форсирования месте. Поэтому командарм приказал нашему соединению осуществить форсирование у залива восточнее хутора Петро-Свистуново на двух мотопаромах и лодках. [94]

В тот же день я предупредил командиров частей и их заместителей по политчасти, что задача, поставленная перед нами, очень сложна, времени на ее подготовку мало, и следовательно, всю предварительную работу надо провести в подразделениях как можно быстрее.

...Стояла та осенняя пора, когда дожди словно промыли небо и землю и солнечные лучи щедро золотили ее до самого горизонта. Перед нами, похожий на море, лежал Днепр. Как зачарованные смотрели мы на его темно-синие воды.

Игнатий Федорович Беспалько снял фуражку.

— Вот он, красавец, — сказал подполковник, кивком указывая на реку. — Смотрите, любуйтесь...

В бинокль я видел водную преграду шириной около трех километров. У хутора Петро-Свистуново Днепр поворачивал на запад. У села Вовниги, километрах в семи-восьми слева от нас, река резко сужалась, сворачивая затем на юго-запад, к Запорожью.

По обоим невысоким берегам кое-где еще зеленела листва деревьев. У села Алексеевка к самой воде сбегали вишневые сады.

Отлогий изгиб правого берега, поросший кустами вербы, постепенно повышался к северо-западу. Из хутора Петро-Свистуиово был хорошо виден захваченный 333-й стрелковой дивизией плацдарм. Он имел ширину до 1000 и глубину до 600 метров. Там было тихо. Только за плацдармом изредка появлялись разрывы снарядов и мин.

Место для форсирования Днепра нашей дивизией было выбрано удачно. Сады, дома и хозяйственные постройки Петро-Свистуново хорошо маскировали расположение дивизии не только в самом хуторе, но и в лощине, южнее его, где можно было сосредоточить полки.

По моему решению форсирование должен был начать 592-й полк с двумя батареями 419-го отдельного противотанкового дивизиона. За ним — 610-й полк с 3-й батареей того же дивизиона, а следом за ними — 619-й полк с батареей артполка. Поддерживать переправу было приказано 1037-му артполку с огневых позиций западнее Петро-Свистуново...

Штаб дивизии занялся расчетами погрузки по рейсам людей с оружием, лошадей с повозками и орудиями, была организована служба регулировки. Удалось также провести практические

занятия. На них отрабатывались [95] посадка на паромы и выгрузка с них, а также действия по отражению атаки самолетов. Инструкторы обучали людей плаванию, давали советы, как дольше продержаться на воде. Политработники разъясняли бойцам важность задачи, которую предстояло выполнить дивизии уже на правом берегу.

И на все это были отведены только сутки: командарм установил сжатый срок форсирования.

...27 сентября в 7 часов утра первым двинулся на переправу, как и было намечено, 592-й полк с двумя батареями отдельного противотанкового дивизиона. Ему удалось скрытно подойти к месту посадки на паромы и к месту высадки. Поэтому к полудню полк успешно, без потерь форсировал Днепр и развернул боевые порядки на плацдарме левее частей 333-й стрелковой дивизии...

Но противник, видимо, заметил что-то неладное. По берегу реки был произведен артиллерийский налет, в результате которого получили повреждения паромы. Поэтому 610-й полк начал форсирование только в 20 часов, когда наступила темнота. А к утру 29 сентября переправился и 619-й полк, с первым рейсом которого на плацдарм перебрался и я с опергруппой.

Наши потери при форсировании, к счастью, оказались незначительными. Этому способствовали и скрытный подход дивизии к реке, и удачный выбор места форсирования, и то, что действия гитлеровцев крепко связывала переправившаяся ранее 333-я стрелковая дивизия.

Так как на плацдарме не было командира 333-й полковника Анисима Михайловича Голоско, командарм приказал мне, старшему по должности, принять общее командование. От заместителя командира 333-й стрелковой дивизии и командиров наших полков П. Т. Лембы и Л. Д. Гайдамаки, вызванных на мой НП, я узнал, что против нас обороняется до двух батальонов пехоты охранных войск гитлеровцев. В песчаном грунте они успели отрыть и оплести хворостом сплошные окопы неполного профиля, а также создали сильную зону пулеметного огня: ручные и станковые пулеметы стояли у немцев через каждые 15–20 метров.

Наша пехота находилась в 150–200 метрах от окопов противника.

Сориентировавшись на местности, я сразу отдал приказ на наступление. Приходилось торопиться: из-за большой [96] скученности людей мы могли понести тяжелые потери в случае массированного удара авиации.

Ближайшая задача полкам: овладеть балкой Скубова и в дальнейшем выйти на восточный берег балки Легкая. С этой

целью справа наступала 333-я дивизия, левее — 610-й полк, в центре — 592-й, а слева, вдоль берега, — 619-й.

В 14 часов после тридцатиминутного артобстрела наша пехота так быстро ворвалась во вражеские окопы, что гитлеровцы не успели открыть огонь из многих пулеметов.

Командир 1-го батальона 592-го полка майор З. А. Алиев, разгоряченный боем, увлекая за собой бойцов, ворвался в штабную землянку немецкого батальона.

Каково же было удивление Алиева, когда он увидел спокойно склонившегося над картой немецкого офицера.

— Встать! — скомандовал Алиев.

Фашист побледнел, выпрямился, стал судорожно застегивать форму.

Алиев видел, как подергивается в нервном тике его лицо, как пальцы лихорадочно перебирают металлические пуговицы мундира, на лацкане которого сиял круглый значок со свастикой — значок члена национал-социалистской партии.

— Позвольте сдать оружие? — спросил по-русски гитлеровец.

— Давайте, — протянул руку Алиев.

Фашист открыл кобуру, вытащил пистолет, и тут же прогремел выстрел. Так закончилась жизнь и карьера майора Курцеля...

Атака двух дивизий сразу перешла в преследование, но быстрому продвижению мешали глубокие и болотистые балки — Скубова и Безымянная. Они тянулись параллельно нашему фронту наступления. Через балки приходилось перетаскивать орудия и повозки, подключая к этому делу пехотинцев. Несмотря на вынужденные задержки, наши передовые подразделения к 17 часам уже продвинулись на шесть-семь километров.

При подходе к балке Легкая я с согласия командарма отдал приказ преследовать врага дальше. После захвата рубежа от хутора Гроза до села Вовниги войскам предстояло закрепиться на высотах 142,9 и 122,0 (оттуда открывался хороший обзор на запад). [97]

Кажется, все шло хорошо, наступление развивалось успешно. Я с оперативной группой перебазировался вслед за частями на новый наблюдательный пункт и потому не мог еще видеть поле боя. А в это самое время командир 5-го штурмового батальона — не буду называть его фамилию — допустил тактическую ошибку: чтобы поставить новую боевую задачу, он остановил своих бойцов и вызвал к себе на НП командиров рот...

Глядя на 5-й штурмовой батальон, который наступал в центре, остановилась цепь соседних полков дивизии. Наступательный порыв бойцов сразу сник... И этим, конечно, воспользовался противник — он закрепился на промежуточном рубеже.

Только утром мне удалось организовать и возобновить наступление с восточного ската балки Легкая. К полудню мы заняли село Вовниги, растянув фронт дивизии на девять километров. Однако не успели оседлать господствующие высоты 142,9 и 122,0, откуда открывалось хорошее наблюдение за противником. Поэтому и не заметили готовящуюся крупную контратаку врага. Сюда были срочно переброшены подразделения 257-й и 387-й немецких пехотных дивизий с большим

количеством танков.

В 14 часов при поддержке авиации и 40 танков противник атаковал центр дивизии. И сразу создалось угрожающее положение: дрогнули и стали отходить цепи 592-го полка и 5-го штурмового батальона; часть вражеских танков с автоматчиками ворвалась на восточную окраину села Вовниги и отрезала там 619-й полк; справа, на участке 610-го полка, шел сильный огневой бой...

— Связь прервана, — доложил мне дежурный телефонист.

— С кем?

— С полками и тылом... — тихо добавил он.

— Где артиллерия?! — возмущенно спросил я, видя, что по танкам не бьют наши пушки. И тут же получил ответ от ворвавшегося на мой НП связного.

— Новые 57-миллиметровые пушки противотанкового дивизиона и 45-миллиметровые орудия 592-го и 619-го полков застряли в болотистой балке Легкая...

В стереотрубу я видел, что немецкие автоматчики метров на 500 подошли к НП дивизии. И вдруг — залегли. Сильный огонь из пулеметов и винтовок прижал их к земле... [98]

Через минуту на НП явился командир 5-го штурмового батальона, приданного дивизии.

— Я задержал часть пехоты, она отбивает контратаку прямо у НП, — быстро сказал он. Глаза комбата остановились на стереотрубе, которая стояла рядом. — Разрешите взглянуть на поле боя, — попросил он.

Я отошел от стереотрубы, а комбат встал на мое место... и тут же сник, начал опускаться на колени: вражеская пуля навылет пробила ему грудь...

— Примите все меры, чтобы быстро подтянуть артиллерию, — приказал я командующему артиллерией дивизии подполковнику Кузьмину. — Дело решают минуты...

С наступлением темноты немцы вновь пошли в контратаку. И снова дивизия достойно встретила неприятеля. Настоящую солдатскую храбрость, смекалку проявили многие рядовые воины.

Вот только один случай.

Когда фашисты стали приближаться к боевым порядкам 592-го полка, рядовой 2-й роты Василий Авраменко предложил:

— Пошли им навстречу, ребята.

Храбрость Авраменко была известна солдатам. Два дня назад он незаметно подобрался к пулеметной точке врага, забросал ее гранатами, уничтожил десять гитлеровцев, а трех взял в плен.

— Они, конечно, думают, что наши окопы далеконько. А мы их встретим раньше, — пояснил солдат.

Группа бойцов двинулась за Авраменко.

Как только танки приблизились к смельчакам, те забросали их бутылками с горючей смесью. Две машины сразу охватило пламя. Это воодушевило бойцов. С криком «ура!» они бросились на растерявшихся вражеских солдат. Многих уничтожили в рукопашной, остальные отошли.

* * *

В ту ночь немцы несли большие потери и все же продолжали теснить наши части. Они подошли буквально вплотную. На НП дивизии, как только умолкла стрельба, стала слышна немецкая речь: враг был рядом.

— Майор Цвелев, — приказал я начальнику 1-го отделения штаба дивизии, — срочно возьмите опергруппу. [99]

Немедленно займите позицию, чтобы отразить атаку врага!

— Разрешите с тремя-четырьмя офицерами задержать отходящих слева стрелков и занять оборону? — обратился ко мне молчавший до того Беспалько.

— Действуй, Игнатий Федорович, — согласился я, а про себя подумал: «Он выполнит приказ».

— Товарищ полковник, к телефону! — крикнул молодой связист.

— Что у вас происходит? — спросил командарм генерал-майор Данилов.

— Отражаем контратаку. Все офицеры опергруппы в цепи. На НП только я с телефонистом...

— Держитесь! — приказал командарм. — Я помогу огнем, помогу наладить связь, подтянуть артиллерию. А пока держитесь.

Обстановка сложилась тяжелая. Надо было задержать отходящих стрелков, закрыть образовавшийся двухкилометровый разрыв между моим НП и Днепром, выручить 619-й полк, попавший в окружение. Как это сделать? Чем?

Кто-то предложил передвинуть НП назад.

— Нет! Надо быть там, где наиболее опасно, — возразил я. — Пусть бойцы видят, что старшие командиры вместе с ними. Это, если хотите, тоже наш резерв, только психологический...

Другого резерва у меня в ту минуту не было...

Но бойцы дрались с непревзойденным упорством!

В 3-й роте того же 592-го полка отличился комсомолец рядовой Дмитрий Белокопытов. Пропустив танки через свой окоп, он забросал их противотанковыми гранатами. Два «тигра» будто замерли у окопа стрелка. А тот. воспользовавшись замешательством врага, во главе отделения атаковал шедших за танками автоматчиков, убил офицера и восемь солдат взял в плен...

Две медали «За отвагу» было на груди комсомольца Евгения Дудыкина до боев на Днепре. В дивизию он попал после того, как она освободила его село. И стал воевать сапером.

Во время атак неприятеля Дудыкин под сильным огнем поставил несколько минных заграждений, на которых подорвались два немецких танка и более двадцати солдат... А на рассвете 2 октября отважный сапер с несколькими [100] бойцами пробился в тыл врага. С большими трудностями наши солдаты протащили против течения баржу с боеприпасами...

За время боев на плацдарме не менее сорока фашистов уничтожил паренек с Донбасса Михаил Замула, командир отделения пулеметной роты 592-го полка. При отражении контратаки он с помощью противотанковых гранат повредил гусеницы двух танков...

Примерно через час пальба утихла. Немцы прекратили атаку: очень велики были у них потери. На НП вернулся Беспалько. Он доложил, что стрелки 592-го полка и 5-го штурмового батальона залегли примерно в 100–150 метрах от НП и влево от него почти до Днепра. Сообщил, что многие командиры убиты или выбыли из строя по ранению.

— Ну а каково настроение бойцов?

Беспалько улыбнулся:

— Полны решимости драться...

Затем явился начальник связи и доложил, что тяжело ранен майор Цвелев...

В большом напряжении проходила та ночь.

Незадолго до рассвета удалось установить связь с окруженным 619-м полком. Пробравшийся из села Вовниги связной доложил, что, хотя потери в полку большие, боеспособность его не утрачена.

Я приказал командиру полка ударом на восток немедленно прорвать вражеское кольцо.

Это и было сделано. Фашисты не ждали атаки, и полк без особого труда соединился с другими частями дивизии...

К утру была подтянута артиллерия. Полки и 5-й штурмовой батальон заняли удобные позиции для обороны и окопались. Только после этого я приказал перенести НП примерно на полтора километра в тыл: оттуда открывался хороший обзор. Все последующие контратаки фашистов были легко отбиты. Противник потерял свыше двух батальонов пехоты, было взято в плен более 60 солдат и офицеров. На поле боя остались подбитыми и сожженными 13 танков, 10 автомашин, было уничтожено 45 пулеметов, 3 орудия.

В ночь на 4 октября по приказу командарма дивизия сдала

свой участок обороны 25-й гвардейской стрелковой [101] дивизии 6-й армии и в ночь на 5 октября возвратилась на левый берег Днепра.

За беспримерное мужество и героизм, проявленные в боях на плацдарме, красноармейцам Василию Михайловичу Авраменко, Дмитрию Ивановичу Белокопытову, Евгению Петровичу Дудыкину, сержанту Михаилу Гавриловичу Замуле и старшему сержанту Николаю Лаврентьевичу Платонову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза...

Посмертно были награждены начальник 1-го отделения штаба дивизии майор Андрей Афанасьевич Цвелев, командир батальона 610-го полка майор Дадико Сандрович Кантария и многие другие бойцы и командиры. Позже мы с воинскими почестями перезахоронили их невдалеке от села Калиновка Солонянского района, что на Днепропетровщине...

За мужество и отвагу ордена Красного Знамени был удостоен подполковник Беспалько, ордена Суворова — полковник Ситников, в то время замещавший начальника штаба, и автор этих строк...

За время первого форсирования Днепра наша и 333-я стрелковые дивизии завоевали, расширили и удержали плацдарм размером до 30 квадратных километров. В дальнейшем он послужил исходным районом для большого наступления.

В боях на плацдарме 203-я дивизия выполнила важную роль — она наступала на главном направлении, отбила наиболее ожесточенные контратаки врага и закрепила освобожденный плацдарм.

Гораздо позднее я узнал, что за село Войсковое с 26 сентября вели бои четыре гвардейские дивизии. Но только после расширения плацдарма, когда враг бросил свои подкрепления против нас, гвардейцам удалось занять село и продвинуться вперед.

Кратковременные, но тяжелые бои на плацдарме закалили воинов дивизии для новых походов. А они были не за горами...

* * *

Отойдя в тыл, мы подсчитали потери. В дивизии осталось меньше половины штатного состава. Многие роты в 619-м полку насчитывали по 12–15 стрелков и автоматчиков. [102]

Нам требовалось не менее тысячи бойцов для пополнения и хотя бы какое-то время на сколачивание подразделений. Но уже на другой день после перехода на левый берег Днепра командующий 12-й армией генерал Данилов приказал: одним полком оборонять левый берег Днепра от села Варваровка до

фронта наступления, а остальными частями дивизии наступать на Запорожье, прикрывая правый фланг армии от возможного удара с правого берега.

— Успешное выполнение поставленной задачи, — подчеркнул он, — принесет дивизии почетное наименование Запорожской...

Мы с Беспалько постарались, чтобы слова генерала стали известны всем. С каким ликованием восприняли воины это известие!

...Запорожский плацдарм противника занимал 40 километров по фронту и 20 километров в глубину. Он прикрывал подступы к важным экономическим районам — Никополю и Криворожью с их марганцевыми и железными рудами. Большое значение имел и Запорожский железнодорожный узел, обеспечивавший снабжение немецких войск, оборонявшихся на реке Молочная.

Запорожский плацдарм был сильно укреплен. Он имел два оборонительных обвода — внешний и внутренний. Каждый из них состоял из двух-трех линий сплошных траншей с крепкими блиндажами и трех-четырех рядов проволочных и минных заграждений. Глубокие противотанковые рвы преграждали наиболее танкоопасные участки. Плацдарм защищали пять пехотных и одна танковая дивизии группы войск «Юг».

По решению командующего Юго-Западным фронтом генерала армии Р. Я. Малиновского главный удар с востока наносила 8-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. С юго-востока наступала 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко. Наша 12-я армия в составе четырех стрелковых дивизий и танковой бригады наступала с севера. Главный удар наносили 333, 244 и 60-я гвардейская стрелковые дивизии. А перед нами командарм поставил две задачи: прикрывать фланг армии и наступать на Запорожье.

Изучая карту, я с огорчением отметил, что рельеф местности, на которой предстояло действовать 203-й, был очень сложным. Под огнем врага дивизии надо было пройти [103] изрезанный балками, оврагами и заливами берег Днепра.

Для выполнения боевой задачи я приказал 592-му полку с одним артдивизионом к 20 часам 6 октября занять оборону по левому берегу Днепра на участке Варваровка, Круглик (шириною до 15 километров), а 610-му полку с двумя артдивизионами и спецчастями дивизии развернуться по северному берегу балки Лишняя, восточнее хутора Круглик, — для наступления на Запорожье (619-й полк был взят в резерв командарма и приводил себя в порядок).

Бой за Запорожье начался для дивизии 9 октября разведкой

боем, которую провела усиленная стрелковая рота 610-го полка.

Во время этой разведки сержант Борис Малухо с группой разведчиков проник в село Андреевка и совершил дерзкий налет на штаб немецкого батальона. Применив гранаты, разведчики уничтожили несколько фашистов, в том числе офицера, обнаружили у него карту с важными данными об обороне противника. Эту карту незамедлительно доставили командующему фронтом, и он сразу наградил всех участников поиска орденами и медалями. Сержанту Б. Ф. Малухо был вручен второй орден Красного Знамени.

Утром 10 октября после сорокаминутной артиллерийской подготовки 610-й полк с двумя батареями 419-го отдельного противотанкового дивизиона и саперной ротой при поддержке двух дивизионов артполка одновременно с ударной группой армии атаковал врага, овладел высотой 107,2, но тут же был контратакован пехотой с танками. Отбив атаку гитлеровцев, полк снова двинулся вперед, к 17 часам подошел к другой господствующей высоте и закрепился на ней.

В ночь на 12 октября ударная группа 12-й армии форсировала неширокую реку Вильная и заняла несколько хуторов. Таким образом, была прорвана главная линия обороны немцев на запорожском плацдарме. Почувствовав здесь наибольшую угрозу, противник принял все меры, чтобы задержать наступление 12-й армии.

В течение дня вражеская авиация пять раз бомбила и обстреливала боевые порядки и тылы армии. Одновременно немцы весь день контратаковали наши дивизии большими силами пехоты с танками и тяжелыми самоходными [104] орудиями «фердинанд». Однако все атаки были отражены.

Утром 12 октября 610-й полк занял село Андреевка, а позднее хутор Вильно-Андреевский и также подошел к реке Вильная, которую левее уже форсировала ударная группа армии.

Здесь река была шириной до ста метров и имела солидную глубину, так как плотина Днепрогэса резко подняла уровень воды. Крутые берега Вильной обрывались прямо к воде. Это являлось серьезным препятствием. Но полку помогли жители хутора Вильно-Андреевский. Они притащили спрятанные от гитлеровцев исправные лодки, и полк еще засветло начал переправу: немцы из-за крутизны ската не видели места переправы.

К полуночи уже весь полк находился на другом берегу Вильной и мог снова перейти в наступление.

К рассвету 13 октября пехота овладела несколькими курганами и попала под сильный огонь противника с высоты

117,5. Враг упорно оборонял эту высоту, так как с нее открывался обзор местности до самого Запорожья...

Накануне из резерва командарма возвратился 619-й полк. Я приказал ему переправиться через Вильную на участке 244-й стрелковой дивизии и к рассвету 13 октября развернуться между 610-м полком и 333-й стрелковой дивизией. По общему сигналу всем предстояло наступать на Запорожье.

В самом удобном для переправы месте, в районе хутора Вильно-Грушевский, река мелела и резко сужалась. Здесь-то 619-й полк и перешел Вильную вброд, а артиллерия и обозы направились к временному мосту. Но туда же устремились обозы и артиллерия еще трех дивизий, и, естественно, образовался затор. В результате из-за нерасторопности коменданта переправы не вся артиллерия смогла переправиться и развернуться к намеченному для наступления сроку.

И все же в 11 часов 13 октября, не дождавшись артиллерии, стрелки и автоматчики 610-го и 619-го полков вместе с соседними дивизиями атаковали неприятеля. А вскоре пехота врага не выдержала и побежала.

Я хорошо видел происходящее и сразу передал командирам полков: «Враг отходит на высоту 117,5. Ускорьте преследование!» Но преследования не получилось... [105]

А произошло вот что: пытаясь задержать нашу атаку и остановить своих бегущих солдат, немцы бросили в контратаку из резерва до батальона пехоты с танками.

Стрелки 610-го полка услышали рев моторов. Самих танков они не видели, но знали об отсутствии противотанковых орудий, а потому начали быстро окапываться. Тем временем немецкая пехота приблизилась к нашей на 100–150 метров и была встречена дружным ружейно-пулеметным огнем. Фашисты вынуждены были залечь, а с десяток танков нерешительно продвинулись еще на 50–80 метров. Советские бойцы вовремя пустили в ход противотанковые гранаты, и танки отошли.

Пять раз предпринимали немцы танковые атаки. Бронированные машины подходили почти вплотную к нашим боевым порядкам, но бойцы 1-го батальона 610-го полка вновь встречали их гранатами, и танки опять уходили за выпуклость ската.

Как было обидно, что эту бронированную цель мы не могли поразить артиллерией и оказать помощь своей пехоте!

В первую очередь я винил себя, так как не до конца учел своеобразие местности и обстановки. Артиллерию следовало перебрасывать через реку не всю сразу, а по частям. Тогда оставшиеся на противоположном берегу орудия могли бы вести

прицельный огонь. А так вся наша артиллерия оказалась внизу, у реки, и не могла поразить неприятеля из-за близкого расстояния...

Высокая боеспособность наших бойцов была результатом большой работы, которую проводили в частях политработники. С вводом в бой 619-го полка там неотлучно находился подполковник Игнатий Федорович Беспалько. Увидев, что у переправы образовалась пробка, он как старший начальник помог командованию полка быстро переправить бойцов на противоположный берег. От политработника не ускользнуло и то, что явно замешкались орудия и повозки с боеприпасами. Здесь тоже его своевременное вмешательство помогло постепенно выправить положение...

С 610-м полком находился инструктор политотдела майор Тихон Николаевич Суворов.

— Фамилия у вас такая, товарищ майор, что, ясное дело, возьмем Запорожье, — шутили солдаты. [106]

— Город возьмем, — уверенно подтверждал Суворов. — Только вот сроки, ребята. Сроки!.. Видите, над Запорожьем стоит дым, слышите взрывы? Это фашисты делают свое черное дело, пытаются разрушить город, прежде чем навсегда уйдут из него. Пусть ярость поможет вам в бою. Пусть чувство священной мести врагам утроит ваши силы. Вперед, друзья!

Тихон Митрофанович Суворов погиб при штурме Запорожья. Но солдаты крепко запомнили наказ политработника.

...Только в темноте на исходе 13 октября 610-й и 619-й полки взяли в полуокружье высоту 117,5, а потом в штыковом бою овладели ею. К 23 часам пехота 610-го полка заняла хутор Подпорожний и подошла к многоводной и широкой балке Осокаревка. Враг открыл сильный пулеметно-автоматный огонь через балку с северной окраины пригородного поселка Павло-Кичкас и заставил залечь пехоту. Но вскоре бой затих.

— В чем дело? — запросил я Гайдамаку.

— Ищем лодки, готовимся переплыть заполненную водой балку Осокаревка, — ответил он.

Услышав это, я приказал командиру 619-го полка Андрею Максимовичу Гурскому обойти балку восточнее. Зная местность — он жил до войны в Запорожье, — майор Гурский ночью провел полк через широкую, но неглубокую балку Богатырева, затем через болотистую балку Средняя и на рассвете вывел его к поселку № 11 на окраине Запорожья. Но здесь часть была остановлена огнем неприятеля.

Подтянув всю артиллерию, мы обрушили на гитлеровцев сильный огонь. На какое-то время они притихли, и наши воины

пошли в наступление. После жаркого боя 619-й полк овладел этим поселком и стал наступать на поселок № 8.

610-й полк штурмовал Павло-Кичкас...

После мощного артиллерийско-минометного налета, произведенного во второй половине дня, полки завязали ожесточенный бой за каждый дом в Павло-Кичкасе и в поселке № 8. К вечеру эти поселки удалось очистить от неприятеля, оба полка вышли к Днепру левым флангом, примерно в километре севернее плотины Днепрогэса...

К этому времени 592-й полк, в задачу которого входило прикрывать армию с правого берега Днепра, расширил [107] свой участок и дотянулся до хутора Подпорожний. В помощь майору П. Т. Лембе я придал роту химзащиты и учебную роту дивизии...

Утром 14 октября к центру города прорвалась 59-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с танковым корпусом генерала Е. Г. Пушкина. К исходу дня усилиями 12, 8 и 3-й гвардейских армий противник был разбит. Над Запорожьем взвились красные флаги.

В тот же день в вечерней радиопередаче прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что войска Юго-Западного фронта 14 октября штурмом овладели крупным областным и промышленным центром Украины городом Запорожье.

Бойцы и командиры слушали передачу, боясь пропустить слово. В приказе перечислялись отличившиеся в боях дивизии, в том числе была названа и наша, 203-я. Всем им присваивалось почетное наименование Запорожских и объявлялась благодарность.

В тот же вечер Военный совет фронта прислал телеграмму:

«Полковнику Здановичу, подполковнику Беспалько.

Горячо поздравляем Вас и руководимые Вами войска с блестящей победой — взятием города Запорожье. Выражаем уверенность, что войска Вашего соединения готовы и дальше громить немецких оккупантов.

Вперед к победе! Смерть немецким оккупантам!

Малиновский, Желтов, Корженевич».

На другой день во всех частях были проведены торжественные митинги в связи с присвоением дивизии почетного наименования Запорожской.

Очень радовался командир 619-го полка майор Гурский. Он, уроженец Запорожской области, чувствовал себя прямо-таки именинником.

— Теперь мы запорожцы! — говорили бойцы. — А запорожцы всегда были добрыми вояками...

Торжества по поводу одержанной победы не заслонили повседневных дел. На совещании командиров частей, начальников служб и отделений штаба дивизии состоялся разбор проведенных боевых операций. Было отмечено, что в пятидневных боях дивизия уничтожила свыше 1000 солдат и офицеров врага, было разбито 6 пушек, 22 пулемета, подбито 10 танков, захвачено много трофеев. [108]

Хорошо действовал в бою командир 619-го полка майор А. М. Гурский. Его полк первым завязал бой за поселок № 11 и очистил его. Особо отличилась рота полка во главе с младшим лейтенантом И. Ф. Ефремовым. Утром 14 октября она незаметно подошла к переднему краю противника и после нашего артналета броском ворвалась в окопы, уничтожив около 50 гитлеровцев.

За отлично проведенные бои, за проявленные при этом мужество и героизм свыше двухсот офицеров, сержантов, солдат были награждены орденами и медалями, в том числе и командир 1-й роты 610-го полка И. Н. Подмазов. Его бойцы проявили особую смелость и решительность в бою за господствующую высоту 117,5. Без противотанковых орудий рота неоднократно отбивала атаки немецкой пехоты и танков, уничтожив при этом более сотни неприятельских солдат...

* * *

Отдых наш был недолог, едва привели в порядок соединение, как стали готовиться к вторичному форсированию Днепра.

16 октября командарм 12 генерал-майор Данилов поставил дивизии задачу захватить электростанцию и западный конец плотины Днепрогэса имени В. И. Ленина и удержать плацдарм, который обеспечивал бы их оборону.

Это была почетная и трудная задача.

Противник, к счастью, не успел уничтожить плотину и Днепровскую гидростанцию. Как донесла разведка, гитлеровцы взломали в трех местах мостовое покрытие и взорвали шлюз, примыкавший к нашему левому берегу. Требовалось срочно вырвать плотину из рук фашистов. Но мы ничего не знали об их обороне. Пленных не было. Аэрофотосъемка отсутствовала. Правда, нам было известно — гитлеровская пропаганда кричала об этом на весь мир, — что фашисты «заковали Днепр в железо и бетон и превратили его в неприступный Восточный вал». Гитлеровское командование рассчитывало на долгий срок задержать здесь наступление Красной Армии.

Нам помогли местные жители. Они рассказали, что фашисты начиная с весны усиленно укрепляли правый берег Днепра. А потом поступило донесение разведки: немцы построили вдоль берега сплошные траншеи в две-три линии с дзотами и

бронеколпаками для пулеметов... [109]

Мы были уверены, что укрепления врага у самой плотины еще сильнее, их защищали опытные полевые войска. А перед нами находилась еще и двухкилометровая водная преграда... По всему выходило, что Днепрогэс — это ключ к обороне немцев, что они будут драться за Днепрогэс до последнего солдата.

Несмотря на все это, для форсирования армия выделила дивизии только два парома из понтонов с катерами и четыре весельных парома. Плавсредств было явно недостаточно, и мы понимали, что форсировать реку у Днепрогэса будет значительно труднее, чем у поселка Войсковой, где враг не имел регулярных войск и сплошной обороны, и гораздо труднее и опаснее, чем даже у Киева, где Днепр был раза в четыре уже, чем здесь...

С волнением вышел я вместе с командирами частей на наблюдательный пункт западнее поселка № 8 для рекогносцировки. Слева, буквально в полутора километрах, во всей своей красе, знакомая по десяткам довоенных фотографий, стояла плотина Днепрогэса. Саперы доложили, что уровень воды в Днепре понизился с 37 до 19 метров. Для форсирования это почти не имело значения: девятнадцатиметровую глубину все равно не перейдешь вброд...

Вправо от плотины на два-три километра тянулся пологий песчаный берег, а чуть повыше начинались дома поселка Ново-Кичкас.

На берегу, примерно в километре от плотины, лежали штабеля бревен и опрокинутая баржа — все, что осталось от довоенной лесной пристани. Но именно она, эта старая пристань, находилась в самом выгодном месте для высадки десанта: здесь был пологий берег, были массивные бревна — на первый случай естественная защита от огня. Производить высадку решил именно здесь.

Как раз напротив предполагаемого места высадки — посередине реки — виднелся остров, носивший имя Ленина. Остров занимал более километра в длину и до 300 метров в ширину. Вся территория была покрыта лесом и заросла кустарником. Разведка донесла, что там фашисты не держали даже разведывательных постов. На первый взгляд это казалось соблазнительным. Однако, прикинув возможные варианты использования острова при форсировании, мы отказались от этой затеи.

После всестороннего анализа обстановки и проведенной разведки было решено погрузку на паромы производить [110] в заливе Павло-Кичкас. Этот небольшой залив не был виден со стороны противника, так что подход войск и их посадка на

паромы могли пройти незаметно.

Паромам надлежало держать курс по течению вдоль острова к его южной части и там под прямым углом выходить на занятый врагом берег, как раз на лесную пристань.

В конце рекогносцировки я поставил задачи полкам. Первым форсирует Днепр 610-й полк с 1-й батареей 419-го отдельного противотанкового дивизиона, пушечной батареей 1037-го артполка и взводом саперов. Их задала — овладеть электростанцией и захватить плацдарм радиусом до полукилометра. Вторым проведет форсирование 592-й полк примерно такими же средствами. Он должен овладеть поселком Ново-Кичкас. Третьим к форсированию приступит 619-й полк с батареей отдельного противотанкового дивизиона, чтобы затем овладеть поселком № 2.

Остальной артиллерии и батареям 120-миллиметровых полковых минометов поручалось поддерживать форсирование с огневых позиций в поселке № 6. КП дивизии — поселок № 11, НП — поселок № 8.

Составляя плановую таблицу форсирования, штаб во главе с подполковником Погодаевым, просчитав все варианты, пришел к выводу, что за один рейс все шесть паромов смогут перевезти только стрелковый батальон с вооружением. При самых благоприятных условиях, если противник не обнаружит переправу и не откроет огонь, форсирование Днепра на моторном пароме продолжалось бы около часа, на весельном — вдвое дольше. Таким образом, теоретически получалось, что дивизия может произвести форсирование за две ночи. Повторяю, это был теоретический расчет, в котором не учитывались все обстоятельства, связанные с действиями врага и возможным выходом паромов из строя. Опыт подсказывал, что уже после высадки первого батальона противник примет все меры, чтобы вывести из строя хотя бы отдельные понтоны. На этот случай было крайне необходимо иметь небольшой резерв понтонов. Но раздобыть их мы не смогли. Командование 12-й армии передало основную массу плавсредств 60-й гвардейской стрелковой дивизии, которая форсировала Днепр из Старого Запорожья с высадкой на остров Хортица. [111]

Понимая, как трудно придется в предстоящем бою, мы сделали все возможное, чтобы лучше подготовиться к нему, учесть малейшие детали.

Перед вторым форсированием дивизия получила большое пополнение людьми и техникой. Численность стрелковых рот и рот автоматчиков удалось довести примерно до 70 воинов в каждой. В пулеметных ротах стало теперь по 10 пулеметов, в

минометных — по 8–9 расчетов, кроме того, были полностью укомплектованы расчеты 45-миллиметровых пушек.

Пополнение людьми и техникой сразу потребовало большой организационной работы: надо было сплотить подразделения, обучить воинов взаимодействию, привить им чувство солдатского коллективизма. Кроме того, продолжалась напряженная подготовка к форсированию: проверялось оружие, подвозились и выдавались полные комплекты боеприпасов, велась огневая подготовка воинов. Большая работа была проведена партийно-политическим аппаратом по моральной закалке людей.

Получив задачу, мы с подполковником Беспалько провели совещание заместителей командиров частей и инструкторов политотдела. Затем все участники совещания, в том числе я и мои заместители, выехали в части, провели партийные и комсомольские собрания, выступили перед бойцами, по душам беседовали с ними. Приятно было убедиться, что люди настроены по-боевому, что они полны решимости выполнить поставленные задачи.

«Иду форсировать Днепр, прошу считать меня коммунистом. Звание коммуниста оправдаю на деле», — писал красноармеец 592-го полка Николай Симинихин. 137 подобных заявлений поступило в канун операции от солдат, составлявших костяк соединения. Около 60 молодых воинов решили стать комсомольцами.

Таков был ответ воинов на приказ о втором форсировании Днепра. Вера в победу, сыновняя любовь к Родине придавали им силу. И в те часы вряд ли кто думал о смертельной опасности, хотя она существовала...

23 октября разработанный мной план форсирования Днепра у плотины Днепрогэса был в основном утвержден генерал-лейтенантом Даниловым. Командарм решил начать форсирование в 21 час 25 октября и указал, что первым рейсом отправится сводный армейский истребительно-противотанковый отряд численностью до 300 человек, [112] который должен захватить электростанцию Днепрогэса. Нашей же 203-й дивизии предлагалось захватить и удержать плацдарм западнее электростанции...

Итак, 610-му полку надо было овладеть не гидростанцией, а восточной частью поселка Ново-Кичкас.

Командир полка опытный, беспредельно смелый офицер Леонтий Дорофеевич Гайдамака и его заместитель по политчасти майор Виктор Владимирович Сендек решили, что первым будет форсировать Днепр лучший батальон во главе со стойким и мужественным командиром капитаном Михаилом Андреевичем

Глобенко и его заместителем по политчасти старшим лейтенантом Иваном Тимофеевичем Шикуновым. Батальону были приданы взвод 45-миллиметровых пушек, взвод противотанковых ружей, отделение саперов и три 76-миллиметровые пушки. На каждого бойца приходилось около двух комплектов гранат, бутылок с горючей смесью, патронов. Пушки обеспечивались двумя боекомплектами снарядов. С таким оружием можно было отразить любую атаку врага.

Убедившись, что батальон готов к выполнению нелегкой задачи, я тепло попрощался с Гайдамакой и Сендеком, от души пожелал им удачи и успехов.

— Есть, — ответил майор Гайдамака. — Приказ будет выполнен... Сделаем все, чтобы не подвести дивизию...

Невысокий, коренастый, обычно веселый и разговорчивый, он был тогда скуп на слова: хорошо понимал, что предстоит трудный и тяжелый бой, что от него и от его бойцов потребуется большое мужество, упорство.

Мы крепко обнялись и расцеловались...

* * *

В ночь на 25 октября начался бой за плацдарм на правом берегу Днепра, всего в километре севернее плотины Днепрогэса.

Как и предполагалось, переправа первой группы бойцов прошла не замеченной врагом. Армейский истребительно-противотанковый отряд высадился на правый берег в 500 метрах севернее плотины почти без потерь.

Сразу была сделана попытка с ходу захватить электростанцию. Но отряд попал под сильнейший заградительный огонь и оказался в пристрелянной зоне сплошных укреплений. Людям пришлось залечь и спешно окапываться. [113] А у плотины моментально взвились осветительные ракеты, стало светло как днем...

Сразу после полуночи приступил к посадке на паромы 2-й батальон 610-го полка во главе с капитаном Глобенко.

— Друзья! Вас ждет тяжелое и опасное испытание, — напутствовал бойцов майор Гайдамака. — На том берегу враг взбудоражен и ощетинился огнем. Я видел с НП командира дивизии — весь район боя полыхает взрывами и освещен ракетами. Вам необходимо любой ценой зацепиться за берег, сразу атаковать немцев, захватить хотя бы небольшой отрезок окопов и удержать его до подхода подкрепления... В добрый час, мои боевые товарищи, — закончил свое короткое выступление командир полка и крепко, по-мужски обнял комбата.

Бойцы слышали, какая сильная пальба идет на участке высадки отряда, видели ракеты, вспарывавшие ночное небо, но

продолжали переправу, стараясь держаться в тени острова.

Паромы беспрепятственно обогнули южную часть острова и повернули к правому берегу. В этот миг вражеские прожекторы осветили десант, и вода словно закипела от множества рвущихся снарядов и мин...

В грохоте взрывов и шуме падающей воды невозможно было ни услышать, ни понять команд офицеров.

Через минуту заглох катер, а затем, получив сильные пробоины, стал буквально разваливаться паром. Солдаты попрыгали в воду, — к счастью, там было мелко.

— Братцы, уже берег!.. — кричали они и, подняв над головой оружие, пытались бежать в ледяной воде. Но это была лишь отмель...

— Спасать противотанковые пушки, минометы и боеприпасы! — пронеслась громовая команда Глобенко.

По грудь в воде, на шквальном ветру, под непрерывным обстрелом противника, солдаты цеплялись за станины, щитки, колеса пушек и пулеметов, протаскивали их по дну, брали на плечи пудовые ящики со снарядами, патронами, минами и упрямо шагали к берегу. А вода словно стала прибывать: отмель кончилась...

Русский солдат! Сколько поэм, песен, легенд сложено о подвигах твоих. И все-таки мало!

...Согнувшись под непомерной тяжестью снаряжения и оружия, захлебываясь, истекая кровью, солдаты 2-го батальона 610-го полка все-таки вышли на правый берег [114] Днепра и тут же залегли. Залегли так поспешно, что руки с оружием были у многих на берегу, а ноги еще в воде...

Люди сделали невозможное, а все же на дно ушло шесть пушек, из них три 76-миллиметровых, четыре миномета, четыре станковых пулемета и кое-какое другое оружие.

Штабеля бревен, за которыми бойцы рассчитывали укрыться, были раскиданы взрывами и превратились в помеху при высадке. Чтобы протащить орудия, бревна приходилось растаскивать в стороны, теряя на это последние силы...

Во время второго рейса затонул катер второго парома и было разбито три весельных парома. Поэтому 3-й батальон 610-го полка пришлось высаживать на остров имени Ленина почти до утра.

Над плацдармом и переправой появились немецкие самолеты.

Сразу стало ясно — в таких условиях продолжать форсирование нельзя, надо ждать следующей ночи. Но что же тогда будет с маленькой горсткой бойцов на правом берегу, у

которых нет достаточного количества артиллерии и боеприпасов?

...На левый берег доставили первых пленных. От них мы узнали, что против десанта действуют подразделения 418-го пехотного полка 123-й дивизии и 207-й сборный батальон с танками. Пленные сообщили, что перед нашими бойцами два ряда сплошных траншей с проволочными заграждениями и минными полями, что в районе плотины полукругом расположено несколько полос незаметных проволочных препятствий, минные поля, целая сеть дзотов и даже доты.

...Перед самым рассветом над рекой поплыл туман. Из-за него нельзя было разглядеть, что творится на клочке земли, отбитом у врага, хотя о многом говорили раскаты орудийных залпов и непрерывная дробь пулеметов. Вскоре, однако, ситуация прояснилась. Этому помогли артиллерийские наблюдатели, взобравшиеся на крыши уцелевших пятиэтажных домов поселка № 6. Они хорошо видели, что происходит на плацдарме, и успешно корректировали прицельный огонь по противнику.

Я дал команду артиллеристам дивизии прикрыть бойцов. [115]

— Помните, там в тяжелейшем положении ваши боевые товарищи — запорожцы, — подчеркнул я.

Но это напоминание было излишним. Люди действовали исключительно четко.

Начались мелкие контратаки немцев, сопровождаемые ураганным огнем.

— Тяжело ранен комбат, — пронеслось по поредевшей цепи окопавшегося 2-го батальона.

Командование батальоном принял старший лейтенант Иван Шнкунов. Гитлеровцев удалось отбить.

Особенно опасное положение создалось к 15 часам, когда противник ударил по 2-му батальону справа и слева.

— Назад бежать некуда, а впереди земля есть! — громко сказал Иван Шикунов.

Подозвав к себе трех бойцов, комбат пополз с ними по сырому песку к окопам противника. Сколько там находилось гитлеровцев, никто не знал — не время было заниматься подсчетами. Решение было отчаянным: ворваться в глубокие окопы, где сидел враг, и выбить его оттуда.

В критические моменты отважный воин, как правило, не чувствует ни страха, ни усталости, ни боли. Каждый нерв его напряжен до предела, и мысль у него одна: драться до последнего...

К вражескому окопу подползли метров на десять.

— Гранаты к бою! — приказал Шикунов и первым швырнул

лимонку.

В окопах раздались взрывы...

— Ура! — закричал комбат. — За Родину!

Трое бойцов подхватили клич комбата и тут же спрыгнули в немецкий окоп.

И это «ура!», ворвавшееся в грохот боя, было услышано всеми бойцами батальона. Те, кто смог подняться, встали и пошли вперед. А точнее, ринулись в штыковую атаку и победили...

Отчаянная вылазка четырех смельчаков улучшила положение батальона. Отбив десять контратак, он продержался до темноты...

В следующую ночь на плацдарм был переправлен 3-й батальон 610-го полка. Большие силы мы не смогли переправить из-за гибели плавсредств. С этим батальоном ушел на правый берег и командир полка майор Гайдамака. [116] С ним сразу удалось наладить связь: через Днепр протянули телефонный провод.

— Передайте всем бойцам мою благодарность за форсирование Днепра, — сказал я Гайдамаке. — А вы, майор, при необходимости сразу вызывайте и корректируйте огонь артиллерии.

— Ясно, — раздалось в ответ.

Этот телефонный провод через реку, воспользовавшись рыбачьей лодкой, с великим трудом протянул рядовой роты связи дивизии Иван Омельченко. Невдалеке от берега лодку разбило, катушки пошли на дно. Омельченко вытащил их и, находясь по шею в воде, дотянул провод до берега, а затем, немного передохнув, дотащил его до НП майора Гайдамаки. За этот подвиг Ивану Алексеевичу Омельченко было присвоено звание Героя Советского Союза.

С утра 26 октября вся артиллерия дивизии произвела огневой налет с левого берега по укреплениям врага. Благодаря этому 610-й полк, перейдя в атаку, овладел первой траншеей противника на участке шириной до полукилометра, в 200–300 метрах от воды...

Тут же последовали контратаки врага, поддержанные несколькими танками. Они тоже были отбиты.

В ночь на 27 октября на помощь 610-му полку подоспели два батальона 592-го полка во главе с его командиром майором Лембой.

Лемба поначалу с трудом узнал Гайдамаку, в блиндаж к которому зашел: так был возбужден всегда сдержанный и невозмутимый Леонтий Дорофеевич.

— В моем полку больше половины раненых, — вместо приветствия сказал он. — А немцам непрерывно подбрасывают

подкрепления, они контратакуют... Обстановка очень сложная, отойти нельзя ни на шаг.

— Вы не ранены, Леонтий Дорофеевич? — не удержался от вопроса Лемба.

— Это к делу не относится, — довольно грубо ответил Гайдамака. — В общем, все в порядке... Вот что, Павел Тимофеевич, — взял он за локоть командира 592-го полка. — Давай сразу договоримся. Те, — он кивнул в сторону гитлеровцев, — с утра полезут опять. А нам нельзя терять ни минуты. Как только отобьемся, сразу в контратаку, не медля ни минуты. Понял? [117]

В том, что полки отобьют атаку, Гайдамака не сомневался. Не сомневался и Лемба. Его тревожило другое: хватит ли у 610-го сил, чтобы контратаковать?

Словно угадав это, Гайдамака сказал:

— Мы же запорожцы, верно? Железный народ...

Утром после короткого артобстрела немцы бросились в очередную атаку...

Два советских полка встретили их дружной стрельбой. Противник остановился. Тогда парторг 6-й роты рядовой Валериан Гагнидзе встал во весь рост и крикнул:

— За Родину! Вперед, товарищи!

За ним тут же устремились все бойцы роты. Они любили и уважали своего парторга — он был одним из самых отважных воинов полка.

В разгар боя выбыли из строя все офицеры роты. Командование принял сержант Папков.

— Добивай гадов! — крикнул он и вновь поднял бойцов в атаку...

К полудню полки Гайдамаки и Лембы захватили вторую траншею противника и ворвались на восточную окраину поселка № 2, расширив плацдарм до километра по фронту и до полукилометра в глубину.

Тут произошла их встреча с воинами истребительно-противотанкового отряда армии, которые первыми форсировали Днепр.

— Мы сделали все, чтобы захватить электростанцию, — говорили солдаты. — Только пока ничего не получилось...

А события нарастали. Не прошло и часа, как немцы на автомашинах и танках подбросили к месту боя мотопехоту и тут же начали контратаку при поддержке пяти танков и двух самоходных орудий...

Три танка ползли прямо к окопу, где находился парторг рядовой Гагнидзе.

— Спокойно, товарищи, приготовить гранаты, — скомандовал он.

По приблизившимся машинам ударили противотанковые ружья, под гусеницы полетели гранаты. Черными фонтанами взметнулась земля.

Танки повернули обратно.

— Жаль, что не довою, — со стоном сказал тяжело раненный Гагнидзе. — Но я еще вернусь, друзья. Вот посмотрите! Буду добивать фашистского зверя в его берлоге... [118]

...В двенадцатый раз пополз искать обрыв провода связист 610-го полка Петр Осипов. Он, как и большинство однополчан, был ранен.

«Вон за тем камнем обрыв, — размышлял про себя Осипов. — Доползу, и все». Но провод тянулся дальше, обрыва не было. «Значит, за тем выступом, — успокаивал себя солдат, превозмогая боль... — Осталось совсем немного...»

Связист нашел обрыв, соединил провода, подключился к линии.

— Слышу хорошо, — раздалось в трубке.

Осипов узнал голос Гайдамаки... Это были последние слова, которые слышал связист: мужественного солдата сразил осколок снаряда.

А Гайдамака вел разговор с комбатом Шикуновым. Коммунист Шикунов знал, что у него в батальоне осталось всего 20 человек. А враг наседал, пытаясь сбросить их в Днепр. Но комбат твердо ответил командиру полка:

— Дела идут нормально. Враг не пройдет.

И его солдаты выстояли.

В 17 часов 40 минут после мощного артиллерийского налета гитлеровцы снова бросили в бой до батальона пехоты с семью танками и двумя «фердинандами».

— Как дела?! — кричал Гайдамака в телефонную трубку.

— Благополучно, — отвечал Шикунов. — Все в порядке. Бьем гадов...

Комбат дрался вместе со своими солдатами. Он стрелял из автомата, заменил убитого бронебойщика, подтаскивал боеприпасы. Своим примером офицер вдохновлял бойцов.

И гитлеровцы вновь откатились.

За подвиг на днепровском плацдарме старшему лейтенанту Ивану Тимофеевичу Шикунову было присвоено звание Героя Советского Союза...

* * *

В ночь на 28 октября продолжалась высадка войск на завоеванный плацдарм. Туда переправили два батальона 619-го

полка и оставшуюся часть 610-го полка.

Уже утром при поддержке сильного огня артиллерии вновь прибывшие солдаты перешли в атаку и после трехчасового боя продвинулись на 150–200 метров по фронту [119] и по флангам. В ответ на это немцы дважды контратаковали дивизию, но были отбиты, и полки закрепились на достигнутых рубежах.

В тот день 60-я гвардейская стрелковая дивизия двумя полками вела бой на острове Хортица в районе бывшего колхоза, а одним полком обороняла восточный берег Днепра на участке от Вознесенска до поселка Южный. Конечно, хорошо было бы наладить взаимодействие с 60-й дивизией. Но нас разделяла днепровская плотина, и мы не смогли сделать этого...

Приступая к форсированию, я понимал, что только неожиданная высадка всей дивизии на противоположном берегу позволит нам захватить электростанцию и небольшой плацдарм рядом с ней. А затем в случае быстрого подхода второго соединения — расширить плацдарм и закрепиться до появления крупных резервов неприятеля. Однако быстрота и внезапность были утеряны из-за отсутствия плавсредств. Немцы успели подбросить на плацдарм подкрепление. И все же в ночь на 1 ноября к нам на помощь подоспела 244-я стрелковая дивизия. Она развернулась левее 610-го полка и вместе с нашими полками в течение первых трех дней ноября в результате активных атак сумела расширить плацдарм...

4 ноября гитлеровцы получили основательное подкрепление, в том числе более десятка танков, и опять ринулись в атаку. Наши части устояли, отбросили врага и во второй половине дня заняли еще одну линию немецких траншей.

Таким образом, в результате десятидневных ожесточенных боев удалось захватить плацдарм шириною около полутора километров и глубиною до 800 метров и закрепиться на нем. Передовая линия нашего расположения была удалена от неприятеля всего на 50–100 метров, а на правом фланге 619-го полка нас с немцами разделяла только железнодорожная насыпь, через которую непрерывно летели гранаты...

* * *

Всех раненых с плацдарма при первой возможности переправляли в поселок № 8. Там им оказывалась квалифицированная медицинская помощь, решались вопросы дальнейшей эвакуации. С одной из партий прибыл и тяжело раненный помощник начальника штаба 610-го полка [120] старший лейтенант Иван Здоренко. Я оказался невольным свидетелем его разговора со старшим лейтенантом из 592-го полка Владимиром Шефталовичем, который как раз собирался на

плацдарм. Услышав об этом, Здоренко предупредил друга: «Будь осторожен, Володя, там — ад».

Эти слова надолго запали в душу. Да, за Днепром был настоящий ад. От взрывов кипела вода, стонала земля, огневой бой не прекращался ни на минуту...

5 ноября активных действий на плацдарме не отмечалось. Шел повседневный «нормальный огневой бой». Не жалея снарядов и мин, почти круглые сутки по плацдарму били около 20 артиллерийских и минометных батарей. Кроме того, периодически работали несколько шестиствольных минометов и тяжелых метательных аппаратов реактивного действия, которые наши бойцы презрительно называли «Геббельсами».

— Артогонь достигает такой плотности, что в течение пятнадцати минут только на крыше моего блиндажа появилось несколько воронок от снарядов и мин, — докладывал командир 619-го полка майор Гурский.

Каждый, даже не прицельный снаряд вызывал потери на плацдарме, окопы обваливались в течение одних суток и буквально сравнивались с землей. В период же так называемого затишья фашисты методично, через каждые двадцать минут, бросали из реактивных установок стокилограммовые мины, которые причиняли нам ощутимый урон.

...В блиндаж командира 619-го полка майора Гурского вошел связной.

— Вот, товарищ майор, — сказал он, показывая руки, покрытые какой-то черной, маслянистой жидкостью.

— В чем дело? — удивился Гурский.

— Фашисты начиняют мины мазутом и стреляют по урезу воды.

— Зачем? — удивился майор. — Тут что-то не так...

— Так, товарищ майор, — со вздохом сказал солдат. — Вся вода покрыта этой дрянью. Теперь не попьешь...

— Вот оно что, — нахмурился Гурский, — не могут нас пулями и танками взять, решили без воды оставить... А мы, браток, выжили и выживем... Спокойно делай свое дело, ни о чем не тужи...

И снова — в который раз! — атака противника. Дивизионная артиллерия с левого берега ударила по наступающим [121] немецким танкам и пехоте. Передний край заволокло черным дымом.

Гитлеровцы залегли и, спасаясь от огня, стали отползать вслед за развернувшимися танками. Эта атака тоже была отбита...

Все, что происходило на плацдарме, было отлично видно с моего НП, находившегося в поселке № 8.

— Что будем делать дальше? — спросил я своих заместителей. — Силы на плацдарме уравновешены, и никакого маневра не выполнишь...

— Да, — подтвердил начальник штаба Погодаев. — Силы уравновешены. Не даем противнику выбить нас с занимаемых позиций, но и сами бессильны атаковать или делать маневры.

— Положение трудное, и надо смотреть правде в глаза, — угрюмо произнес командующий артиллерией подполковник Кузьмин.

— На плацдарме большие потери, — взволнованно сказал начальник политотдела Беспалько. — Я только что оттуда. Вместе с комдивом вручали награды отличившимся... Попутно пытались присмотреть место для НП. Ничего с этим делом не выйдет. Управлять дивизией оттуда невозможно...

— Надо просить танки и срочно перебросить туда, — предложил полковник Ситников, но тут же спохватился: он не хуже других знал — перебросить танки не на чем.

— Все, что говорилось здесь, абсолютно верно. Положение крайне трудное, — подытожил я. — Своими силами нам не улучшить его, если даже перенесем НП и переправим на плацдарм артиллерию, как предложил генерал-майор Данилов... Но решение теперь, очевидно, подскажет командарм 6 генерал Шлемин, к которому уже перешла наша дивизия.

Генерал-лейтенант И. Т. Шлемин вскоре действительно прибыл к нам. Первым делом он поинтересовался, как идут у нас дела.

Я доложил о намерении переправить на плацдарм артиллерию и опергруппу. Попросил танки...

— Чтобы утопить их на переправе? — строго посмотрел на меня командарм. — Вы же знаете, видите, Гавриил Станиславович, какой там ад...

Командарм встал и, не дослушав меня, уехал... [122]

Как выяснилось после, И. Т. Шлемин, переговорив с командирами других соединений и тщательно оценив обстановку, пришел к выводу, что борьба на днепровском плацдарме и острове Хортица бесперспективна. Он приказал вывести с плацдарма по одному полку от 244-й и 203-й дивизий и части офицеров из все еще остававшихся на плацдарме полков.

Вскоре была выведена с острова Хортица 60-я гвардейская стрелковая дивизия. А в ночь на 6 ноября был выведен с плацдарма 610-й полк. Отдохнув, он начал готовиться к выполнению новой задачи.

Одновременно на левый берег мы эвакуировали часть офицеров из 592-го и 619-го полков. Им предстояло подготовить

из солдат, прибывших с пополнением, специальные штурмовые группы для последующего захвата укрепленных пунктов врага, оборудованных в развалинах домов на плацдарме.

В ночь на 17 ноября эти штурмовые группы удалось переправить на плацдарм. В подчинение командиру 619-го полка майору Гурскому была передана 124-я штрафная рота. Получив подкрепление, полки снова перешли в атаку, но в первый день их продвижение было очень незначительным.

В дальнейшем мы ежедневно проводили по две-три атаки силами от взвода до роты с целью улучшить позиции. Часто, тоже небольшими силами, контратаковали и немцы. Так продолжалось до 27 ноября.

В это время три различные боевые задачи решали части дивизии.

Главной задачей было удержать плацдарм. Эту задачу решали 592-й и 619-й полки (без одного батальона каждый).

Три армейских заградотряда, спецподразделения дивизии и взводы конных разведчиков наших полков охраняли левый берег Днепра на протяжении свыше 60 километров — от села Ульяновка до поселка Южный. Их задача заключалась в том, чтобы не пропустить лазутчиков и диверсантов на наш берег и предотвратить отход к немцам не успевших эвакуироваться полицаев, старост и прочих изменников. Это дело тоже было не из легких и осложнялось недостатком средств для связи между нашими подразделениями, а также отсутствием автомашин. [123]

Штабу предстояло оперативно руководить войсками на разумовском плацдарме, находившемся в 40 километрах южнее командного пункта дивизии, и наладить их хозяйственное обеспечение. Там действовали 610-й полк и один батальон 592-го полка.

Для этого тоже требовались и надежная связь и опять-таки автотранспорт. Иначе невозможно обеспечить бесперебойное снабжение боеприпасами и продовольствием.

Мой заместитель по тылу майор И. С. Степанов по нескольку раз на дню просил увеличить ему число автомашин. В дивизии их почти не было, а на помощь армии рассчитывать не приходилось. И я вынужден был брать в отдельных случаях боевые автомашины, хотя это категорически запрещалось делать.

Если же добавить ко всему, что меня назначили комендантом Запорожья, то станет понятно, каково приходилось мне в те дни. Кстати, штаб дивизии переехал тогда в поселок Тельмана, а НП — в Вознесенск.

Здесь, в Запорожье, мне объявили Постановление Совнаркома СССР о присвоении генеральского звания...

* * *

Равновесие сил, создавшееся на плацдарме за Днепром, не сулило перспектив для дальнейшего наступления. Поэтому в ночь на 30 ноября по приказу командования армии 244-я дивизия ушла с плацдарма, передав свой участок 619-му полку. В ночь на 2 декабря плацдарм покинул 619-й полк, передав участок 592-му. А 11 декабря, выполняя приказ, 592-й полк, незаметно оторвавшись от противника, последним оставил плацдарм. Он пробыл там сорок шесть дней и ночей! Тридцать два дня сражался на плацдарме 619-й полк, двенадцать дней — 610-й, около тридцати суток — 244-я дивизия.

Какую нужно было иметь силу, чтобы выдержать это испытание!

Я встречал каждое подразделение, возвращавшееся на левый берег... С очередным паромом прибыл смелый щорсовец командир 610-го полка майор Гайдамака. Спрыгнув на берег, он остановился, огляделся вокруг и тихо сказал:

— Неужели я вернулся? Неужели жив? Невероятно! Не верится... [124]

В тех боях за Днепром мы потеряли около 500 человек убитыми. Смертью храбрых погибли здесь Герои Советского Союза красноармеец Сергей Михайлович Смоленский, саперы Евгений Петрович Дудыкин и Виктор Иванович Чумаченко, погибло много командиров рот, взводов и рядовых солдат.

Но в боях на плацдарме дивизия уничтожила не менее 1000 гитлеровцев и 50 взяла в плен. Было выведено из строя свыше 25 немецких орудий, 75 пулеметов, 18 танков...

В ожесточенных и беспрерывных боях наши воины 48 суток удерживали в своих руках плацдарм. Каждый метр здесь был перепахан разрывами мин и снарядов, обильно полит солдатской кровью.

Девяносто шесть раз старшины рот, солдаты, доставлявшие боеприпасы, и медики переплывали те самые роковые 800 метров, что отделяли остров имени Ленина от плацдарма, переплывали под губительным огнем, доставляя однополчанам горячую пищу, боеприпасы, почту, эвакуируя раненых воинов, оружие, боевое имущество.

А сколько рейсов совершили бесстрашные понтонеры!

Если строго следовать букве приказа, дивизия выполнила поставленную перед ней задачу — захватила плацдарм у плотины Днепрогэса. Что же касается здания электростанции, то его не смогли взять ни армейский отряд, ни 203-я, ни пришедшая нам на помощь 244-я стрелковая дивизия...

Выполняя приказы командования, наша дивизия сковывала,

держала в напряжении многие немецкие части. Отвлекая удары на себя, мы таким образом способствовали ослаблению натиска противника на решающих участках. Война же, как известно, без жертв не бывает. И солдаты, павшие в боях за Днепром, не напрасно отдали свою жизнь.

Командование высоко оценило подвиг людей. Почти все участники боев на плацдарме были награждены орденами и медалями. Только ордена Суворова III степени были удостоены пятьдесят офицеров! Восьми же самым отважным было присвоено звание Героя Советского Союза. Это — стрелок Сергей Михайлович Смоленский, снайпер Иван Петрович Меркулов, сержант Мади Кайбиевич Бегенов, капитан Григорий Иванович Корнеев, стрелок Андрей Федорович Рябов, сержант Виктор Иванович Чумаченко, [125] связист Иван Алексеевич Омельченко и капитан Иван Тимофеевич Шикунов.

Это мужественные, смелые люди, настоящие герои, от их инициативы, находчивости, бесстрашия порой зависел исход боя.

Стрелок 2-го батальона 610-го полка Сергей Смоленский сразу после высадки на берег увлек стрелковый взвод в атаку и в рукопашной схватке уничтожил семь вражеских солдат. Затем первым ворвался в немецкий дзот и вывел из строя два пулемета, мешавших продвижению его роты.

Заменив убитого командира, Смоленский со взводом вновь атаковал врага и выбил его из второй линии окопов. Здесь взвод отразил три контратаки, а во время четвертой С. М. Смоленский погиб смертью храбрых.

Снайпер 610-го полка Иван Петрович Меркулов уничтожил 113 фашистов.

Сержант казах Мади Кайбиевич Бегенов командовал отделением 2-го батальона 619-го стрелкового полка. При форсировании Днепра в районе Ново-Кичкаса коммунист Бегенов проявил стойкость и мужество при отражении неоднократных атак противника. А когда его полк перешел в наступление, первым ворвался в немецкую траншею и в рукопашной схватке уничтожил семь немецких солдат и унтер-офицера.

Капитан Григорий Иванович Корнеев, замполит командира 3-го стрелкового батальона 610-го полка, буквально с горсткой бойцов зацепился за днепровский берег. Отразив атаку гитлеровцев, храбрецы сами перешли с контратаку. Заняв затем круговую оборону, не имея связи с другими подразделениями, группа Корнеева целые сутки дралась с врагом, пока наконец не вырвалась из окружения. Заменив тяжело раненного командира, Корнеев принял на себя командование батальоном и, будучи сам раненным, руководил боем подразделений в течение четырех

суток.

Солдат 5-й стрелковой роты 592-го полка Андрей Федорович Рябов под сильным артиллерийским и минометным огнем первым из роты достиг правого берега Днепра. Здесь он подбил вражеский танк, поджег бронемашину и уничтожил до десятка фашистов. Буквально под носом у врага Рябов вытащил из воды трех раненых советских бойцов и оказал им первую помощь. [126]

Сержант 610-го полка Виктор Иванович Чумаченко во время форсирования Днепра в районе Ново-Кичкаса смелым броском одним из первых в полку достиг окопов противника, а затем огнем из автомата и гранатами уничтожил двадцать немецких солдат. После ранения командира В. И. Чумаченко командовал взводом и умело отражал атаки гитлеровцев.

О подвигах солдата Ивана Алексеевича Омельченко и капитана Ивана Тимофеевича Шикунова я уже рассказал, когда вел речь о боях на плацдарме...

Так закончилось второе форсирование Днепра. И никто тогда не предполагал, что вскоре нам предстоит третья боевая переправа через эту могучую реку. Такую задачу не приходилось решать ни одному подразделению Красной Армии...

* * *

Выполняя боевые задачи, некоторые полки 203-й дивизии входили иногда в оперативное подчинение командиров других соединений. Такой случай был, например, с 610-м полком, который после пополнения в ночь на 27 ноября форсировал Днепр во втором эшелоне 333-й стрелковой дивизии и наступал на правом фланге, впереди ее частей.

4 декабря гитлеровцы подтянули к фронту до полка мотопехоты и бросили его в атаку. 610-й смело встретил врага огнем, а затем сам перешел в контратаку. Завязался нелегкий встречный бой, о котором я услышал от командира 333-й стрелковой дивизии генерал-майора Анисима Михайловича Голоско. Привожу кратко его рассказ:

«Я с командиром 66-го корпуса генерал-майором Дмитрием Андреевичем Куприяновым с волнением наблюдал картину быстрого сближения нашей пехоты с противником. Обе цепи с ходу вели огонь. Пьяные немцы что-то кричали, словно хотели напугать советских бойцов. Сблизившись с врагом на 200–300 метров, пулеметчики 610-го залегли и открыли прицельный огонь. Гитлеровцы не выдержали, повернули назад и побежали, оставляя на снегу убитых. Наша пехота с громким «ура!» преследовала их почти километр».

За отражение этой контратаки командир 66-го стрелкового корпуса объявил благодарность всему личному [127] составу 610-

го полка. Командир же 333-й дивизии впоследствии неоднократно подчеркивал, что полк майора Гайдамаки состоит из одних храбрецов.

Многие воины были удостоены за этот бой правительственных наград, в том числе и майор Леонтий Дорофеевич Гайдамака, награжденный орденом Александра Невского.

Отразив атаку, 610-й полк был выведен в резерв командира корпуса и занял оборону во втором эшелоне...

После пополнения 592-й полк переправился 14 декабря на разумовский плацдарм и занял оборону левее 610-го. В дальнейшем, почти до конца декабря, оба полка участвовали в отражении атак врага и в наступлении на главном направлении корпуса.

619-й полк по моему приказу с 3 декабря оборонял берег Днепра от балки Кичкасской до южной окраины Запорожья, то есть на участке протяженностью свыше 30 километров.

* * *

Итак, о третьем форсировании Днепра.

...В 18 часов 28 декабря над Днепром взметнулся огромной силы взрыв. Все мы посмотрели туда, откуда донесся грохот, и увидели, как медленно оседал подорванный гитлеровцами пролет днепровской плотины, как разрушалось на глазах здание электростанции.

Наши сердца сжались: не сумели предотвратить...

А ночью Днепр затянуло льдом. И тут отважные разведчики дивизии по первому тонкому льду, рискуя каждую минуту провалиться в воду, переправились на правый берег и притащили трех пленных.

Днепр как водная преграда перестал быть препятствием.

К этому времени под нажимом наступающих соединений Юго-Западного фронта с севера, с плацдарма у села Вовниги, и нашей 6-й армии с разумовского плацдарма противник начал отходить на юго-запад. Огонь его ослаб. Необходимо было произвести разведку. С этой целью в полдень 29 декабря я направил батальон капитана А. Н. Погребовского из 619-го полка наступать по еще не окрепшему льду в сторону хутора Зеленый Яр, что находился километрах в двух севернее бывшего плацдарма за Днепром... [128]

Два километра тонкого льда предстояло преодолеть солдатам. Двигались они цепью, разомкнувшись на шесть — восемь метров. Шли быстро. Шли в бой. Никогда не забуду эту картину, не забуду, как, постепенно удаляясь от нас, стрелки превращались в едва заметные точки. Чем закончится эта дерзкая

попытка? Ведь даже один пулемет может положить всю цепь. А залечь — равносильно смерти: снаряды и мины моментально разобьют лед.

Подойдя к берегу, атакующая цепь открыла сильный огонь с ходу. Вражеское прикрытие (основные части уже отошли) прозевало атаку и поспешно ретировалось. Наступающим достались, как докладывал потом командир батальона, «радость победы и трофея».

Вслед за батальоном Погребовского по льду перешли Днепр и остальные подразделения 619-го полка. Заняв поселок Ново-Кичкас, они начали наступать на Хортицу.

30 декабря, неустанно преследуя неприятеля, наш 619-й полк соединился с 610-м и 592-м полками, воевавшими на разумовском плацдарме и форсировавшими реку несколько раньше. Обозы, автомашины и артиллерия дивизии переправились по мосту у разумовского плацдарма.

Так закончилось третье форсирование Днепра и трехмесячная борьба соединений 6-й армии и воинов нашей дивизии за преодоление так называемого Восточного вала, объявленного гитлеровцами неприступным. [129]

Тревожные будни

В конце 1943 года стало известно, что дивизии предстоят бои в районах Никополя и Кривого Рога.

Гитлеровцам необходимо было любой ценой удержать никопольский плацдарм на левом берегу Днепра. Именно через него они надеялись восстановить сухопутную связь со своей крымской группировкой.

Противник, конечно, предвидел тяжелые бои и продуманно укрепил оборону. Под угрозой пулеметов он заставил местных жителей вырыть несколько позиций на удалении в три — пять километров друг от друга. Каждая такая позиция состояла из ряда траншей с ходами сообщения, дзотами, глубокими убежищами. На многих участках были сделаны проволочные заграждения, установлены минные поля. Основательно укрепили гитлеровцы и близлежащие населенные пункты.

Для обороны Криворожско-Никопольского бассейна и никопольского плацдарма 6-я немецкая армия имела 23 пехотные, четыре танковые и одну моторизованную дивизии.

30 декабря 1943 года началась Никопольско-Криворожская наступательная операция войск 3-го и 4-го Украинских фронтов. Во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта войска 3-го Украинского фронта, в состав которого входила и наша 6-я армия под началом генерала И. Т. Шлемина, должны были отрезать никопольскую группировку противника и уничтожить ее.

Перед 6-й армией находились две немецко-фашистские пехотные дивизии полного состава. По показаниям пленных, в ротах у них было по 60–70 солдат, в то время как у нас в полках насчитывалось не более 150–200 активных стрелков и автоматчиков. Силы были явно не равны, и армия временно перешла к обороне. [130]

В те дни наша дивизия получила солидное пополнение из числа жителей Запорожской и Днепропетровской областей. Правда, большинство новобранцев были пожилого возраста, многие не имели никакой воинской подготовки.

— Трудное пополнение, — говорил начальник штаба.

— Много придется поработать с людьми, — соглашался Беспалько.

Для обучения пополнения с передовой были выведены офицеры и сержанты двух батальонов от каждого полка. Опытные воины приступили к занятиям с вновь прибывшими в районе села Ново-Николаевка.

Вскоре мы провели митинг новобранцев. Я рассказал о боевом пути дивизии, о ее славных боевых традициях, о героях, выросших в наших рядах. В заключение призвал солдат упорно овладевать основами военного дела и быстрее влиться в славные боевые части дивизии, чтобы громить врага.

Герои и ветераны боев на Дону, в Донбассе и на Днепре поделились с новичками своим опытом...

Через десять дней подготовка вновь прибывших была закончена, и мы перевели их на передовые позиции: дивизии предстояло наступать.

Надо сказать, что поведение гитлеровцев на нашем участке было весьма необычным. Они не предпринимали попыток к наступлению, зато не жалели сил и средств, чтобы отбить каждую захваченную нами высоту или участок поля. Их словно бы устраивали занимаемые рубежи...

10 января командарм И. Т. Шлемин поставил перед дивизией задачу — наступать на фронте шириной два с половиной километра, овладеть хутором Ново-Украинский и в последующем захватить Максимовы хутора. Справа наносила удар 244-я стрелковая дивизия, слева — один батальон 333-й стрелковой дивизии.

Мы знали, что во время нашей артподготовки враг обычно отводит пехоту в глубокие блиндажи. Надо было выманить ее из надежных укрытий под огонь артиллерии.

Генерал Шлемин предложил такой вариант. Вначале провести малую атаку (по одному взводу от каждого батальона) и захватить только первую линию окопов. Когда же противник

соберет силы для контратаки, произвести [131] 30-минутную артподготовку и атаковать уже всеми силами.

12 января после 10-минутного огневого налета взводы, как было задумано, атаковали немцев. Но атака получилась недружная. Враг положил нашу цепь в 150–200 метрах от своего переднего края.

Тогда после 30-минутной артподготовки вперед пошли все батальоны. Но и они, достигнув цепи взводов, вынуждены были залечь...

Попытка не удалась. Атака волнами не дала ожидаемого результата, и боевая задача осталась невыполненной.

* * *

После неудачного наступления генерал-лейтенант Шлемин приказал нам перейти к обороне.

Некоторые части для перегруппировки и совершенствования боевой выучки командарм отвел в тыл. Поэтому фронт нашей дивизии увеличился до 22 километров и проходил теперь по доступной для танков местности.

Уточнив линию переднего края, мы вместе с командирами полков наметили меры по его укреплению. По нашему переднему краю проходила всего одна, да и то не сплошная, траншея с неглубокими ходами сообщения между батальонами, полками и тылом.

Прежде всего надо было создать непреодолимую зону огня всех видов оружия перед передним краем и перед резервами, укрепить оборону в глубине, а на особо опасных участках создать противотанковые районы.

Короче говоря, предстояло организовать заново всю оборону, провести большие земляные работы, углубить окопы до полного профиля, усовершенствовать ходы сообщения и замаскировать их. Вместе с помощником начальника 1-го отделения капитаном М. Н. Терещенко я побывал в каждом полку, помог организовать оборону и огонь так, как того требовал устав. Особое внимание при этом было обращено на стыки полков...

Офицеры штаба, политотдела дивизии и мой адъютант старший лейтенант В. М. Тимченко постоянно бывали на передовой.

— Василий Михайлович, а как дела у майора Лембы? — спросил я однажды адъютанта. [132]

— Целую ночь мы провели на переднем крае 592-го полка. Службу там несут бдительно, все воины хорошо одеты и обогреваются во взводных землянках. Во втором батальоне нас накормили вкусным обедом из двух блюд. Настроение у людей хорошее, интересуются, скоро ли будем наступать.

— А как обеспечен огневыми средствами разрыв между 592-м и 610-м полками? Он ведь превышает там полтора километра.

— На участок, где образовался разрыв, нацелено по взводу станковых пулеметов и по одной противотанковой пушке. Кроме того, в любой момент на этом участке можно сосредоточить огонь артиллерийской батареи и минометной роты от каждого полка. На ночь выставляются полевые караулы. Огня достаточно, а вот между полевыми караулами можно проскочить незаметно... Кроме того, очень мелки ходы сообщения между батальонами и полками.

— Были занятия с красноармейцами?

— Да, они изучали личное оружие, стреляли. Патронов и гранат достаточно. Кроме того, солдаты прорабатывали уставы, проведены политзанятия и беседы...

Даже из этого короткого сообщения адъютанта было ясно, что одновременно с совершенствованием обороны в частях велась усиленная боевая подготовка. В полках, кроме того, прошли занятия с командирами взводов, были созданы и подготовлены группы истребителей танков и штурмовые группы.

Учились и старшие офицеры. На КП дивизии состоялось занятие с командирами полков и их заместителями по строевой части на тему «Организация обороны полка на широком фронте применительно к нашим конкретным условиям». Были проведены сборы командиров батальонов и отдельно — командиров стрелковых, пулеметных и минометных рот и рот противотанковых ружей. В штабах отрабатывались функциональные обязанности. Все это время на передовой продолжались поиски разведчиков: нам долго не удавалось захватить «языка».

— Леонтий Дорофеевич! — вызвал я по телефону майора Гайдамаку. — До противника от вас рукой подать. И местность подходящая: много оврагов, домов. Почему до сих пор не удается захватить «языка»?

Гайдамака попробовал оправдаться: [133]

— Немцы очень бдительны... Да и по грязи не поползешь и не побежишь...

— Ну вот что. Новый начштаба{7} майор Колесников готовит захват «языка» на западной окраине деревни Томаковка. Посмотрим, что из этого выйдет... А я попутно хотел бы узнать, закончили ли вы ходы сообщения между батальонами и соседями.

— В основном да. Однако правый стык слабо обеспечен в противотанковом отношении. Там мы заложили мины, но их мало.

— У меня, к сожалению, тоже нет мин, так что помочь в этом

деле не смогу... Где у вас идут занятия? Хочу поприсутствовать.

— В минометной роте третьего батальона, южнее церкви в Томаковке.

Занятия в минроте проводил комбат капитан В. С. Черненко. Я проверил пристрелку стыка с 619-м полком, а затем приказал роте сразу перейти на поражение другой цели.

Все было сделано быстро и четко. Похвалив командира роты, я побеседовал с воинами и остался доволен бодрым настроением минометчиков...

— Гавриил Станиславович, командир 592-го полка майор Лемба, видимо, не до конца понял значение партийно-политической работы. Он недооценивает своего заместителя по политчасти капитана Целикова — посылает его в батальоны без задачи, не знает, какая политработа ведется в полку, — доложил И. Ф. Беспалько.

— Я поговорю с Лембой. Думаю, он исправит ошибку.

— Хочу отметить, товарищ генерал, хороший уровень партийно-политической работы во втором батальоне того же полка. Отлично выполняют свою задачу заместитель командира батальона по политчасти капитан Симаков и парторг лейтенант Лозовский. У солдат боевое настроение, они в курсе текущих событий.

— А как дела в других полках?

— Майор Гайдамака и подполковник Яремчук повседневно занимаются политработой, и дела у них идут неплохо. Но пока еще многие командиры рот не чувствуют [134] себя политическими воспитателями подчиненных, слабо используют помощь партийных и комсомольских организаций.

— На это надо обратить особое внимание... Еще раз проведите семинар с ротными командирами. Растолкуйте их обязанности.

Недооценка партполитработы... Сколько раз сталкивался я с этим явлением! Да, у строевого командира много обязанностей. Это и огневая подготовка, и тактика, и снабжение, и забота о бдительности в части. Он — единоначальник, а потому в ответе за все.

Но не только оружием силен солдат! И когда командиры-единоначальники забывали об этом, приходилось строго напоминать им, что политическая работа среди воинов важна не менее, чем боевая учеба, что одно немыслимо без другого...

В постоянной учебе, в заботах о совершенствовании обороны шли дни. Нам так и не удалось захватить «языка», а он был очень нужен: по ночам с той стороны слышался шум моторов, доносились крики ездовых, понукавших лошадей... Надо было

срочно узнать, что замышляет враг.

И вот помог случай.

...Бывалые воины саперы Н. И. Саваринцев и М. В. Сибураев ранним утром 18 января пошли на «ничейную» землю поискать лесоматериал для различных поделок. На двоих они взяли один автомат, топор и лопату. Шли порознь. Найти ничего не удалось, и бойцы уже возвращались, когда вдруг Саваринцев в тумане заметил гитлеровца. С поднятым топором он бросился вперед. Немец от неожиданности уронил карабин и поднял руки. Подобрав карабин, сапер приказал пленному идти к нашим окопам. Все произошло так быстро и тихо, что Сибураев, находившийся всего в десяти метрах от товарища, ничего не заметил и не услышал.

Фашист был обвешан флягами с горячим кофе: он нес их на передовую и заблудился. Выпив кофе, находчивые солдаты сдали пленного в штаб. Он сообщил, что накануне ночью немцы увеличили фронт своему 420-му пехотному полку 125-й пехотной дивизии. Раньше этот полк оборонялся только перед нашим соседом слева, а теперь оказался и перед нами, заменив находившуюся здесь часть. [135]

Я немедленно сообщил в штаб армии, что на нашем участке противник не намерен проявлять активность. По всей вероятности, он готовит наступление в другом месте, где и концентрирует войска...

С переходом к обороне появились хорошие условия для работы снайперов. В селе Ново-Николаевка мы собрали лучших своих стрелков, они делились опытом, рассказывали о «поединках» с фашистскими снайперами, об удачной «охоте». Я порекомендовал лучшим снайперам обучить мастерству «охоты» двух-трех молодых солдат. Это вскоре было сделано. И снайперы наносили гитлеровцам ощутимый урон...

* * *

В середине января 1944 года штаб дивизии переехал в село Михайловка.

Стояла холодная погода, мела поземка, а по ночам диск луны словно раздваивался, что, по народным приметам, бывает к сильным морозам.

...Игнатий Федорович Беспалько вошел в мою комнату в клубах пара. Вошел как-то спиной, согнувшись. А когда распахнул полушубок, перед нами оказался худенький мальчик лет десяти. Голову ребенка покрывал женский платок. Одет он был в старую женскую кацавейку. Короткие рукава едва доходили до локтей, и мы увидели тонкие, покрасневшие от мороза ручонки.

— Простите, Гавриил Станиславович, — обратился ко мне

Беспалько и тут же крикнул ординарцу, чтоб быстро подал чаю. — Простите, что пришел не один. — Он кивнул в сторону мальчонки, который, осторожно придерживая горячую кружку, обжигаясь, глотал горячий сладкий чай. — Я не мог не привести его...

— Не торопитесь, Игнатий Федорович. Пусть мальчик отдохнет. Потом расскажете...

Я знал, что только из ряда вон выходящий случай мог заставить Беспалько привести постороннего в штаб без предварительного доклада комдиву.

Мальчик наконец закончил чаепитие, аккуратно вытер губы, тихо поблагодарил нас.

— Ну вот, — шумно вздохнул Беспалько. — Это Митя Козуб...

Услышав свое имя, ребенок поднялся и, как взрослый, вытянул руки по швам. [136]

— Митя сам расскажет вам все...

— Что рассказывать, я и не знаю... В детском доме жили мы хорошо... Учились грамоте и ремеслу... А пришли немцы — стало худо. Воспитателей куда-то забрали. Услышал я, что нас повезут в Арбузовку, и убежал. Спрятался в кукурузе за селом... Я все видел. Фашисты стали стрелять в наших детдомовцев из автоматов, прямо в голову... Вот сюда... — Он показал рукой себе на затылок.

— Где фашисты расстреливали детей? — спросил я.

— В противотанковом рву, неподалеку отсюда... — Беспалько ласково обнял мальчонку. — Ладно, хватит об этом... Где ты сейчас живешь, Митя?

Мальчик молчал.

Я приказал ординарцу вымыть мальчика, накормить и уложить спать.

Утром, в лютый мороз, из Михайловки к яру потянулись жители села. Шли туда и наши солдаты.

Вскоре застучали заступы о промерзшую землю.

— Вот, — глухо сказал кто-то.

Из земли торчал маленький ботиночек...

128 обезображенных детских трупов извлекли тогда наши солдаты из противотанкового рва. Гробов не было. Мертвых детей уложили на армейские повозки, прикрыли белой материей.

Траурная процессия двинулась в село. Здесь, на площади, была вырыта братская могила.

Я приказал выстроить почетный караул...

— Смотрите, товарищи! — обратился к собравшимся Беспалько. — Это дети. Они не были солдатами. Не участвовали в борьбе с врагом, не причиняли ему вреда и все равно были

безжалостно убиты озверевшими фашистами!.. Никогда не забудем мы этого злодеяния! Будем мстить! Будем безжалостно истреблять гитлеровскую нечисть...

Заголосили женщины. Опустив голову, стояли солдаты.

— Смотрите! — раздался вдруг над притихшей площадью звонкий детский голос. Миша Козуб стоял у одной из повозок. — Это Людочка, это Боря... А других узнать не могу...

Мальчик, рыдая, отошел от страшной повозки, весь не по-детски сжался от горя. [137]

Грянул ружейный салют. Как героев войны, похоронили мы маленьких мучеников села Михайловка, погибших от рук ненавистных палачей.

Я не забыл тот день и сегодня. Думаю, не забыли его и бойцы нашей дивизии.

Мы пронесли эту память по дорогам войны и крепко били фашистов. За сожженные города и села, за поруганную нашу землю. За детишек из села Михайловка. расстрелянных в глубоком противотанковом рву. Святая ненависть звала людей в бой...

* * *

26 января генерал-лейтенант Шлемин поставил задачу: обороняя прежний участок, нанести тремя батальонами удар на трехкилометровом фронте в направлении сел Сергеевка, Новый Мир; одновременно с 60-й гвардейской и 244-й стрелковыми дивизиями разгромить томаковскую группировку врага, после чего наступать на Никополь.

Эта задача была согласована с действиями войск 3-го Украинского фронта, готовившегося вместе с 4-м Украинским фронтом к началу Никопольско-Криворожской наступательной операции, в результате которой предстояло отрезать никопольскую группировку противника и уничтожить ее.

...Задача, поставленная командармом, заставила нас крепко задуматься: как выкроить для наступления три батальона и необходимую артиллерию, имея полосу обороны в 22 километра? К тому же в дивизии осталось всего две трети личного состава...

Вместе с начальником штаба майором Антоном Михайловичем Колесниковым мы еще. больше «растянули» оборону 592-го и 610-го полков: два батальона были взяты для наступления у 619-го полка, один — у 610-го. Всего для выполнения задачи командарма было выделено около 1200 стрелков и более 100 орудий и минометов с одним комплектом боеприпасов.

После рекогносцировки командирам 619-го и 610-го полков и командующему артиллерией дивизии была поставлена

ближайшая задача: овладеть селами Сергеевка и Петровка...

Чтобы скрыть истинное место и время наступления, пришлось применить ряд дезориентирующих врага маневров: бойцы то занимали ложное положение для атаки [138] южнее Томаковки, то демонстрировали передвижение в противоположную сторону, то ставили дымовые завесы далеко от будущего места наступления.

Убедившись, что боевая задача доведена до каждого воина, комбаты в течение 29 января завершили подготовку к наступлению.

Туманным, сырым утром 30 января батальоны бесшумно поднялись в атаку. Противник заметил советских воинов, когда те были всего в ста метрах от его позиций.

После мощного «ура!» наши бойцы выбили гитлеровцев из окопов. К 11 часам 619-й полк полностью очистил Петровку и закрепился на ее южной окраине.

Успеха добился и 610-й полк. Противник стал отходить из Сергеевки. Каждый командир знает, что любой бой по соотношению сил, характеру и обстановке, в которой он протекает, не похож ни на один предыдущий. Помня об этом, штаб дивизии старался в каждом конкретном случае предусмотреть возможные варианты. Однако то, что произошло дальше, мы предвидеть никак не могли...

Из-за сильного тумана усложнилась ориентировка, и 3-й батальон 610-го полка уклонился во время атаки вправо, оставив открытым двухкилометровый разрыв между соседом слева — 2-м батальоном своего же полка...

Перетрусившие было гитлеровцы, убедившись, что их не преследуют, успокоились, потом подтянули резервы и, воспользовавшись туманом, контратаковали господствующую высоту 102,3. А в это время на высоте, в отбитых окопах и блиндажах противника уже размещался наблюдательный пункт командира полка майора Гайдамаки и поддерживающего его дивизиона...

Увидев, что бой сместился вправо от намеченного направления, и словно чувствуя неладное, я приказал находящейся у меня в резерве учебной роте занять высоту и немедленно направил ее туда.

Фашисты опередили наших всего на минуту. Они уже находились на вершине высоты, в то время как курсанты только подходили к ней... На бойцов обрушился неожиданный огонь, и они повернули назад, а немцы оказались перед офицерами 610-го полка, которые находились на НП в отбитых у врага окопах.

— Враг слева! — крикнул Гайдамака, когда гитлеровцы были

уже на расстоянии не более ста метров... [139]

С НП дивизии, который размещался примерно в километре, мы с командиром корпуса наблюдали, как немцы, захватившие высоту 102,3, спокойно обстреливали отходившую в полукилометре от нас учебную роту.

— Товарищ Кузьмин, дайте огонь прямой наводкой из пушек, охраняющих НП, — скомандовал я.

— Есть, — ответил Кузьмин и сам побежал к пушкам. Но пока орудия вытащили на бугор, чтобы поставить на прямую наводку, противник укрылся в окопах.

...До сумерек шел ожесточенный бой за каждый метр окопа. Штабистам Гайдамаки удалось остановить противника, а подоспевшие солдаты отбросили его.

— За всю войну столько не стрелял из автомата, как на этой горке, — шутил уже после боя командир 610-го полка Леонтий Дорофеевич Гайдамака.

Непрерывный упорный бой за первую позицию врага продолжался четыре дня. Мощной контратакой немцы 1 февраля вернули занятый нами хутор Зеленый Гай. Мне пришлось пустить в атаку резервную 7-ю роту 619-го полка и высвободившийся 2-й батальон 610-го полка. Эти подразделения снова атаковали гитлеровцев и отбили хутор Зеленый Гай, а 3 февраля — хутора Шевченко и Ново-Борисовка.

На другой день мы возобновили атаку. 619-й полк действовал вместе с соседней 244-й стрелковой дивизией, которой удалось прорвать оборону противника и занять Сергеевку и Ново-Михайловку. Оборонявшийся 592-й полк освободил Лысогорские хутора, а 610-й хутора Шевченко и Ново-Борисовка...

Враг начал отходить. Наступила пора преследовать его...

Температура повысилась до плюсовой. Вода залила, расквасила дороги. Солдатские ботинки утопали в грязи по самые обмотки... Забуксовали и почти стали автомашины.

Я приказал все перевести на конную тягу. Взять только батальонные и полковые пушки, боеприпасы и кухни.

Но армейские лошади тоже оказались не двужильными. Двойной тягой, с помощью солдат, они тащили только половину груза, предназначенного для упряжки.

Тяжелее всех приходилось, естественно, артиллеристам, занимавшимся переброской боевой техники. В критические [140] минуты на помощь им приходили стрелки. С шутками и прибаутками, хотя сами еле передвигали ноги, бойцы вызволяли из грязи орудия и повозки с боеприпасами.

К 10 утра 5 февраля дивизия заняла Елизаветинские хутора и Южную Томаковку, а через час 619-й полк овладел селом

Борисовка. Здесь было взято в плен около полусотни мокрых, грязных, совершенно растерявшихся гитлеровцев, а также захвачено 15 автомашин с боеприпасами и различным имуществом.

На следующий день совместно с 333-й стрелковой дивизией мы сбили прикрытие противника и очистили от немцев Закаменку, Городище, станцию Марганец, освободив тем самым район марганцевых рудников.

Враг бросил в грязи более полутора тысяч автомашин, в том числе машины повышенной проходимости и гусеничные тракторы.

— Драп забуксовал... — смеялись бойцы. — Бегом оно сподручнее, конечно. Особенно без сапог...

Преследуя немцев, полки вошли в соприкосновение с их обороной на рубеже балка Каменная, высота 54,2, сады восточнее Ново-Павловки.

К исходу 7 февраля, после третьей атаки, полк майора Лембы прорвал вражескую оборону и овладел высотой 54,2. С наступлением темноты в прорыв по своей инициативе рванулся батальон капитана комсомольца Г. Б. Гогия, а за ним — весь полк. Направление — станция Никополь... Вместе с полком пошла оперативная группа. Я приказал остальным частям двигаться за 592-м.

В километре от станции полк остановился. Прислушавшись, мы уловили пыхтение паровозов и... пение. Песнями пьяные гитлеровцы то ли подбадривали себя, то ли выражали радость по поводу отбытия в тыл, подальше от губительного огня советских войск.

Но радовались они рано.

— Товарищ генерал! — обратился ко мне майор Лемба. — Разрешите развернуть полк.

— Действуйте. Когда подойдете к станции, атакуйте с мощным «ура!». Это полезно не только для морального подавления противника, но и для ориентировки своих в густом осиннике... [141]

В темноте и тумане полк развернулся в цепь и двинулся вперед.

Долго тянулись минуты ожидания. И наконец — началось!

Нет ничего приятнее для солдатского уха, чем слышать перекатистое, мощное, грозное и в то же время какое-то лихое «ура!», клич, который обычно сопутствует наступлению и победе.

Немцы побежали, не успев даже взорвать заминированное полотно и станционные постройки. Стремительный удар нашей дивизии не позволил им совершить еще одно черное дело.

Многие гитлеровцы нашли свою смерть у зданий, которые пытались поджечь или подорвать.

...Комбат 592-го полка старший лейтенант Виктор Печерский вел своих бойцов от дома к дому.

— Внимательней смотреть, — предупреждал он солдат. — Выкуривать фашистов всех до единого. Помните, даже один мерзавец может натворить много бед... — Не видел комбат, что сам шел на притаившегося врага. Заляпанный грязью немец спрятался в нише, судорожно сжимая автомат...

К полуночи 592-й полк полностью очистил от противника станцию Никополь. А к рассвету 8 февраля 203-я совместно с 333-й дивизией, а также с 5-й мотострелковой бригадой и другими соединениями 3-й гвардейской армии, наступавшими с никопольского плацдарма, освободили город Никополь.

В освобожденном городе мы хоронили нашего товарища старшего лейтенанта Виктора Львовича Печерского. Это был человек удивительной отваги: только за последние четыре месяца боев он был награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны... Сейчас в Никополе одна из улиц названа его именем. Построен мемориал в селе Приднепровка.

В городе и его пригородах Лапинка и Сулицкое мы захватили огромные трофеи. По дороге, ведущей к селу Грушевка, в несколько рядов стояли тягачи, бронетранспортеры, метательные аппараты реактивного действия, шестиствольные минометы, автобусы, подвижные мастерские. Бойцы обнаружили также брошенные рации, станки, инструмент, боеприпасы, медицинское оборудование, штабные документы. [142]

Одних только автомашин было захвачено несколько тысяч.

— Со всей Европы-матушки понавезли, — говорили солдаты, читая на эмалированных эмблемах названия фирм: «Опель», «Манн», «Мерседес-Бенц», «Рено», «Фиат», «Шкода», «Ситроен», «Форд»...

— Не один немецкий корпус будет теперь топать пешком...

За овладение Никополем Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам 3-го и 4-го Украинских фронтов.

19 февраля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР наша 203-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Высокие правительственные награды получили многие солдаты и офицеры. Ордена Ленина были удостоены начальник политотдела дивизии подполковник И. Ф. Беспалько и автор этих строк. [143]

Здравствуй, Черное море!

Наступление от Никополя до Одессы продолжалось ровно два

месяца. Развернулось оно в очень тяжелых условиях ранней весенней распутицы.

В прошлых войнах активные наступательные действия весной и осенью обычно не проводились. Противоборствующие стороны зарывались в землю и вели бои местного значения, занимались разведкой. Гитлеровцы надеялись и теперь отсидеться в распутицу. Но командование Красной Армии не могло позволить противнику совершенствовать оборону, накапливать резервы.

Ставка приняла решение лишить врага спасительной передышки, прервать ее внезапным наступлением именно в распутицу. Выполняя приказ, нашим войскам пришлось преодолевать ставшие непроходимыми дороги, разлившиеся реки, сотни заполненных грязью и водой лощин и оврагов. И все это — при самом ожесточенном сопротивлении врага.

По вязкой грязи, из которой солдаты с трудом вытаскивали ноги, части дивизии выдвинулись 10 февраля из Никополя и развернулись для наступления на Грушевку.

По высокому западному берегу реки Базавлук оборонялись остатки двух немецких пехотных дивизий и свежий пехотный полк, занявший предварительно укрепленные позиции.

Наш берег был низкий. Почти на полтора километра залила его талая вода, из которой местами виднелись только верхушки кустарника и камыша.

Фашисты намеревались оказать здесь яростное сопротивление: позади них, между городом Апостолово и Днепровскими плавнями, оставался узкий, не более 20 километров, проход для отвода войск разгромленной никопольской группировки. [144]

Потеря автотранспорта и распутица заставили немцев осуществлять снабжение войск с помощью авиации. Этим и объяснялось то, что утром 12 февраля над вышедшей из берегов рекой появились 24 транспортных самолета.

— Как бомбы, так нам... А как харчи, так по ту сторону окопов... — ворчали бойцы, наблюдавшие, как медленно, тяжело плывут по небу машины со свастикой.

— Давай сюда! — смеялись некоторые из них и даже махали шапками: — Давай бросай, поймаем!

Чем объяснить — не знаю, но немецкие транспортные самолеты действительно стали сбрасывать свой груз в расположении наших войск...

Для уточнения задачи я пришел на наблюдательный пункт 610-го полка.

— Товарищ генерал... — начал по-уставному докладывать майор Гайдамака, но его доклад оборвала автоматная очередь.

Леонтий Дорофеевич схватился за грудь, и я увидел, как под пальцами на гимнастерке проступают кровавые пятна...

Майор рухнул навзничь. Пытаясь удержать его, я оглянулся и в двух шагах от себя заметил нашего автоматчика. В его широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Убейте меня!.. Убейте меня!.. — закричал он и опустился на колени перед командиром. — Я не знал, что автомат неисправный, — рыдал солдат. — Я не знал... Убейте меня... Зачем только я взял его в руки!..

Этот трагический случай потряс всех.

Хотелось тут же пристрелить растяпу, который небрежно обращался с оружием... Но никто не тронул его. Потом солдата судил трибунал и отправил в штрафную роту...

А мы потеряли лучшего командира полка, прошедшего гражданскую войну и многие сражения и испытания Великой Отечественной, нашего дорогого щорсовца Леонтия Дорофеевича Гайдамаку.

Никогда не забуду, как медленно удалялась в тыл по раскисшему лугу армейская повозка, увозившая смертельно раненного офицера, и как понуро шли за ней солдаты 610-го, провожавшие его.

Командиром полка вместо Гайдамаки был назначен майор Андрей Максимович Гурский. [145]

Два десятилетия я, как и многие в дивизии, считал Гайдамаку погибшим. И только в мае 1965 года случайно услышал удивительную весть: жив наш дорогой Леонтий Дорофеевич! Обосновался и работает в Луцке...

После трехдневных упорных боев наши части заняли Грушевку, а вскоре и хутор Грушевский. Перейдя затем в Шолохово, немного отдохнув и приведя себя в порядок, дивизия двинулась все по той же непролазной грязи к селу Большая Костромка.

16 февраля, около полудня, части дивизии сбили с промежуточного рубежа войска противника и, свернувшись в батальонные колонны, стали преследовать его...

При отходе враг зверски расправлялся с жителями, взрывал мосты, сжигал дома, применяя повсеместно «тактику выжженной земли».

Внезапно повалил сильный снег. На головах солдат, на машинах и повозках образовались снежные шапки. Видимость резко ухудшилась.

— Боевому охранению быть начеку, — приказал я начальнику штаба.

Постепенно снег сменился дождем... Идти стало неимоверно трудно: под сапогами глубокое снежное месиво, одежда промокла насквозь.

Наступили сумерки. Немцы, занявшие подготовленную позицию, открыли сильный огонь. Наша пехота залегла в открытом поле. А к ночи потянул холодный ветер, резко упала температура. Утром термометр показывал 18 градусов мороза.

Одежда на воинах обледенела, их одолевал сон.

Надо было немедленно обсушиться, обогреться, но в радиусе пяти километров не было ни жилья, ни топлива...

Что делать? Как бороться с бедствием?

Посоветовавшись с врачами, я послал в передовые подразделения всех штабных офицеров и политработников. Задача одна: не допускать, чтобы солдаты заснули.

Тут же были приняты и другие меры: на передовую подвезли топливо, обеспечили людей горячим чаем, выдали двойную порцию водки.

Обмороженных эвакуировали в штабные землянки. Через некоторое время в подвалах и уцелевших сараях удалось разжечь костры. Возле них по очереди отогревались солдаты... [146]

Новый командир 610-го полка майор Гурский доложил с передовой:

— Все автоматическое оружие покрыто толстым слоем льда и не действует...

— А если враг предпримет атаку?

— Это тревожит и меня, — сказал он. — Послал разведчиков посмотреть, что делается у противника. Они ворвались в немецкие окопы и через пятнадцать минут притащили оттуда более двадцати солдат и восемь пулеметов. А главное — без потерь... Думаю, теперь атаки не будет.

Утром, немного отогревшись, полки, не открывая огня, перешли в наступление и захватили немецкие позиции. Там было обнаружено много трупов вражеских солдат — они замерзли в

обледенелых окопах...

Преодолевая снежные заносы, дивизия подошла вечером к рубежу обороны врага восточнее села Большая Костромка. Тут у противника имелись окопы полного профиля, дзоты и блиндажи с обогревом.

Встретив мощный ружейно-пулеметный огонь, наши полки были вынуждены залечь вне населенных пунктов и стали с трудом окапываться.

Погода стояла отвратительная: бушевала метель, ветер валил с ног, снег слепил глаза. И снова холод, промозглый, сковывающий...

— Добывать тепло у врага, — передал я по рации командирам полков.

— Приготовиться к атаке, — скомандовал по телефону своим батальонам майор Лемба. — Будем не только бить врага, но и выгонять его на мороз...

Через 10 минут 592-й полк перешел в атаку. Она была такой молниеносной, что немецкие солдаты, гревшиеся в блиндажах, не успели даже вернуться в окопы...

Бой подкатился к блиндажам.

С особой яростью бились за них фашисты. Они понимали: если их выбьют из блиндажей и окопов, тогда — смерть. И дрались исступленно...

— В цепи раненые, — услышали зов о помощи девушки-санинструкторы.

Первой бросилась на голос Даша Власенко. Но на полпути пуля сразила ее.

Коммунистка Нина Якушевич, тоже пытавшаяся оказать помощь раненым, была смертельно ранена. [147]

Увидев это, комсомолка Зоя Врублевская решила идти в обход. И дошла. Перевязала раненых, вытащила в безопасное место...

26-ю годовщину Красной Армии дивизия встретила в обороне. Торжественное собрание актива мы провели в хуторе Сич. Я сделал доклад.

Уже целую неделю стояли сильные морозы и бушевала метель. Дивизии 66-го стрелкового корпуса, в состав которого входила и 203-я, совершили несколько перегруппировок с единственной целью: предоставить солдатам возможность немного обогреться в уцелевших домах сел и хуторов. У командиров всех степеней и рангов была одна забота — не дать людям замерзнуть, не допустить обморожений. Но совсем избежать этого не удалось. Около двадцати солдат нашей дивизии обморозили руки, ноги, лица...

А на передовой продолжались поиски разведчиков, шли небольшие бои силами от роты до батальона.

Только 25 февраля после тщательной подготовки и дружной атаки дивизия овладела первой позицией, а на следующий день прорвала на всю глубину оборону врага и стала преследовать его по пятам.

Вместе с 244-й стрелковой дивизией, которая наступала справа, и 61-й гвардейской, которая шла левее нас, мы продвинулись на 30 километров и освободили населенные пункты Потемкино, Марьяновка, Высокополье, Нейдорф.

Во второй половине дня 29 февраля 203-я вышла к реке Ингулец в районе Суворово, Ивановка, Красный Яр и встретила сильный огонь противника.

Ночью вместе с солдатами 610-го полка мы с оперативной группой дивизии после 20-километрового марша вошли в село Красный Яр.

И вдруг со всех сторон раздались выстрелы. Послышалась русская и немецкая речь.

В кромешной тьме оперативная группа залегла и стала отползать к окраине: надо было выждать, пока разведка определит, где свои, где чужие...

Выяснилось, что наши солдаты, войдя в дома обогреться, стали будить спящих. А в селе, оказывается, обосновались отошедшие немецкие части.

Подоспевшие подразделения полка прочесали село. В ночном бою было убито около 100 гитлеровцев и 50 [148] взято в плен. «Вы нас измотали совершенно, — говорил на допросе пленный немецкий офицер. — Мои солдаты просто валились с ног и засыпали, как только останавливались...»

* * *

В конце февраля — начале марта 6-я немецкая и 3-я румынская армии в составе тридцати четырех дивизий предприняли активные действия, стремясь воспрепятствовать подходу войск 3-го Украинского фронта к реке Ингулец и ее форсированию. По замыслу противника этот рубеж должен был стать одним из основных на николаевско-одесском направлении. А именно сюда по указанию Ставки Верховного Главнокомандования и был направлен удар нашей 6-й армии.

Родион Яковлевич Малиновский, выполняя поставленную фронту задачу, решил провести сперва Березнеговато-Снигиревскую наступательную операцию. Операция началась 6 марта. Суть ее состояла в том, чтобы с плацдармов южнее Кривого Рога в общем направлении на Новый Буг расколоть фронт 6-й фашистской армии, ввести в прорыв подвижную

кавалерийскую группу генерала И. А. Плиева и, развернув ее потом на юг, ударить по тылам вражеских войск, действовавших восточнее Николаева.

В условиях весенней распутицы кавалеристы Плиева представляли очень грозную силу. Пожалуй, ни одно механизированное подразделение врага не могло противостоять лихим конникам в сложившейся ситуации.

Наша дивизия имела задачу форсировать Ингулец, овладеть селом Софиевка и наступать дальше, на Равнополье.

В ночь на 2 марта удалось найти брод и незаметно преодолеть реку, броском продвинуться на 200–300 метров и под сильным огнем противника закрепиться на правом берегу Ингульца.

В следующую ночь по этому же броду переправился первый батальон 610-го полка...

Враг принял спешные меры по укреплению своей обороны и, яростно контратакуя, стремился сбросить наши батальоны в реку.

И снова создалось своего рода равновесие сил. Все дивизии 6-й армии по нескольку раз атаковали врага, но [149] оставались на занятых позициях: немцы имели перевес и в живой силе, и в технике. К тому же наши орудия застряли в районе Шолохово и на реке Базавлук.

У нас в дивизии главная трудность состояла в том, что не хватало боеприпасов. По густой, похожей на раскисший студень грязи не смогли дотянуться до передовых частей обозы. Автотранспорт фактически остановился.

Поэтому были приняты срочные меры по доставке боеприпасов, изыскивались новые средства для их транспортировки.

Кроме офицеров тыла ответственными за доставку снарядов, мин, патронов стали заместитель начальника политотдела дивизии майор В. В. Пронин и агитатор майор П. Ф. Рожек.

На призыв коммунистов активно откликнулись местные жители.

— Мы свои земли знаем, привычны к распутице, — говорили они. И многие граждане стали добровольными помощниками воинов. Они привели сохранившихся при оккупации колхозных лошадей, волов и даже коров. Благодаря этому мы смогли доставить войскам хотя бы часть потребной нормы...

Успеху операции сопутствовали действия правого крыла фронта. После упорных боев именно там была прорвана оборона противника, и в прорыв, пришпорив коней, ушли плиевцы. 8 марта конники ударили в тыл войскам, действовавшим перед нашим фронтом в районе Березнеговатое, Снигиревка.

Гитлеровцы были вынуждены маневрировать частями, сняли некоторые из них с передовых позиций.

Тогда и перешла в наступление наша 6-я армия.

10 марта 610-й и 619-й полки сбили противника в районе Орлово и, преследуя его, заняли Натальино, Благодатное и Петровский, выйдя к вечеру на рубеж Равнополье, Ново-Братский.

Здесь противник встретил нас сильным фронтальным огнем из Александровки и фланговым огнем слева, с северной окраины Ново-Павловки. Чтобы сбить его с этого рубежа, мы в течение трех дней по два-три раза атаковали врага, но только 13 марта части дивизии отбросили немцев и с ходу преодолели реку Висунь в районе села Калузское. К вечеру мы вышли на рубеж северо-восточнее окраины сел Новоселки, Романовка. [150]

...Останавливаясь на промежуточных рубежах, враг, Как правило, не занимал залитые водой, очень грязные лощины, а только наблюдал за ними с более сухих мест. Не думали фашисты, что именно эти балки станут основными дорогами для советских воинов в те дни...

Дождь вперемешку со снегом не только ухудшал видимость, что в данном случае было нам на руку, но и создавал колоссальные трудности для продвижения...

И все-таки 14 марта, обойдя по лощинам передовые части противника, дивизия ударила во фланг и заняла Новоселки — большой укрепленный узел врага. Затем таким же путем, снова зайдя во фланг оборонявшимся гитлеровцам, действуя вместе с 244-й стрелковой дивизией, мы заставили немцев отступить от поселка Березнеговатое...

Быстрому преследованию врага мешала погода: три дня лил дождь со снегом. И снова непроходимая грязь задержала на полтора-двое суток даже полковые орудия.

Боеприпасы доставлялись в мешках, которые навьючивали на лошадей, волов и... коров. Переносить мешки помогали жители. Питались же солдаты в основном за счет местных ресурсов и захваченных трофеев.

Обо всем этом хорошо знал командир 66-го стрелкового корпуса Д. А. Куприянов, и все же он поставил перед дивизией новую задачу. Нам предстояло обойти с юга Ново-Александровку, овладеть Большой Белозеркой и станцией Грейгово, к исходу дня форсировать Ингул у села Пересадовка и захватить плацдарм на западном берегу. Таким образом, за день надо было пройти с боями более сорока километров. Это была явно невыполнимая задача. Но воины, напрягая последние силы, все-таки шли вперед.

Утром, подходя к селу Красный Став, мы услышали сильную ружейно-автоматную перестрелку. Оказалось, что передовая

разведка скрытно вошла в село, обнаружила там спящих немцев и захватила их врасплох. Многих взяли в плен, вражеский гарнизон был разбит.

Особую смелость и смекалку проявил при этом сержант 619-го полка Георгий Дементьев. Он по оврагу пробрался в тыл врага, затем в сумерках подполз к стогу, из которого бил станковый пулемет, и забросал его гранатами. Дементьев уничтожил десять фашистских захватчиков, а восемь раненых гитлеровцев подняли руки... [151]

...Вечером 16 марта дивизия заняла железнодорожную станцию Грейгово, и я распорядился, чтобы уставшим, промокшим солдатам была дана передышка.

Попавшие в огненные тиски между наступающими с фронта советскими частями и конниками Плиева, действовавшими у них в тылу, немецкие подразделения бессмысленно метались из стороны в сторону. Ситуация сложилась такая, что целые батальоны противника в сплошной мгле предвесенних снегопадов вплотную подходили к нашим частям. Только на расстоянии нескольких метров выяснялось, что встретились противоборствующие стороны. Чаще враг сдавался, но иногда оказывал яростное сопротивление, нередко схватки доходили до рукопашной.

Преследуя гитлеровцев, части нашей дивизии к полудню 17 марта подошли к Ингулу.

— Сосед слева — 243-я дивизия отстала более чем на три километра, — доложил начальник штаба Колесников.

— Что справа? — спросил я.

— Справа наших стрелков нет, но должны быть конники.

В это время два батальона немецкой пехоты буквально цепью шли к северу, стремясь выйти к мосту через Ингул у села Михайловка. Попали же они как раз в разрыв между 203-й и 243-й дивизиями, а затем вышли в тыл нашим полкам.

Неожиданно поднявшийся ветер быстро изменил погоду: снегопад прекратился, и в сероватой весенней мари мы увидели примерно в полутора километрах фашистские цепи, идущие слева прямо на НП дивизии.

На наблюдательном пункте в то время не было даже охраны. Отсутствовала связь с командиром корпуса, с соседом слева...

«Через полчаса фашисты смогут пройти через НП дивизии и создать угрозу быстрого охвата всех полков с тыла... — думал я. — А потом — мосту Михайловки, и они выйдут из окружения...»

Положение создалось критическое.

— Товарищ генерал, разрешите отправиться в 243-ю дивизию

и передать вашу просьбу, чтобы их полк атаковал врага, — обратился ко мне начальник оперативного отделения.

Это действительно был в тот момент единственный выход. Но пока офицер доберется, пока объяснит обстановку, [152] пока соседний полк запросит разрешение атаковать, пока получит команду... Сколько уйдет времени! Мысленно прикинув все это, я отклонил предложение и решил сам отправиться к соседу.

Вместе с адъютантом старшим лейтенантом Тимченко мы сели на коней и поскакали в расположение 243-й.

В глубокой пахоте вязли кони, ветер бил в лицо, летящие из-под копыт комья грязи были похожи на снарядные осколки.

— Где командир батальона? — спросил я залегших на краю оврага бойцов 243-й дивизии.

— У командира полка, — ответил кто-то. — Вон там, в тылу.

Делать было нечего. Сбросив плащ-палатку, чтобы солдаты увидели генеральские погоны, я вышел перед залегшей цепью правофлангового полка 243-й стрелковой дивизии.

— Товарищи, я командир соседней 203-й дивизии. В километре отсюда два фашистских батальона пытаются прорваться из окружения. Наши полки пока не видят опасности с тыла, а связи с ними у меня нет. Связь — только с вами. На вас и надежда. Приказываю, за мной, в атаку, вперед!

Бойцы поднялись неохотно, но, стремясь не отстать от меня, побежали следом и бросились в атаку.

Мы подоспели вовремя: за гребнем высоты, прямо перед нами, был фланг рвущихся к мосту гитлеровцев.

Наши открыли огонь. Немцы заметались и залегли. А нам только того и надо было. Части 243-й дивизии, успев перестроиться, ударили по врагу из артиллерии и минометов.

— Спасибо, орлы! — поблагодарил я бойцов соседней дивизии. — Молодцы, выручили... До скорой встречи! — И поскакал с Василием Тимченко в сторону своего НП.

Враг заметил двух всадников. По нас открыли огонь из минометов и даже из пулеметов. Метрах в двухстах от НП моя Планета оступилась, зашаталась и рухнула — осколок мины пробил ей грудь.

* * *

17 марта дивизия получила новую боевую задачу — форсировать Ингул... [153]

Противник словно почувствовал это и систематически производил массированные артиллерийско-минометные налеты по нашему переднему краю.

Во время рекогносцировки всего в метре от меня разорвалась мина. Я был контужен, потерял слух, но провел рекогносцировку

до конца...

Беда никогда не приходит в одиночку. На НП мне передали записку: «В плечо ранен Беспалько. Отправлен в госпиталь». Очень встревожила меня весть о ранении Игнатия Федоровича. К тому же в дивизии не было в тот момент и начальника 1-го отделения штаба. Вышли из строя сразу два старших офицера. Поэтому, несмотря на плохое самочувствие, мне пришлось продолжать работу.

18 марта 592-й и 610-й полки перед рассветом на подручных средствах форсировали Ингул и, взаимодействуя с 244-й стрелковой дивизией, наступавшей справа, выбили гитлеровцев из села Пересадовка.

Бойцов окружили попрятавшиеся во время боя местные жители.

— Заждались вас, родные... — радостно говорили они. — Может, надо чем помочь?

Помощь их была очень кстати: нам требовалось перебросить через реку боеприпасы.

Сразу откуда-то из кустов были извлечены лодки, и пересадовцы дружно взялись за дело. Особенно успешно действовал колхозник И. Д. Ковтун. Он не только целый день перевозил боеприпасы, но сам нагружал и сгружал их. За это командование объявило ему благодарность.

При форсировании реки отличились многие воины. Нелегко было вплавь добираться до правого берега, но ефрейтор М. С. Никишев из 592-го полка первым бросился в воду и увлек за собой бойцов... Находчиво действовал старший сержант роты противотанковых ружей 419-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона И. С, Поляков. Он незаметно подкрался к двум немецким пулеметам и несколькими выстрелами уничтожил их расчеты...

От Пересадовки до Терновки было всего около двадцати километров, но на этом участке пять дней шли ожесточенные бои. Местность здесь была очень холмистая. Нашу полосу наступления пересекало пять глубоких балок, и за каждой из них оборонялся враг.

Мы сбили противника с шести рубежей. Пленные [154] 156-го отдельного мотобатальона показали, что немцы отходят через Терновку к городу Николаев.

Воинам 203-й приходилось просто вгрызаться в оборону противника, и дивизия несла потери.

В этих упорных боях тяжело ранило командира 592-го полка майора Павла Тимофеевича Лембу. Это был смелый и заботливый командир. Солдаты любили и уважали его. Весть о тяжелом

ранении майора потрясла их. Но больше всех горевал сын полка Коля Тимонин, которого Лемба обучал и воспитывал, как родного сына.

Командиром 592-го стрелкового полка был назначен майор Анатолий Михайлович Колесников, исполнявший до того обязанности начальника штаба. А штаб дивизии возглавил полковник Александр Васильевич Семенов, ранее работавший в штабе 6-й армии в качестве заместителя начальника отдела по изучению и обобщению опыта войны.

При первой встрече с Семеновым я выразил надежду, что теперь наша дивизия будет воевать особенно успешно, в соответствии с обобщенным боевым опытом.

— Вы правы, генерал, — улыбнулся Александр Васильевич. — Обязательно постараемся применить этот опыт на практике...

На должность начальника 1-го отделения вскоре прибыл майор Давид Самойлович Левин, очень смелый, решительный и настойчивый офицер.

В течение пяти дней все дивизии 66-го корпуса 6-й армии ежедневно предпринимали по нескольку атак, но продвижение было незначительным. 22 марта подошли наконец гаубичные батареи и подвезли боеприпасы. Только после того как наши артиллеристы уничтожили 13 вражеских пулеметных точек и подавили 2 минометные батареи, части 203-й продвинулись до окраины села Терновка, что в 10 километрах севернее города Николаев. Однако немцы оказали и здесь еще более упорное сопротивление: им нужно было успеть эвакуироваться.

Ближайшие подступы к Николаеву обороняли с севера части 302-й пехотной дивизии и отдельный батальон. Противник выстроил хорошо оборудованные позиции вдоль железной дороги западнее Терновки, а также на ее северной и восточной окраинах. Эти укрепления словно бы запирали вход в горловину, образуемую реками Южный Буг и Ингул. [155]

Наша дивизия наступала с севера на юг на трехкилометровом фронте совместно с 244-й стрелковой дивизией, справа и 61-й гвардейской стрелковой дивизией слева. Полки 203-й шли в одной линии: справа — 619-й, в центре — 610-й и слева — 592-й.

Гитлеровцы не жалели боеприпасов и непрерывно обстреливали наши боевые порядки из орудий всех калибров. Мы же из-за отсутствия мин и снарядов атаковали их без поддержки артиллерии и главным образом ночью, когда мороз чуть сковывал дороги, почву.

Выбить гитлеровцев из первой линии траншей удалось только 26 марта. И тут же, одну за другой, они обрушили на нас четыре контратаки, чтобы вернуть утраченные позиции.

Наш артиллерийский полк под командованием майора Клюки помогал нам отбивать атаки противника, но боеприпасы были ограничены, расходовались экономно.

— Я же сам из Николаева, товарищи. Я вижу свой дом, честное слово, — радостно говорил майор на своем НП. — Николаев — это все равно что Одесса. Только лучше. Освободим — увидите.

Не увидел отважный артиллерист своего родного города: 150-миллиметровый тяжелый немецкий снаряд угодил точно в НП. Майор Клюка погиб...

Артполком стал командовать майор Василий Георгиевич Калинин, начавший войну в нашей дивизии командиром батареи...

К исходу дня 27 марта 619-й и 592-й полки совместно с соседними подразделениями окончательно сломили сопротивление фашистов у Терновки и на следующий день достигли Ингула в районе верфи, на северной окраине Николаева. С помощью местных жителей солдаты, не теряя времени, стали переправляться на подручных средствах на еще занятый врагом берег. К рассвету там было уже около пятисот наших бойцов...

— Товарищ генерал, вас вызывает командарм, — доложил мне радист.

— Приказываю прекратить наступление, — услышал я голос генерала Шлемина. — 5-я ударная и 28-я армии уже очистили город от противника. Как бы в пылу атаки вы не ударили по своим...

28 марта 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам, участвовавшим [156] в боях за освобождение областного центра Украины и крупного порта города Николаев. В числе других благодарность получила и 203-я дивизия.

Днем в Терновке по этому радостному поводу состоялся митинг частей дивизии с участием местных жителей. За полчаса до того у меня на НП зазуммерил телефон:

— Товарищ генерал, разрешите выступить на митинге?

— Кто говорит? — спросил я.

— Подполковник Беспалько. Прибыл в строй...

Подлечившийся после ранения Игнатий Федорович выступил с особым подъемом. Возгласами «ура!» встретили бойцы его сообщение, что части 2-го Украинского фронта вышли на государственную границу с Румынией.

— Теперь дело пойдет! — уверенно говорили бывалые солдаты...

* * *

И дело действительно пошло. Сразу после освобождения Николаева войска 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом начали Одесскую наступательную операцию. Цель ее состояла в том, чтобы освободить город и порт Одесса и разгромить южное крыло немецко-фашистского фронта.

В этой операции принимала участие и 203-я дивизия, входившая в 66-й стрелковый корпус 6-й армии.

...К вечеру 28 марта дивизия сосредоточилась в селе Матвеевка и стала готовиться к форсированию Южного Буга.

— Ширина водной преграды более двух километров, — докладывал начальник штаба полковник Семенов. — На правом берегу сильная оборона, две сплошные траншеи с дзотами и дотами...

Ночью майор Гурский расставил и замаскировал все орудия своего 610-го полка, подготовившись для удара прямой наводкой по вражеским укреплениям.

Как только рассвело, он принялся наблюдать за противоположным берегом. Опытный глаз сразу уловил что-то необычное...

— Командира взвода разведчиков ко мне! — приказал командир полка. — Бери своих молодцов, сажай в [157] лодки — и к тому берегу! — сказал он комвзвода. — Да не очень волнуйся. Сдается мне, враг отошел с позиций...

И Гурский был прав. Разведка вскоре подтвердила: противника в окопах нет.

Тогда майор приказал полку начать переправу и позвонил мне.

— Вы что-то путаете, Андрей Максимович, — сказал я, выслушав Гурского. — Немедленно выезжаю к вам.

Когда я приехал на НП командира полка, тот доложил, что на противоположном берегу уже находится более батальона его солдат, но там все тихо.

Как оказалось, немцы, опасаясь окружения прорвавшихся севернее нас соединений правого крыла фронта, отошли от Южного Буга...

Так, без боя, в тот же день наша пехота с пулеметами и минометами переправилась через реку и начала преследовать врага. Артиллерия и обозы пошли в обход к северу, на мост, в поселок Новая Одесса.

А ночью вся наша дивизия опять собралась вместе: артиллерия, обозы и кухни нагнали полки.

Враг оказал сильное сопротивление только на западном берегу Тилигульского лимана. Части 244-й и 333-й стрелковых

дивизий и 61-й гвардейской стрелковой дивизии в ночь на 2 апреля форсировали лиман в районе Златоустовка, Лысенково, сбили гитлеровцев с рубежа и 4 апреля продолжали преследование.

Наша же дивизия обошла лиман севернее села Гульево, заняла село Шомполы и двинулась на Павлинку.

И опять, в который раз, мы преследовали врага в страшную непогоду. Вплоть до 6 апреля бушевал циклон, шел снег вперемешку с дождем, дул пронизывающий ветер, промокшие до нитки солдаты просто заледенели. А тут еще из-за отсутствия горючего остановились орудия на механической тяге, отстали тылы дивизии, стало худо с питанием...

Но, несмотря ни на что, к утру 6 апреля дивизии нашего корпуса, опрокинув врага, подошли к Куяльницкому лиману на участке Игнатовка, Вандалиновка.

Совершив 25-километровый ночной марш, 610-й полк подошел к верховью Куяльницкого лимана. Здесь его ширина не превышала 150 метров. Майор Гурский приказал с ходу преодолеть водную преграду и первым ступил в темную, холодную жижу. Поднявшись на берег, бойцы [158] оказались в селе Малая Севериновка. В первой же хате хозяйка, увидев майора, всплеснула руками: «Никак свои!» — и быстро-быстро, взволнованно заговорила. Из обрушившегося на него потока слов Гурский понял одно: в селе полно немцев...

Командирам батальонов капитанам Николаю Блохе и Михаилу Жежелю было приказано прочесать село. 77 немецких солдат и офицеров сразу сдались в плен. Остальные 200 попытались было бежать, но безуспешно. Наши бойцы захватили у врага 10 пулеметов, 11 автомашин и много различного имущества.

— Не понимаю, ничего не понимаю, — говорил на допросе пленный фашистский офицер. — Откуда взялись ваши солдаты?.. С севера село прикрывало боевое охранение, а с востока мы были защищены непроходимым лиманом...

На подступах к Одессе противник заранее подготовил ряд оборонительных сооружений, а кроме того, намеревался использовать и наши укрепления, созданные еще в 1941 году для обороны города... Но ему так и не удалось сдержать советские войска.

Преодолев Куяльницкий лиман, дивизии 66-го стрелкового корпуса к исходу 7 апреля вышли к заболоченному затону Хаджибеевского лимана, имевшего только один мост у села Большое Фестерово. Здесь их остановил вражеский огонь. Но под нажимом 8-й армии, наступавшей справа и намного впереди нас,

фашисты были вынуждены отойти в юго-западном направлении.

В ночь на 8 апреля 610-й и 619-й полки, преследуя противника, отрезали в районе села Палиово группу гитлеровцев силою до двух батальонов. В завязавшейся перестрелке часть их была уничтожена, а остальные сдались в плен.

К этому времени воинственный пыл фашистских головорезов заметно поостыл. Красная Армия гнала и била их, не давая передышки, хотя они все же отчаянно сопротивлялись.

Наш корпус наступал на Одессу с северо-запада. Чтобы дать возможность отойти из города главным силам, враг упорно дрался здесь на железной дороге в районе станции Выгода и к востоку от нее...

9 апреля части овладели селом Выгода, но взять железнодорожную станцию не смогли. Тогда командир корпуса [159] генерал-майор Д. А. Куприянов произвел маневр 333-й и 244-й дивизиями. Нащупав брешь в обороне противника, войска корпуса легко преодолели железную дорогу в районе станции Дачная. За дивизиями пошли и два наших полка — 610-й и 619-й.

Обходный маневр корпуса не остался незамеченным. Противник под давлением 592-го полка ушел со станции Выгода, бросив в вагонах, стоявших на путях, множество военного имущества.

В ночь на 10 апреля полки, преследуя гитлеровцев, подошли к селу Дольник, но, наткнувшись на интенсивный ружейно-пулеметный огонь, залегли.

Следовавшие с передовыми частями батареи 1037-го артполка, пользуясь темнотой, выдвинулись вперед и прямой наводкой ударили по немецкой и румынской пехоте. Неожиданное появление артиллерии вызвало такую панику, что неприятель тут же прекратил сопротивление и побежал, бросив даже исправные машины.

И еще отличились наши артиллеристы у поселка Застава. Обнаружив вражеский полевой аэродром, батарея старшего лейтенанта Хапаева ударила по нему прямой наводкой. Рухнули на землю пытавшиеся взлететь два самолета, а батальон аэродромного обслуживания разбежался, оставив артиллеристам все свое имущество.

К утру 10 апреля дивизии 66-го стрелкового корпуса отбросили противника на западную окраину Одессы и с ходу стали штурмовать город.

Первым из нашей дивизии рано утром ворвался на одесские улицы в районе железнодорожной станции и заводов 592-й стрелковый полк. Южнее его наступали 619-й и 610-й полки...

Где преодолевая сопротивление, где обходя засевших в домах

фашистов, полки 203-й стрелковой дивизии к 9 часам овладели товарной станцией, к 11 часам подошли к пассажирскому вокзалу, а вскоре после полудня вышли на берег моря всего в километре южнее Отрады.

Перед отступлением фашисты взорвали порт, вокзал, оперный театр, электростанцию, завод имени Ленина, некоторые здания, наиболее ценные в архитектурном отношении. Но в результате быстрого натиска наших войск были спасены многие уже подготовленные к взрыву объекты.

Таким образом, к полудню 10 апреля советские войска [160] очистили Одессу от неприятеля. В связи с этим уместно вспомнить, что гитлеровцы и их прихвостни, чтобы захватить Одессу в 1941 году, вели кровопролитные бои на протяжении двух с половиной месяцев. Эта «победа» стоила им 100 тысяч убитых и раненых. Теперь, в 1944 году, Красная Армия наголову разбила фашистов и освободила Одессу наступлением с ходу. Это ли не пример замечательного превосходства советской военной стратегии!

За отличные боевые действия при освобождении Одессы личный состав дивизии снова получил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Вся Одесса вышла встречать своих освободителей.

Я был свидетелем, как одесситы дотошно выпытывали у бойцов, нет ли у тех родственников в городе. «Найдем мигом!» — заверяли они. Но ни у кого из солдат не оказалось родственников в Одессе.

— Ну, коли нет, пусть обязательно будут, — на полном серьезе убеждали одесситы молодых бойцов. — Кончите войну, приезжайте к нам. Девушки у нас — что надо. А иметь жену-одесситку — это, ребята, не так уж плохо...

Бойцы от души смеялись. Они не знали, можно ли всерьез принимать такие слова, ведь одесситы повсюду слыли завзятыми шутниками...

Но жители Одессы умели не только шутить. Десятки тысяч человек влились здесь в ряды Красной Армии. Большое пополнение пришло также в нашу дивизию. И должен сказать, многие новобранцы показали в последующих боях образец отваги и геройства.

...Завершив бои за Одессу, дивизия сосредоточилась в селе Нерубайское для отдыха и приведения в порядок всех частей и подразделений.

На партийных собраниях частей, на партактиве соединения, на совещаниях офицерского состава были подведены итоги прошедших боев.

За 60 дней наступления от Никополя до Одессы дивизия прошла с боями в тяжелых условиях распутицы около 450 километров, освободив 65 населенных пунктов. За этот период было уничтожено около 1600 вражеских солдат и офицеров и 400 взято в плен. Захвачено 25 орудий, много различного вооружения, 148 тягачей и автомашин. Уничтожено 10 орудий, 25 пулеметов и свыше 300 автомашин с имуществом и боеприпасами. [161]

Дни испытаний и мужества

18 апреля наша отдохнувшая и пополнившаяся 203-я совершила новый переход. На этот раз — к городу Тирасполь. Перед нами лежала Молдавия, ласковый, солнечный край.

Полки расположились по Днестру. Бойцы любовались первой яркой зеленью холмов и рощ, а мы изучали карты. На сей раз вести боевые действия предстояло в новом районе, резко отличавшемся от всех предыдущих. Мы привыкли воевать на равнине, научились обороняться и наступать, совершать быстрые маневры и дальние переходы, форсировать серьезные водные преграды. Теперь мы попали в гористую местность, и каждый отлично понимал, что боевые действия в горах потребуют особой сноровки, что нужна новая тактика.

Как будут чувствовать себя в новых, непривычных условиях бойцы? Опять требовалось кропотливо и настойчиво учить их. Но мы привыкли к этому: в течение всего пройденного боевого пути дивизия училась побеждать и, побеждая, снова принималась за учебу...

Теперь при штабе находился и свой переводчик — наш храбрый санинструктор молдаванка Мальвина Радошовецкая.

* * *

Ко второй половине апреля 82-й стрелковый корпус 37-й армии овладел плацдармом на западном берегу Днестра в районе сел Кицканы и Копанки, а нам предстояло идти дальше. С целью расширить плацдарм командующий 6-й армией генерал-лейтенант Шлемин поставил задачу: 203-й и 333-й стрелковым дивизиям в ночь на 25 апреля прорвать оборону врага на фронте шириною до трех километров и овладеть северной частью села Кирпацен с последующим выходом на господствующую высоту 141,1. [162]

Первый бой в новых условиях требовал особенно тщательной подготовки. Полки сосредоточились в лесах юго-восточнее села Кицканы. Здесь спешно велось обучение новобранцев. Бойцы из пополнения еще не получили обмундирования и выглядели непривычно пестро...

Командный пункт дивизии разместился в селе Копанки. Как

оказалось, это было не лучшее решение, и мы тут же поплатились за это...

Дело в том, что в тот период, как бы стремясь наверстать упущенное (примерно с месяц держалась нелетная погода), очень активизировалась вражеская авиация. Группы в составе нескольких десятков самолетов ежедневно бомбили наши боевые порядки и переправы через Днестр. Непрерывно вели разведку одиночные немецкие самолеты. В результате одного из очередных налетов на Копанки было сброшено около ста осколочных бомб. Некоторые из них угодили в КП дивизии. Были разбиты узел связи и автомашина с рацией, получили ранение несколько бойцов.

События в Копанках стали для нас хорошим уроком: никогда больше мы не размещали в селах командные пункты. Жизнь на фронте недаром зовется полевой — именно в поле и место командиров...

Перед нами оборонялись части 15-й пехотной дивизии противника с тремя минометными и тремя артиллерийскими батареями, имевшие две подготовленные позиции. Только на переднем крае гитлеровцы заранее оборудовали 20 огневых точек с блиндажами.

Все это отлично маскировалось рельефом местности, так как перед нашим передним краем тянулась гряда довольно высоких холмов, перерезанных оврагами и заросших лесом, кустарником, а кое-где даже дикими фруктовыми деревьями.

В нашем тылу почти сплошной стеной стоял лес. Высокие сосны, пушистые ели, раскидистые буки надежно прикрывали нас от наблюдателей противника. Однако в то же время деревья очень затрудняли солдатам ориентировку...

Атаковать решено было ночью. Предварительно в оставшиеся два дня мы провели репетицию, чтобы посмотреть, как поведут себя новобранцы.

К 4 часам утра 24 апреля атакующие части заняли [163] передовые окопы, и в течение дня командиры подразделений довели боевую задачу до каждого воина.

В 2 часа 25 апреля после мощного пятиминутного налета всей артиллерии армии батальоны прорыва под руководством командиров полков дружно атаковали неприятеля.

С ходу овладев передовыми позициями, наши подразделения продвинулись примерно на два километра и выбили врага из села Фынтына-Мускулуй. Но затем, наткнувшись на огонь, который немцы вели со второй позиции, залегли и стали окапываться примерно в трехстах метрах южнее захваченного села.

И тут в воздухе появились советские штурмовики.

Краснозвездные машины, прозванные фашистами «черной смертью», ударили по огневым точкам врага.

Майор Гурский не медля приказал разведчикам подобрать место для нового НП полка...

Разведчики двинулись ко второй линии немецких траншей, откуда уже полностью прекратилась стрельба: наша авиация сделала свое дело.

Вслед за разведчиками, которые уже заняли вражеские траншеи на высотке, туда перебежками двинулись майор Гурский, командир артиллерийского дивизиона майор Воловень и радист. Они с размаху влетели в окоп и увидели такую картину: прижавшись к противоположным стенкам окопа, три наших разведчика замерли против трех фашистов с пулеметом. Внезапное появление Гурского и его товарищей спасло разведчиков — и фашисты подняли руки... Гурский расположил свой НП буквально в ста метрах от противника, в его же окопе, и продолжал успешно руководить боем.

Гитлеровцы не пожелали смириться с потерей важного опорного пункта Фынтына-Мускулуй и сделали все, чтобы сбросить наших с плацдарма: ввели в бой новые части, захватили инициативу в воздухе.

Группы немецких самолетов, по 20 в каждой, методически прочесывали леса, бомбили боевые порядки наших войск. Несколько бомб разорвалось в районе КП дивизии, расположившемся в лесу. На какое-то время нарушилась связь с полками...

Дело в том, что соседняя с нами 333-я стрелковая не смогла продвинуться вперед, встретив упорное сопротивление. Это дало возможность гитлеровцам быстро сманеврировать [164] резервами, подтянуть их к Плон-Штубею и с рассвета до 11 часов контратаковать нас. Каждую контратаку противник сопровождал ураганным артиллерийско-минометным огнем. Отбив четыре контратаки, мы сами в течение дня дважды атаковали немцев при мощной поддержке артиллерии, но продвинуться тоже не смогли.

— Такой обработки не бывало с Голой Долины, — говорили бойцы.

Но как только враг предпринимал атаку, тут же оживали наши огневые точки: строчили пулеметы, били артиллерийские батареи, стреляли минометы, и противник не мог продвинуться ни на шаг.

— Мы никак не можем понять, — заявили первые пленные, доставленные на КП, — каким образом ваши солдаты остаются невредимыми?

А вся хитрость заключалась в том, что люди умело

использовали укрытия, в том числе и фашистские окопы...

С 19 по 29 апреля дивизия вела бои на этом участке. Своими действиями она помогла расширить и закрепить плацдарм, с которого в августе 1944 года 3-й Украинский фронт начал грандиозное наступление на Румынию.

* * *

Командование фронтом высоко оценило боевые качества воинов 203-й дивизии, и ее передали в 5-ю ударную армию, которую принял во 2-й Украинский фронт Р. Я. Малиновский.

9 мая 1944 года мы получили первое боевое задание от нового командующего армией генерал-полковника В. Д. Цветаева. Никто тогда не предполагал, что именно первый бой в новой для нас армии будет очень тяжелым и окажется последним для многих отличных солдат и офицеров дивизии...

После весенних сокрушительных ударов Красной Армии противник в основном был отброшен за Днестр. И только на отдельных участках удерживал небольшие плацдармы на левом, нашем, берегу. Одним из таких плацдармов являлась излучина Днестра между городом Дубоссары и поселком Григориополь. Река здесь резко огибала высокий правый берег, потом километров 15 текла на юго-запад и, словно встретив препятствие, крутой дугой сворачивала назад, к северо-востоку. Петляя и извиваясь у правого берега, она как бы возвращалась к [165] первому своему изгибу. На наших картах конфигурация Днестра в этом месте очень напоминала бутылку с узким горлом. Именно с этого плацдарма нам с соседней 243-й стрелковой дивизией приказали выбить врага. Плацдарм обороняли 4-я немецкая горнострелковая дивизия и 94-й запасной батальон при поддержке трех минометных и четырех артиллерийских батарей.

Фашисты сильно укрепили вход в горловину «бутылки». Благодаря этому им удалось до подхода нашей дивизии отбить многие атаки ранее наступавших советских соединений.

Штурм плацдарма был намечен на 14 мая. В наступлении участвовали 243-я и 203-я стрелковые дивизии, слева оборонялась 248-я. Их поддерживали два артиллерийских и два минометных полка, а также танковая бригада.

Ведя рекогносцировку, часами изучая в бинокли и стереотрубу оборону противника и его тылы, мы невольно любовались дивными молдавскими пейзажами. Сразу за линией фронта находилось утопавшее в зелени село Дороцкое. Вся излучина была покрыта густыми рощами и виноградниками, а вокруг сел Кошница и Перерыта далеко раскинулись пашни.

— Как все это похоже на мои родные места! — говорил комбат 610-го полка Осман Джафер. — Смотрю, и сердце стучит

так, что ордена подпрыгивают на груди. Честное слово!

Из-за узости полосы атаки было решено наступать двумя эшелонами. Первый, в составе 592-го и 610-го полков, при поддержке шести артиллерийских дивизионов имел начальную задачу прорвать оборону противника и овладеть селом Дороцкое, затем наступать к селу Перерыта, которое являлось как бы основанием «бутылки». В дальнейшем, взаимодействуя с 592-м полком, в прорыв устремлялась приданная нам танковая бригада.

Во втором эшелоне двигался 619-й полк.

— Товарищ майор, — обратился Джафер к Гурскому, — разрешите моему батальону выбить оккупантов из Дороцкого. С задачей справляюсь. Все будет в порядке.

— Твое предложение мне по душе, — ответил Гурский. — Но прошу помнить о взаимодействии. И никакого ухарства... Я ведь тебя знаю.

Джафер сделал вид, что обиделся:

— У меня же замполит Герой Советского Союза капитан [166] Корнеев. Разве он допустит ухарство? — В карих глазах Джафера блеснули лукавые искорки: — Ладно. Будем взаимодействовать. Хотя соревнование еще никогда и никто не отменял, даже на войне...

Дивизия усиленно готовилась к прорыву. Отрабатывались наступательный и оборонительный бои взвода, роты, батальона с большими средствами усиления.

— Мы теперь — в ударной армии, — говорил Джафер солдатам. — Что это значит? Понимаете?

— Как не понять! Дело ясное. Надо, стало быть, бить врага еще крепче.

— Чем бить?

— Оружием.

— Верно. Но не только оружием. Смекалка тоже здесь не последнее средство.

И он показал бойцам, как надо легко и быстро передвигаться по виноградникам, как лучше занимать огневые позиции на гористой местности...

...В 3 часа утра 14 мая, как только обозначился рассвет, ударила наша артиллерия. После 30-минутной огневой обработки переднего края противника в атаку с мощным солдатским «ура!» двинулись 592-й и 610-й полки, взаимодействовавшие с танковой бригадой.

Сильный и неожиданный удар застал гитлеровцев врасплох. Они почти не оказали сопротивления.

Батальон Джафера ворвался в Дороцкое. А около 9 часов утра полки майоров Колесникова и Гурского уже заняли село

Перерыта и близлежащий лес. Задача, поставленная генерал-полковником Цветаевым, была выполнена: немцев в основном удалось выбить из злополучной днестровской «бутылки».

Примерно за час до этого на мой НП прибыл командующий 3-м Украинским фронтом Родион Яковлевич Малиновский. Выслушав доклад об обстановке, он улыбнулся и негромко сказал:

— Молодцы, запорожцы! До сих пор вы умели хорошо обороняться. А теперь вижу — и наступаете неплохо...

В это время над полем появилось до 50 немецких самолетов, они начали бомбить боевые порядки дивизии. Но через несколько минут в строй фашистских стервятников вклинилось 15 краснозвездных «ястребков», и завязался воздушный бой...

— Быстрей захватывайте переправы через Днестр, — [167] спокойно сказал Малиновский. — Место тут у вас хоть и красивое, но в военном отношении неуютное. Вы — в низине, а враг — по берегам наверху, Все видит...

Он попрощался и уехал.

А вскоре на КП дивизии поступило сообщение, что полки Гурского и Колесникова подошли к основанию излучины, иначе говоря, успешно решили боевую задачу.

Вечером того же дня мы получили обращение Военного совета 5-й ударной армии, в котором говорилось, что 14 мая в 8 часов 30 минут окончательно очищен от противника плацдарм на левом берегу Днестра. Далее отмечалось, что бойцы, сержанты и офицеры частей под командованием Ткачева и Здановича проявили исключительную отвагу и воинское умение в борьбе с упорно сопротивлявшимися гитлеровцами. В числе особо отличившихся отмечались подразделения трижды орденоносца Османа Джафера и его заместителя по политчасти Героя Советского Союза Григория Корнеева.

А вскоре был получен приказ: с утра 15 мая форсировать Днестр... Новую задачу, поставленную командармом, штаб дивизии немедленно довел до полков.

Мой НП был перенесен на высоту в самой горловине «бутылки». Это облегчило управление полками и улучшило наблюдение, но само место просматривалось неприятелем с высокого правого берега и даже простреливалось пулеметным огнем.

Весь день продолжались массированные налеты вражеской артиллерии и авиации: немцы пытались не допустить маневра наших войск и помешать ведению оборонительных работ. Одновременно они переправляли у Дубоссар на наш берег имевшиеся под рукой резервы и вечером бросились в контратаку.

Майор Гурский отразил ее ротой автоматчиков, а затем отвел 2-й батальон капитана Джафера с полуострова севернее Коржева и занял оборону.

Именно тогда, во время артналета, был убит любимец солдат заместитель командира 610-го полка по политчасти майор Виктор Владимирович Сендек.

619-й полк тоже отбил контратаку врага и неоднократно пытался вытеснить его с полуострова, но безрезультатно...

Полки дивизии вытянулись вдоль берега в одну линию протяженностью 14 километров. Об этом знало командование [168] армии. Знало оно и о том, что гитлеровцы подтягивают к «бутылке» две танковые дивизии и мотострелковый полк. Однако мы не получили приказа на оборону.

В течение ночи на 15 мая, то есть в канун нашего предполагаемого форсирования Днестра, немцы перешли к активным действиям. Они с ходу перебросили через реку 14-ю танковую дивизию и 116-й мотополк и после сильного огневого налета двинулись на рассвете в атаку в четырех направлениях. На высотку 15,1 было брошено до двух батальонов с танками с полуострова севернее Коржева; на село Перерыта — до батальона пехоты; на Вадулуй-Вады и на лес у озера Догма — до двух рот; из садов, что в двух километрах западнее Кошницы, двинулись на Кошницу около 150 солдат.

Завязался ожесточенный бой, который по числу потерь среди старшего офицерского состава был самым тяжелым для дивизии.

Наши части, готовившиеся к переправе через Днестр, не смогли уделить должного внимания обороне, не отрыли блиндажей, траншей, укрытий... И когда вслед за артналетом в майском прозрачном небе появились немецкие бомбардировщики, положение стало критическим.

Телефонисты еле установили связь с 619-м полком, все действия которого были хорошо видны мне: полк находился буквально в километре от НП дивизии. Видя, что фашисты ведут ураганный огонь по его расположению, я попытался связаться с подполковником Яремчуком. Но вместо командира полка трубку взял помощник начальника штаба.

— Мефодий Платонович Яремчук тяжело ранен, — доложил он. — Ранены осколками бомб его заместители майоры Александр Михайлович Бачкин и Василий Александрович Антонов. Выбыли из строя парторг и агитатор полка — капитаны Арсентий Петрович Обернихин и Николай Васильевич Федякин, командир батальона капитан Алексей Алексеевич Бронский, все командиры рот...

В стереотрубу я видел, как от небольшой высотки, что

возвышалась над берегом у деревни Дубоссары, расположение полка атаковал противник.

— Какими силами вы атакованы? — спросил я.

— Не могу знать, — послышалось в трубке. — Наверное, полком... [169]

К тому времени правый фланг 619-го дрогнул и стал отходить к НП дивизии.

— Все офицеры штаба — в цепь! — скомандовал я. — Задержать отступающих бойцов и отбросить противника!

В полукилометре от НП закипел бой. В прибрежном кустарнике офицеры штаба встретили бойцов 619-го. Увидев рядом с собой командиров, солдаты быстро обрели уверенность, стали управляемыми, боеспособными. Атака была отбита.

А на НП дивизии уже докладывали, что немцы подтягивают резервы.

3-й батальон 619-го полка под командованием моего бывшего адъютанта капитана В. М. Тимченко находился в тылу.

— Срочно вызвать батальон Тимченко, — приказал я.

В это время один из снарядов разорвался совсем неподалеку. Меня отбросило в сторону, обожгло бок...

— Вы ранены, товарищ генерал! — крикнул радист и бросился было на помощь.

Я жестом остановил его и приказал передать по рации, чтобы 619-й любой ценой отразил атаку.

Их было несколько, атак противника. Но все удалось отбить...

В 16 часов по нашему расположению опять ударила артиллерия, в воздухе повисло два десятка немецких бомбардировщиков...

И вновь — вражеская атака.

Теперь стало ясно: немцы атакуют НП дивизии. Надо было во что бы то ни стало остановить их.

— Все офицеры, охрана и связисты — в цепь! — отдал я распоряжение. И люди тут же залегли на склоне небольшой высотки, метрах в ста от НП.

Первая атака была отбита, но через час противник вновь перешел к активным действиям...

Однако в часе — шестьдесят минут. А мы привыкли ценить на войне каждую минуту, особенно в критических ситуациях. Так было и в тот раз. За час между первой и второй атаками гитлеровцев мы сумели создать на НП подобие обороны: окопались, собрали некоторое количество бойцов, заняли более удобную позицию.

— Разрешите мне залечь с бойцами, — попросил полковник Беспалько. — А вам бы, товарищ генерал, надо обратиться в

медсанбат. У вас вся гимнастерка в крови... [170]

— Если потребуется, все пойдем в цепь... В случае новой атаки на НП остается только наш гость — начальник штаба 34-го гвардейского стрелкового корпуса полковник Савицкий. Поэтому вам некуда спешить, Игнатий Федорович...

...Была середина мая. В садах бушевала метель осыпающихся лепестков вишен и яблонь. А когда дул ветерок, относивший в сторону кисловатый пороховой дым, ясно ощущался запах сирени.

Голова у меня раскалывалась от боли, от потери крови стучало в висках, страшно мучила жажда.

«Отдыхать бы в этих местах, рыбачить, загорать на солнышке», — навязчиво вертелась в мозгу нелепая в тот момент мысль... А противник был всего в ста метрах.

Я отчетливо слышал гортанные команды немецких офицеров, поднимавших солдат в атаку. И вот уже в светло-зеленой листве кустарника задвигались темные пятна, постепенно их становилось все больше, они сливались в сплошную шевелившуюся цепь: фашисты шли на сближение.

— К нам на помощь подходит учебная рота, — доложил Савицкий. — Только бы продержаться...

— Продержимся. — Я вытащил пистолет. И тут же остальные последовали этому примеру: и полковник Беспалько, и прибывший к нам начальник политотдела 34-го гвардейского стрелкового корпуса полковник Артемьев и прокурор дивизии майор Садовников...

— Солдаты, — обратился я к тем немногим бойцам, что находились у НП, — будем стоять насмерть!

Более 1700 километров прошла дивизия от Дона до Днестра, провела 120 наступательных боев. И вот снова пришлось вспомнить старый девиз времен трудной обороны: «Стоять насмерть!»

А впереди темнела, извивалась вражеская цепь. Согнувшись, цепляясь за податливый кустарник, гитлеровцы короткими перебежками приближались к нам. Шли они без шинелей. И мне почему-то врезалось в память, как тускло поблескивали на солнце оловянные пуговицы их мундиров.

В воздухе заливались какие-то птахи. И от этого особенно давящей была тишина в те минуты.

На сколько метров подошли фашисты, сказать затрудняюсь. Только когда с яростным ревом, словно он защищал [171] от пуль, заглушал страх и толкал вперед, бросились они в последний рывок, раздался дружный залп наших бойцов. Дробно застучали выстрелы, послышались взрывы гранат. Нет, не молча

отражали атаку советские солдаты. Они тоже что-то кричали, угрожающе приподнимались из своих мелких окопчиков, готовые броситься в яростную рукопашную схватку...

Полковник Савицкий, оставшийся на НП, успел доложить в штаб армии, что весь состав НП дивизии во главе с командиром отражает неприятельскую атаку. Ему сообщили, что в помощь нам высланы еще десять танков... Но Савицкий уже не услышал этих слов: он был тяжело ранен...

Зато я отчетливо помню, как кто-то в цепи закричал:

— Товарищ генерал, подмога! Мы выстояли!!!

Рядом с нами разворачивалась учебная рота. А невдалеке, где-то в тылах, заглушая выстрелы, постепенно нарастал металлический лязг и гул наших танков. Подходил и батальон Тимченко...

«Выстояли», — пронеслось в мозгу. И опять почему-то пришла мысль об отдыхе и рыбалке в этих местах... Я с трудом поднял голову. Перед глазами мелькали красные круги, но я все-таки увидел, как дрогнула вражеская цепь, как стала откатываться назад.

«Убит Беспалько... Убит Беспалько... Убит Беспалько...»

Что это, сон? Бред?

Надо мной склонилась санинструктор. В руке у нее бинты, почему-то запахло карболкой.

— Я и пульс проверяла, и ухом сердце прослушивала... Убит...

— Кто убит?

— Полковник Беспалько...

Всякое случалось на войне. Утраты приходилось переживать чуть ли не ежедневно. И все равно к ним невозможно было привыкнуть, каждая отзывалась болью в сердце. А как смириться, когда уходит из жизни человек, который тебе роднее брата, человек, с которым делил кров и хлеб, в которого безгранично верил, с которым столько вместе прошел по огненным дорогам войны.

Я потерял сознание... [172]

После операции и долгих препирательств с врачами меня не эвакуировали в тыл, а оставили в медсанбате дивизии. Отлеживался я в небольшой хате молдавского села Гортоп. Медицинская сестра Елена Ильинична Богачева ухаживала за мной, делала перевязки, а потом бежала в медсанбат помогать в операционной.

Тогда впервые за всю войну я оставался в полном одиночестве и многие часы думал об увиденном и пережитом... Перед глазами (в который раз!) вставали недавние бои, отчаянно

трудный момент отражения последней атаки, гибель Игнатия Федоровича Беспалько... Потом почему-то я увидел себя мальчиком. Вспомнил, как на девятом году жизни плясал от радости на похоронах отца. Плясал потому, что теперь он больше не будет бить меня и маму... А мать плакала навзрыд и причитала: «На кого ж ты оставил меня с малыми сиротами...»

Потом была учеба в церковно-приходской школе, экзамены в большом селе Остров, куда от нас было десять верст ходу...

Летом 1915 года подошли к нашему селу кайзеровские солдаты. Мать, наскоро собрав троих детей, усадила нас на повозку, и мы, не теряя времени, тронулись в горестный путь.

Сколько скитались по пыльным, голодным дорогам, сказать не могу, только в Бобруйске занемогла мать и вскоре умерла от холеры...

Нас, троих сирот, определили в детский приют, который находился в селе Солоница на Полтавщине. Там я закончил 5-й и 6-й классы, выучился сапожному ремеслу, стал работать подмастерьем...

В 1919 году вступил добровольно в Красную Армию. Неделю проучился в Петрограде на комкурсах, потом окопы под Пулково и Детским Селом: на Петроград наступал Юденич.

Летом 1920 года окончил командные курсы при штабе 14-й армии в Кременчуге и стал краскомом. В 1931 году окончил Академию имени М. В. Фрунзе, а в 1933 — Академические курсы усовершенствования технического состава при Военной академии механизации и моторизации РККА.

К началу войны я был полковником. А уже в 1941-м выходил из окружения под Пирятином. Но все это далеко [173] позади... Скоро конец войне. Многие ли из нас встретят этот счастливый день?..

* * *

В мое отсутствие дивизией командовал начальник штаба полковник Александр Васильевич Семенов: на плацдарме в излучине Днестра продолжались бои.

Туда же по приказу командарма был перенесен НП командира нашего 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Николая Матвеевича Маковчука.

Части корпуса, зажатые со всех сторон наседающим противником, оборонялись с исключительным мужеством, но несли тяжелые потери. Уже к исходу дня 15 мая был убит заменивший меня полковник Семенов, тяжело контузило командующего артиллерией подполковника Дегтярева.

В ночь на 16 мая немцы высадили не менее двух батальонов пехоты на северной окраине села Кошница, которую занимали

части 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Врагу удалось оседлать дорогу на село Дороцкое, у самого выхода из излучины. Это очень затруднило подвоз боеприпасов и продовольствия нашим войскам. С плацдарма стало почти невозможно эвакуировать раненых...

Целый день 203-я дивизия сражалась без командира... Только к десяти утра под сильным огнем противника на НП командира 592-го полка прибыл вновь назначенный командир дивизии подполковник Василий Иванович Шорин. Но через два часа и он был убит во время бомбежки. Тогда по приказу командира корпуса во главе частей дивизии, находившихся на плацдарме, был поставлен командир 592-го полка майор Антон Михайлович Колесников.

В ночь на 17 мая противник навел мост у северной окраины Кошницы. Переправив бронетранспортеры и самоходки, он при поддержке 16 орудийных, 7 минометных и 2 шестиствольных батарей в условиях непрерывной авиационной бомбежки перешел с утра в решительную атаку и к полудню перехватил горловину излучины, взяв в кольцо 243-ю и 203-ю стрелковые дивизии.

Обстановка для окруженных частей сложилась тяжелая. Не хватало боеприпасов и продовольствия, непрерывно увеличивалось число раненых. Жители Перерыты [174] и Кошницы делали для бойцов все, что могли: кормили их, перевязывали, ухаживали за теми, кто вышел из строя.

Штаб армии неоднократно пытался подбросить боеприпасы и продовольствие на бронетранспортерах и танках, но это не удавалось.

Приняв командование окруженными частями, майор Колесников под непрерывным неприятельским огнем все-таки сумел создать прочную оборону, используя трофейное оружие и боеприпасы.

Убедившись, что ему не сломить советских бойцов, противник стал забрасывать наши позиции листовками. «Дивизия окружена, — говорилось в них. — Генерал Зданович убит. Сдавайтесь в плен: листовка послужит пропуском».

— Спасибо, туалетной бумаги подкинули, — зло говорили бойцы...

19 мая гитлеровцы овладели Кошницей. Это вынудило командира корпуса генерала Маковчука перейти на НП Колесникова.

Огневые налеты фашистской артиллерии становились все более ожесточенными. Поредела наша пехота, вышли из строя многие пушки.

Расчеты 4-й батареи, которой командовал сержант

Москаленко, много раз винтовками и гранатами отражали попытки немцев захватить пушки. Осколками снарядов были перебиты все лошади и ранены многие бойцы. И все же они нашли в себе силы руками перекатить орудия в перелески и занять оборону.

Во время новой бомбежки был убит сержант Москаленко. Кто-то из рядовых артиллеристов принял командование. К тому времени батарея имела всего по четыре снаряда на ствол, по пять-шесть патронов на бойца и по одной гранате на двоих.

Но люди не дрогнули. Они стояли насмерть.

Выход был один — прорываться!

И командир корпуса генерал-майор Маковчук с разрешения Военного совета армии приказал в ночь на 20 мая перегруппироваться, чтобы сильным ударом прорвать вражескую оборону в районе горловины излучины.

Предстоял решительный бой. Надо было незаметно, до наступления темноты, собрать в кулак всю живую силу и материальную часть, разбросанную по полуострову, [175] подтянуть обозы с ранеными и имуществом, распределить силы. Бойцам батальона 592-го полка во главе с комсоргом лейтенантом Д. А. Чумаченко предстояло выполнить ответственную боевую задачу — прикрывать тылы.

Перед вечером наша артиллерия обрушила мощный огонь по скоплению немецких танков восточнее Кошницы; по пехоте, укрывшейся в лесу западнее села Дубоссары, несколько залпов произвели «катюши». Удар ошеломил неприятеля, причинил ему большие потери.

А в это время окруженные части совершали перегруппировку. Все раненые, которые могли передвигаться, заняли место в цепи. Тех, кто не мог идти, уложили на повозки и орудийные лафеты.

По условному сигналу все воины 203-й и 243-й дивизий, способные держать оружие, плотно окружили обоз, кухни, пушки в конной упряжке и с могучим «ура!» двинулись на прорыв.

Гитлеровцы открыли беспорядочный огонь и стали в панике разбегаться от катившейся на них лавины.

Впереди двигались наши танки. Они давили, сминали вражеские заслоны... Одна бронированная машина не сумела сманеврировать и сорвалась с крутого днестровского обрыва в реку... Вместе с экипажем погибли два прославленных офицера нашей дивизии — Герои Советского Союза капитаны И. Т. Шикунов и Г. И. Корнеев{8}. Многие гитлеровцы, подавленные внезапностью и стремительностью прорыва, попрятались в окопах и не оказали никакого сопротивления.

К часу ночи 20 мая главные силы корпуса вышли из

окружения. Были спасены почти все раненые, орудия, снаряжение.

Майор Колесников был ранен во время прорыва, но не ушел с поля боя, пока не убедился, что все солдаты 203-й вне опасности. Все... кроме оставленного прикрытия. Двенадцать бойцов во главе с комсоргом Чумаченко не сумели быстро отойти вслед за прорвавшимися частями и остались на плацдарме.

Но советский человек не падает духом даже в самой сложной обстановке. В течение трех суток солдаты из [176] группы Чумаченко шли к своим. Днем скрывались в перелесках, а по ночам продвигались вперед. Действуя штыками, они бесшумно снимали встречные заслоны врага. Нелегким был их путь, но упорство и воля, солдатское мужество победили — они вышли к своим.

С тех пор прошло 35 лет, но никогда не изгладятся из моей памяти тяжелые бои дивизии на плацдарме в излучине Днестра, которые для многих солдат и офицеров стали последними...

* * *

28 мая, немного окрепнув, я снова приступил к исполнению своих обязанностей. Приближалось двухлетие дивизии. Штаб готовил материалы о ее боевом пути.

За время боев от Дона до Днестра 203-я уничтожила, вывела из строя и пленила около 30 тысяч вражеских солдат и офицеров. Было повреждено и захвачено около 500 орудий, 560 минометов, более 1000 пулеметов, подбито или сожжено свыше 70 танков и самоходных орудий и 19 самолетов, захвачено 33 склада боеприпасов, продовольствия и различного военного имущества.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество 5600 человек было награждено орденами и медалями Советского Союза, 15 самым отважным присвоено звание Героя Советского Союза.

Все это радовало, вселяло гордость. На собраниях, митингах, посвященных юбилею, воины клялись и дальше умножать своим ратным трудом славу родного соединения...

После выхода из окружения и переформирования дивизия сосредоточилась юго-восточнее города Бельцы Молдавской ССР и вошла в состав 57-го стрелкового корпуса 53-й армии. Здесь в течение двух месяцев она совершенствовала тыловую оборонительную позицию 2-го Украинского фронта, вела усиленную боевую и политическую подготовку, сколачивала подразделения, части, штабы.

Начальником штаба дивизии был назначен двадцативосьмилетний подполковник Евгений Ефремович

Идамкин. Заместителем командира дивизии по строевой части стал полковник Владимир Васильевич Артамонов. Командующим [177] артиллерией — подполковник Петр Иванович Гусев. Заместителем командира дивизии по политической части и начальником политотдела — подполковник Иван Степанович Степанов.

Вскоре поправились и возвратились на свои должности командир 592-го полка майор Антон Михайлович Колесников и командир 619-го полка подполковник Мефодий Платонович Яремчук.

Неожиданным и очень приятным было возвращение к нам майора Османа Джафера. После тяжелого ранения он был, как говорится, по чистой уволен из армии.

И вдруг, приехав на командный пункт, я застал там Джафера.

— Гость у нас, — сказал Гурский. — Дорогой гость... Мы с Джафером расцеловались.

— Просьба, товарищ генерал, — сказал он, успокоившись. — Возьмите в строй. Направления мне не дали, отвоевал свое, говорят... Но пока глаза видят, ноги носят, разрешите бить фашистов. Очень прошу...

Осман Топазович, похудевший, осунувшийся, смотрел на меня чуть прищуренными карими глазами.

— Возьмите его, товарищ генерал! — поддержал Джафера Гурский.

С радостью пошел я навстречу двум ветеранам дивизии: майор Джафер был назначен заместителем командира 610-го полка.

Будучи в резерве, мы готовились к освободительному походу за пределами Родины.

12 августа наша дивизия, находившаяся во втором эшелоне 2-го Украинского фронта, вышла к реке Прут. За ней лежала чужая земля...

В 1941 году мужественные пограничники первыми приняли здесь удар коварного врага. Здесь они начинали битву за родную землю. Долог был наш путь обратно к этим рубежам. Но мы пришли. Пришли через Сталинград и Днепр, через блокаду Ленинграда. Все выдержали, все вынесли...

Мост через Прут. Сколько похожих мостов было на пути дивизии! Но этот — особый. Здесь — Государственная граница СССР.

Кто-то из наших там, за мостом, на румынской земле, успел сделать арку и написать на ней слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и [178] погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля». И солдаты походным строем во главе

со своими командирами направлялись под эту арку...

На переправу прибыл командир корпуса. Вместе с ним мы пропускали войска. Впервые за годы боев солдаты шли, печатая шаг. И когда в шеренгах раздавалась команда «Вольно!», многие, уже находясь на мосту, оглядывались, словно прощаясь с родными полями и селами. Некоторые бойцы по примеру суворовских богатырей несли в кармане завязанную в тряпицу горсть родной земли...

Дивизия двигалась по мосту, который как бы разделял два мира. Ей предстояло вместе с другими частями и соединениями Красной Армии освобождать народы Юго-Восточной Европы от немецко-фашистских оккупантов.

* * *

Пришла пора завершать рассказ. Но если когда-нибудь удастся продолжить его, я непременно напишу, как наша 203-я стрелковая дивизия прошла с боями свой путь до конца войны. Как мы участвовали в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, а затем воевали на Дальнем Востоке... Пока же, как говорится, лишь подведу общие итоги.

Наше соединение, сформированное в трудные майские дни 1942 года, более трех лет непрерывно находилось в боях и с честью пронесло через все испытания свое Боевое Знамя. За это время мы прошли свыше 8000 километров, форсировали около 20 водных преград, участвовали в освобождении сотен сел и деревень и десятков городов, в том числе таких крупных, как Запорожье, Николаев, Одесса, Брно. На счету дивизии значится 55 000 уничтоженных и захваченных в плен солдат и офицеров противника, 167 танков и самоходных орудий, 559 орудий различных калибров, 616 минометов, 2916 пулеметов, 19 самолетов, 3800 автомашин и тракторов, 51 паровоз, 4600 вагонов с военными грузами, около 100 000 снарядов и мин, почти 30 000 винтовок и автоматов и миллионы штук патронов.

За отличные боевые действия 203-я стрелковая получила 17 благодарностей Верховного Главнокомандующего, [179] награждена орденами Красного Знамени и Суворова II степени, ей присвоено почетное наименование Запорожско-Хинганской. Отмечены правительственными наградами все ее части. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами 16 040 солдат, сержантов и офицеров награждены орденами и медалями, а 27 воинам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Так воевали мы в годы войны. А как сложились судьбы ветеранов дивизии в мирное время?

В феврале 1946 года меня назначили командиром стрелкового корпуса, осенью того же года — начальником курса военно-исторического факультета Академии имени М. В. Фрунзе. В 1953 году я по болезни уволился в запас и переехал в Воронеж. Но и по сей день не ослабевают связи с бывшими моими подчиненными. И я рад, что могу хотя бы кратко сообщить читателям о некоторых героях книги.

Бывший начальник штаба дивизии генерал-майор в отставке Антон Теофилович Сивицкий с 1943 по 1958 год служил в Войске Польском. В последнее время он жил в Москве, где и умер в январе 1977 года.

Бывший командир 592-го полка Антон Михайлович Колесников вскоре после войны закончил Академию имени М. В. Фрунзе, а затем Академию Генерального штаба. Ныне он генерал-лейтенант, заместитель начальника Академии тыла и транспорта в Ленинграде.

В Ростове-на-Дону на военной кафедре медицинского института и поныне работает бывший комбат 619-го полка Герой Советского Союза подполковник Василий Михайлович Тимченко.

На металлургическом заводе имени В. И. Ленина в Кривом Роге трудится прославленный наш снайпер Сергей Тихонович Орлов.

Начальник 1-го отделения штаба дивизии подполковник Николай Васильевич Погодаев обосновался в Тюменской области. Был райвоенкомом, сейчас на пенсии. Андрей Максимович Гурский живет в Запорожье, Леонтий Дорофеевич Гайдамака — в Луцке, Мефодий Платонович Яремчук — в Ростове-на-Дону.

По сей день служат в Советской Армии бывший помощник начальника 1-го отделения штаба дивизии Михаил [180] Никитович Терещенко и помпотех артполка И. А. Маросанов. Оба они ныне генералы.

Бывший командир санитарного взвода В, А. Латышев стал ректором медицинского института в Краснодаре. А другой медик — отважный санинструктор и комсорг 592-го полка Мальвина Яковлевна Радошовецкая (Лебедева) живет в Москве.

В Сальске трудится первый в нашей дивизии Герой Советского Союза бывший пулеметчик Борис Иванович Терентьев. В разных концах страны работают другие Герои Советского Союза, воевавшие в нашей дивизии. На Ставрополыцине — артиллерист Иван Иосифович Вехов, недавно награжденный орденом Октябрьской революции. В селе Гасановка Запорожской области — Василий Максимович Авраменко, являющийся к тому же полным кавалером ордена Славы. На заводе в Таганроге — младший сержант Николай Ильич Корниенко, Не забыл своей

военной специальности бывший связист Иван Алексеевич Омельченко — он работает на узле связи в городе Гуково Ростовской области. Прославленный разведчик Николай Лаврентьевич Платонов стал после войны бухгалтером и поселился в Калуге. Пулеметчик Николай Ефремович Симинихин — алтайский колхозник. Пулеметчик Михаил Гаврилович Замула — токарь в городе Калуш Ивано-Франковской области. Артиллерист Есен Шегреевич Уракбаев — председатель колхоза имени Чапаева Западно-Казахстанской области. Стрелок Антон Гурьевич Якуба растит хлеб на земле Запорожья, а его однополчанин, тоже стрелок, Николай Иванович Губин добывает уголь в Краснодоне...

Все, о ком рассказано в этой книге, были воинами 203-й дивизии, своей доблестью и мужеством прославившими ее Боевое Знамя. Труженики войны, они, когда потребовалось, стали солдатами трудового фронта, активными строителями мирной жизни.

День ото дня хорошеет наша любимая Родина. И в этом есть частица заслуг моих славных однополчан. Низкий поклон вам за это, мои боевые друзья.

Примечания

{1} 63-я армия с 4.XI 1942 года была преобразована в 1-ю гвардейскую (второго формирования), а с 8.XII 1942 года переименована в 3-ю гвардейскую армию. — *Прим. ред.*

{2} ЦАМО СССР, ф. 3 гв. армии, оп. 4257, д. 41, л. 10–11.

{3} ПЗО — подвижный заградительный огонь. — *Прим. авт.*

{4} ЦАМО СССР, ф. 312, оп. 4245, д. 113, л. 3–39, 82–83.

{5} ЦАМО СССР, ф. 203, история формирования дивизии, тетрадь № 1, с. 23.

{6} 20 октября 1943 года все перечисленные фронты были переименованы. Центральный — в Белорусский, Воронежский — в 1-й Украинский, Степной — во 2-й Украинский, Юго-Западный — в 3-й Украинский, Южный — в 4-й Украинский. — *Прим. ред.*

{7} Прежний начальник штаба майор Николай Васильевич Погодаев убыл из дивизии в связи с тяжелым заболеванием. — *Прим. авт.*

{8} В 1969 году затонувший танк был извлечен из воды и установлен как памятник погибшим героям на месте бывшего НП дивизии. — *Прим. авт.*

Список иллюстраций

Гавриил Станиславович ЗДАНОВИЧ (фото 1973 года)

И. М. Манагаров

А. И. Данилов

А. Т. Сивицкий

А. М. Колесников

Н. В. Погодаев

Л. Д. Гайдамка

М. П. Яремчук

И. Д. Спицын

А. М. Гурский

Е. Е. Идамкин

П. И. Гусев

П. Я. Лежнев

М. Н. Терещенко

О. Т. Джафер

Е. Е. Твеленев

Н. И. Губин

Г. Ф. Васянин

И. А. Омельченко

М. Г. Замула

Герой Советского Союза Е. П. Дудыкин

Н. Л. Платонов (фото послевоенных лет)

Н. Е. Симинихин

Герой Советского Союза В. И. Чумаченко

Герой Советского Союза С. М. Смоленский

Б. И. Терентьев

Герой Советского Союза И. Т. Шикунов

А. В. Савельев (фото 1945 года)

Е. Ш. Уракбаев

Герой Советского Союза В. М. Тимченко

Герой Советского Союза Г. И. Корнеев

Получена свежая газета. Слева направо: Г. Ф. Кузьмин, капитан Шемет, И. Ф. Беспалько

В. Г. Марченко

С. Т. Орлов

М. Я. Радошовецкая (Лебедева)

Участники Парада Победы Дмитрий Ломоносов и Алексей Григорьев

А. Н. Погребовский

Д. П. Разиньков

Г. Ф. Алексеенко

Ф. Н. Виннищкий

Заседание комсомольского бюро 610-го стрелкового полка. Справа налево: снайпер Сергей Орлов, комсорг старший лейтенант Слипченко и санинструктор Мария Чмелькова

М. К. Пацап

А. В. Семенов

В. В. Горбань

А. Ф. Войпалович

М. Е. Лукьянченко

П. В. Хорунжий

Офицеры управления дивизии и ее частей. Снимок сделан 9 мая 1945 года

Содержание

Новое назначение [3]
От обороны к наступлению [23]

На внешнем фронте сталинградского окружения [41]
Из боя — в бой [56]
Голая Долина [78]
В битве за Днепр [93]
Тревожные будни [129]
Здравствуй, Черное море! [143]
Дни испытаний и мужества [161]
Примечания
Список иллюстраци